

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 2/93

ISSN 0131 - 2812

Размышления о внешней
политике России

*

Россия и АТР: симпозиум

*

Японо-китайские отношения:
состояние и перспективы

*

Экономика КНР:
итоги 1992 и задачи 1993 года

*

Сталин, Троцкий и Китай: 20-е годы

*

Боги богатства в Поднебесной

1993 203

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

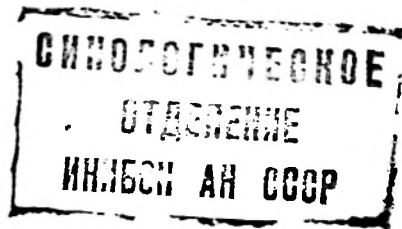
2/93

Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год на
русском и английском языках

Издается с марта 1972 г.

Н.Симония. Размышления о внешней политике России.....3

РЕГИОН

А.Родионов. Проблемы и перспективы российско-японского
инвестиционного сотрудничества..... 15
А.Семенов. Японо-китайские отношения.....22 ✓
В.Стефашин. Стратегия строительства ядерных сил Китая.....29 ✓

ОБЩЕСТВО

Я.Бергер. Некоторые тенденции социального развития современной
китайской деревни..... 37 ✓
А.Сенаторов. Что стоит за политической реформой в Японии..... 46

ОПЫТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

В.Портяков. Экономика КНР: Итоги развития в 1992 г. и
задачи на 1993 г..... 57
Цзо Чанцин. Создание новой системы социалистической рыночной
экономики..... 73
И.Богдан. Северная Корея: экономика на перепутье.....82

1 век 203

БИЗНЕС-КЛУБ

В.Савин. Законодательство об иностранных инвестициях
в СНГ и возможности сотрудничества со странами АТР..... 93

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

А.Григорьев. Борьба в ВКП(б) и Коминтерне по вопросам политики
в Китае (1926-1927 гг.)..... 102

ПРОФИЛИ

В.Молодяков. Принц - пассионарий (Судьба Фумимаро Коноэ)..... 118

КЛУБ КОНФУЦИЯ

А.Кобзев, Е.Торчинов, А.Юркевич, Л.Янгутов. Словарь китайской
философии и культуры (конфуцианство, даосизм, буддизм)..... 127

ТРАДИЦИИ И ОБЫЧАИ

В.Малявин. К вопросу о происхождении китайских богов богатства..... 142

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А.Виноградов, А.Свешников. Россия и АТР: материалы симпозиума..... 158

А.Ларин. Российско-тайваньская конференция..... 165

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

С.Нам. Из истории корейской общины на Дальнем Востоке..... 168

Н.Бугай. 40-е годы: депортированные и мобилизованные немцы..... 172

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

В.Малявин. Колл.монография "Личность в традиционном Китае"..... 178

В.Феоктистов. Л.С.Переломов. "Слово Конфуция"..... 181

Книги ИДВ РАН в 1993 году..... 186

Редакционная коллегия:

А.М.Григорьев (главный редактор), Я.М.Бергер (зам.главного редактора),
Ю.М.Гарушянц, В.И.Глунин, Л.М.Гудошников, П.М.Иванов, В.Н.Кашин,
В.В.Малявин, С.А.Манежев, П.А.Минакер, В.С.Мясников, Л.С.Переломов,
Д.В.Петров, А.А.Писарев, В.Я.Портяков, Б.Л.Рифтин, Б.Н.Славинский
(зам.главного редактора), Н.Н.Соловьев, В.Ф.Сорокин, Ю.С.Столяров,
Г.Д.Сухарчук, М.Л.Титаренко, Н.С.Тихонов (отв. секретарь), В.П.Ткаченко

(С) Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Москва, 117218, ул. Красикова, 27, тел. 124-09-04

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

О ПОНЯТИИ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Н.Симония

Многочисленные - опубликованные и неопубликованные - концепции внешнеполитической стратегии России, с которыми мне довелось ознакомиться, ограничиваются обычно рассмотрением проблемы обеспечения военно-политической безопасности страны. Такой подход представляется односторонним и потому малопродуктивным. Необходимо, думается, комплексное рассмотрение широкой совокупности внутренних и внешних аспектов безопасности. Особенно важными из них представляются следующие: сохранение национально-государственной целостности в рамках данных границ; военно-политическая безопасность; экономическая безопасность; правовая защищенность населения; экологическая безопасность.

Нет нужды доказывать, что все эти аспекты тесно взаимосвязаны. Так, при отсутствии экономической безопасности становится уязвимым и военно-политическое положение, нависает угроза национально-государственной дезинтеграции, становится проблематичным решение экологических проблем. В свою очередь глубокий экологический кризис может довести национальный генофонд до критического уровня, что поставит под вопрос само сохранение национально-этнического генотипа. Вариантов развития событий можно привести сколь угодно много.

Отсюда вполне логичным представляется вывод, что в стратегическом и теоретическом плане нецелесообразно устанавливать приоритетность тех или иных аспектов национально-государственной безопасности - все они важны, и необходимо их гармоничное сочетание. Однако в конкретно-исторической обстановке дело обстоит иначе. В зависимости от сочетания различных факторов - характера режима, внутреннего социального и политического положения, от напряженности в общественных структурах, состояния экологической обстановки, существования реальной угрозы интервенции и ряда других факторов различные аспекты безопасности на какое-то время могут становиться первостепенными. Под этим углом зрения полезно было бы сделать хотя бы краткий обзор того, в какой степени

Симония Подари Александрович, член-корреспондент РАН, заместитель директора ИМЭМО РАН.

внешняя политика руководства СССР (а в течение последних полутора лет - России) в период после второй мировой войны и до сегодняшнего дня соответствовала национально-государственным интересам страны.

Вплоть до 1985 г. во внешней политике нашей страны всецело преобладал военно-политический аспект безопасности. Гонимые вооружения были принесены в жертву почти все остальные аспекты национально-государственной безопасности Советского Союза. Кроме того, в годы сталинского режима внешний экспансионизм рассматривался как одно из важнейших средств упрочения безопасности страны (отсюда - установление контроля СССР над Восточной Европой; присоединение некоторых территорий на севере, западе и юге европейской части страны; поддержка вооруженной борьбы в Греции и активности народных фронтов во Франции, Италии; территориальные приобретения на Дальнем Востоке; установление контроля над Северной Кореей и Китаем; поддержка вооруженных восстаний и партизанской борьбы компартий Юго-Восточной Азии и т.п.). Внутренняя национально-государственная целостность на одной шестой земной суши обеспечивалась политикой унитаризма, основанной на военно-полицейском насилии. Экономика базировалась в основном на консервации индустриальных производительных сил. Вопросы экологии, как и прав человека просто игнорировались.

Такая шкала приоритетности в обеспечении национально-государственной безопасности не могла не вести к катастрофическим последствиям, что и начало ощущаться уже в 70-х годах, но окончательно выявилось в течение второй половины 80-х - начале 90-х годов. Методы военно-административного насилия не решали внутренних противоречий, а загоняли их вглубь и превращали в мины замедленного действия, которые теперь начали взрываться. Правовая незащищенность населения вылилась сегодня в правовой беспредел, также угрожающий целостности и безопасности страны. "Внешний круг" безопасности, созданный из стран-сателлитов, уже на ранних этапах создавал проблемы и отвлекал гигантские ресурсы, и чем дальше, тем меньше мог рассматриваться в качестве "защитного пояса" отечественных рубежей. На фоне глобального противостояния "двух систем" СССР время от времени вынужден был прибегать к вооруженным методам обеспечения лояльности своих "союзников" (ГДР, Польша, Венгрия, Чехословакия). К 60-м годам был утрачен контроль над Китаем, КНДР, большей частью коммунистического движения на Востоке. Попытка компенсировать потери перенесением акцентов на страны так называемой социалистической ориентации в Азии, Африке и Латинской Америке не принесла практически никаких военно-политических преимуществ, но потребовала от СССР привлечения дополнительных и весьма значительных финансовых и материальных ресурсов.

Правовой прессинг в условиях засилья командно-административной системы и отвлечение гигантских ресурсов на экспансионистскую внешнюю

политику блокировали социально-экономический прогресс. Неоправданно длительная задержка на стадии индустриальных производительных сил, полное пренебрежение техникой безопасности и преступная халатность ВПК в сфере ядерного, химического или бактериологического экспериментирования поставили страну на грань экологической катастрофы. В общем, подрывались сами основы национально-государственной безопасности. С интересующей нас точки зрения перестройка, начатая М.С.Горбачевым, в своей динамике и развитии была попыткой (хотя во многом и не реализованной) укрепления безопасности на качественно новой основе. Во внутренней политике началось постепенное продвижение по пути демократизации (хотя и весьма непоследовательное). Формально федеративное, а по существу унитарное, союзное государство в результате "ново-огаревского" процесса должно было наполниться более существенным "федеративным" содержанием. Медленно (и опять же непоследовательно и противоречиво) начался переход к коммерческим отношениям в экономике.

В соответствии с такой ориентацией во внутривнутриполитическом развитии общества находились и изменения во внешнеполитическом курсе, получившие название "нового мышления". Это был исторический прорыв, выразившийся прежде всего в отказе от глобальной конфронтации по ложно трактуемым идеологическим мотивам, что должно было, в частности, создать благоприятные внешние условия для обеспечения экономической безопасности страны. Были предприняты важные шаги по налаживанию нормальных отношений и развитию более масштабного экономического сотрудничества со странами Запада. В отношении стран "третьего мира" был взят курс на постепенную перестройку отношений (а не резкий разрыв) с ними, что выразилось в отказе от поддержки псевдореволюционных или авантюристических режимов и поэтапном переводе экономических взаимосвязей на коммерческую основу. Обозначился поворот к налаживанию нормальных отношений и взаимовыгодного сотрудничества с такими азиатскими странами, как Китай, Южная Корея, Таиланд, Сингапур и др.

Провал путча в августе 1991 г. породил надежды на резкое ускорение и существенное углубление начавшихся в Советском Союзе позитивных изменений в обществе, его внешней политике. К сожалению, события стали развиваться в негативном плане. Главная причина этого заключалась в том обвальном характере неконтролируемой дезинтеграции СССР, которая последовала за решениями, принятыми в Беловежской пуще. Ни одно из связанных с этой акцией позитивных ожиданий не оправдалось. Наоборот, в каждом из независимых государств, возникших на территории бывшего СССР, она породила целый ряд новых крупных, острых и трудноразрешимых проблем. В случае с Россией я бы выделил следующие пять:

- обвальное разрушение территориальной целостности Союза было результатом исключительно субъективных устремлений группы политических деятелей, их борьбы за политическую власть, а не результатом консенсуса всех или большинства членов союза. Именно поэтому для России сразу же

возникли проблемы безопасности ее новых границ, выработки политики в отношении новых государств, преодоления (или компенсации) последствий внезапного разрыва экономических, транспортных, коммуникационных и других взаимосвязей; проблемы русскоязычного населения в независимых республиках и урегулирования новых региональных конфликтов и конфликтных ситуаций и т.д. По-новому придется теперь решать и проблему взаимоотношений с соседями новых соседей России;

- с распадом СССР создалась реальная угроза и целостности самого Российского государства. Достаточно упомянуть Татарстан, Чечню и вообще Северный Кавказ, "парад суверенитетов" во многих автономиях. Впрочем, семена этих всходов были заложены еще на этапе противостояния российского руководства центру в течение первой половины 1991 г., в результате стремления создать себе "имидж" большей демократичности и большей либеральности (непродуманные заявления о суверенитете автономий и столь же непродуманный закон о реабилитации репрессированных народов);

- в России возникла рыхлая, несконсолидовавшаяся политическая власть. В обществе отсутствует не только социальный, но и политический консенсус, причем не только на уровне межпартийной борьбы, но и в самих структурах высшей власти, что особенно ярко проявилось на VII, VIII и IX съездах народных депутатов. Результатом является общая политическая дестабилизация, непоследовательность в проведении внутренней и внешней политики, что и прямым, и косвенным образом сказывается на ослаблении национально-государственной безопасности.

Исторический опыт многих стран (Европы в прошлом, Азии и Африки в современную эпоху) свидетельствует, что в условиях отсутствия социального консенсуса (во времена переходные от одного типа социально-экономического развития к другому) возможны два варианта установления относительной политической стабильности: или политическая элита общества сумеет достигнуть компромисса (политического консенсуса), договориться о "правилах игры", которые реализуются в рамках заимствуемой формы парламентаризма (как это имеет место в Индии, Малайзии и других странах); или недостаточная зрелость политических течений и партий делает невозможным мирный компромисс, и тогда консенсус навязывается силой - в форме ли откровенной военной диктатуры или гражданской личной диктатуры, опирающейся на поддержку армии (десятки примеров в странах Азии, Африки и Латинской Америки). Россия сегодня сталкивается именно с подобной альтернативностью;

- неуклонное ухудшение в течение 70-80-х годов состояния социально-правовой обстановки в советском обществе в 1992 г. приняло в России беспрецедентный характер. Коррупция, мафиозность, уголовная преступность возникли не сегодня, но именно теперь они приобрели невиданный размах и вкуче с "экономической реформой" правительства (проявившего крайний непрофессионализм) довели социальную защищенность населения до

невиданно низкого уровня, создали ситуацию, справедливо характеризующую в прессе "беспределом";

- в сфере экономики не была решена ни одна из основных задач, сформулированных правительством в рамках его монетаристской политики: не состоялась пока ни структурная реорганизация общественно-производственного организма, ни стабилизация экономического положения и соответственно рубля. А разрыв между процессом приватизации и либерализацией цен привел к резкому сокращению производства, но отнюдь не структурному, что было бы нормально, а общему. В результате даже при "свободных" ценах сохраняется дефицит на целый ряд важных товаров массового спроса, не говоря уже о том, что не один десяток миллионов людей разом оказались за чертой бедности. Либерализация цен при отсутствии свободного рынка с объективной неизбежностью должна была сыграть и сыграла на пользу лишь бюрократически-мафиозным структурам, действующим (и фактически главенствующим теперь) в нашей экономике, особенно в сфере распределения. До сих пор не решен на должном уровне вопрос об иностранных инвестициях (даже Индонезия решила этот вопрос сразу после отстранения президента Сукарно). Подобная ситуация наблюдается практически и во всех остальных сферах. Короче, продвижение к достижению экономической безопасности пока ничтожно.

Нерешенность вопроса о власти плачевно сказывается на внешнеполитическом курсе России. Впрочем, о его продуманности и целенаправленности говорить не приходится. Лишь 27 ноября 1992 г. на Совете по внешней политике (консультативный орган при МИД России) был обсужден проект концепции внешней политики, которому предстоит еще рассмотрение и утверждение в высших эшелонах власти. Внешняя политика носила до сих пор в основном "реактивный" характер, то есть непосредственного реагирования на происходящие события. Это фактически признал и сам президент в своем выступлении 27 октября 1992 года в российском МИДе. Для этой политики характерна непоследовательность и частая переменчивость, удивительная разноречивость мнений и позиций. Подчас создается впечатление, что у нас не одна, а несколько внешних политик одновременно. Последнее обстоятельство связано с тем, что внешняя политика стала фактически сферой противоборства различных общественных сил, различных властных структур и даже группировок внутри одних и тех же структур (по вопросам о Курилах, о русскоязычном населении в бывших союзных республиках, об отношении к региональным конфликтам, о помощи Запада и т.д.).

Еще одна особенность внешней политики: на ней лежит печать все того же стремления "доказать", что теперь она много "демократичнее, либеральнее и прогрессивнее", чем при Горбачеве. Отсюда принцип - "чем хлеще, тем лучше", отсюда - многократно отмечавшаяся однобокость этой политики. Если Горбачев начал сближение с Западом, то мы - давай это делать безгранично (идея "естественных союзников") и доказывать свою

преданность "западным (американским) идеалам". Идея партнерства также доводится до абсурда ("западным фирмам предстоит потесниться", чтобы оказать "содействие России в нахождении новых экспортных рынков". - А.Козырев. "Московские новости", N 43, 25.X.1992.). Если Горбачев начал политику пересмотра взаимоотношений с "третьим миром", то мы - давай теперь пойдём дальше и вообще отвернемся от него (за исключением 2-3 особо "доходных" стран). У нас самих еще очень далеко до реального решения проблемы прав человека, но мы пытаемся выступать в роли знаменосцев и бороться за права человека даже в тех развивающихся странах, которые вследствие объективных социальных, экономических и общих культурных условий просто не готовы еще для демократии.

С конца 1992 г. президент предпринимал усилия как-то среагировать на нарастающую критику односторонности внешнеполитического курса России. В результате этого были осуществлены визиты в Южную Корею, Индию, Китай. Но трезвая оценка этих действий вряд ли позволяет сделать вывод, что официально декларированный "прорыв на Восток" действительно состоялся. В основном удалось лишь разрешить некоторые застарелые проблемы двусторонних отношений, но не совершить стратегический прорыв в новое качество. Ущерб, нанесенный общей стратегии России в АТР сорванным визитом Б.Н.Ельцина в Японию, так и остался непреодоленным.

В сфере внешнеэкономической политики итоги также малоутешительны: получение помощи и кредитов по старым (для СССР) обязательствам было заблокировано и процесс разблокирования растянулся более чем на год; новые обещанные Западом кредиты и займы до сих пор практически не реализуются; прямые инвестиции крайне незначительны; сотрудничество и торговля с традиционными партнерами в Восточной Европе и "третьем мире" доведены до самого низкого уровня. Потребовалось еще одно необычайное обострение политической обстановки в стране в марте 1993 г., чтобы вызвать на Западе некоторое оживление в оказании экономического содействия России. По крайней мере в отношении текущего этапа можно сделать вывод, что внешняя политика России пока не очень-то справляется с одной из важнейших своих задач, а именно: обеспечением максимально благоприятных условий для развития народного хозяйства и достижения экономической безопасности.

О выборе внешнеполитических приоритетов

По данной проблеме в обществе ведутся горячие споры, которые нередко принимают характер абстрактно-теоретического и философского противопоставления западной и евроазиатской ориентации. Такое противопоставление, по крайней мере с точки зрения практической политики, представляется беспредметным. Надо честно признать, что

односторонняя ориентация на Запад объективно означает закрепление надолго нашего отставания от ведущих мировых держав. И дело не в том, что мы действительно евразийская держава, но прежде всего в том, что мы не можем по состоянию и экономических, и политических дел в стране "соответствовать", выступать на равных и быть принятыми на равных в клуб "семерки". Расчеты на то, что в ответ на наши горячие заверения в демократизме, в "естественном союзнничестве" Запад прекраснoдушно откроет нам свои объятия в ущерб своим экономическим, финансовым и прочим интересам, просто наивны и не заслуживают серьезного внимания. В то же время односторонняя ориентация на "третий мир" способствовала бы нашему дальнейшему отставанию. Поэтому-то России нужна внешнеполитическая ориентация, соответствующая приоритетам ее национально-государственных интересов на данном историческом этапе, и именно они будут определять, в каких вопросах и сферах мы будем сегодня ориентироваться на Запад, а в каких - на Восток.

В принципе долговременным национально-государственным интересам России отвечает ориентация не на какую-либо одну страну или группу государств, а на поддержание и углубление связей со всеми странами мира как наиболее адекватную требованию демократизации международных отношений, с одной стороны, и обеспечению национально-государственной безопасности России - с другой. Внутри такого многоликого мира мы должны выбирать в каждый данный исторический момент тот набор взаимосвязей и ту их приоритетность (как по странам, так и по роду взаимосвязей - военно-политическим, экономическим и др.), который оптимально отвечает текущим приоритетам наших национально-государственных интересов.

Самым главным приоритетом и неотложным интересом для России на данный момент является проблема налаживания нормальных военно-политических и взаимовыгодных экономических отношений с бывшими союзными республиками. Без тени преувеличения можно утверждать, что от решения этой проблемы зависит и характер наших взаимоотношений как с Западом, так и Востоком. Именно в зависимости от того, как мы решим эту проблему, будет определяться основательность и искренность наших претензий на обновленность России, на демократичность наших установок, на решимость стать цивилизованным членом мирового сообщества и т.п. Наконец, от того, как мы решим эту проблему, будет зависеть безопасность наших границ, сохранение или устранение реальной угрозы оказаться во враждебном нам окружении и не в последнюю очередь, сохранение государственной целостности России.

СНГ оказалось нежизнеспособным образованием. Это, скорее всего, форма для более или менее цивилизованного "развода" партнеров, чем орудие интеграции. Дело сделано, и надо признать реалии. Интеграция возможна, но уже на качественно иной основе. И чтобы такая интеграция стала возможной, следует уже сегодня заложить некоторые предпосылки.

В частности, необходимо откровенно признать, наконец, что разделение труда между бывшим центром и союзными республиками носило колониальный или неоколониальный (с разными республиками по-разному и в разной степени) характер. Опираясь на обширный опыт (позитивный и негативный) постколониальных взаимоотношений между Западом и "третьим миром", необходимо срочно выработать концепцию-программу перестройки этих отношений на основе взаимной выгоды и целенаправленного экономического и технического сотрудничества. Опыт бывших метрополий недвусмысленно говорит о том, что прорывы в области НТР ("экономическое чудо") в таких странах, как Англия, Франция, Голландия, Бельгия, Португалия, произошли лишь после того, как они избавились от груза колониального разделения труда и перешли к сотрудничеству с бывшими колониями на качественно новой основе.

Альтернативой может быть лишь ослабление существующих взаимосвязей, схождение бывших союзных республик с нашей орбиты и переход на орбиты иных центров притяжения (а претенденты на роль таких центров уже стоят в очереди и на Западе, и на Востоке). Времени на раскачку нам отведено не так уж и много, учитывая состояние, в котором оказались эти республики. О реальности обозначенной выше перспективы говорят многочисленные факты необычайной активности Турции, Ирана, Пакистана и даже Саудовской Аравии в бывших республиках Средней Азии и Казахстане. О том же свидетельствует и недвусмысленная тяга этих новых независимых государств к сотрудничеству с их ближним зарубежьем, завершившаяся в ноябре прошлого года официальным вступлением Азербайджана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана - в качестве полноправных членов и Казахстана - в статусе наблюдателя в Организацию экономического сотрудничества, основанную в свое время Турцией, Ираном и Пакистаном (полноправным ее членом стал также Афганистан).

Далее, необходимо безотлагательно урегулировать политические, дипломатические и таможенные проблемы между Россией и бывшими республиками, решить проблему вооруженных сил, их вывода, размещения или демобилизации.

И наконец, необходимо выработать принципы решения проблемы русскоязычного населения. Весьма поучительным здесь мог бы быть опыт решения гражданства хуацяо - местных китайцев в странах Юго-Восточной Азии и эволюции позиции КНР по этому вопросу.

Опыт этот свидетельствует помимо всего прочего о том, что всякие попытки добиться "особого" статуса хуацяо и установления с ними или с предприятиями, на которых они концентрируются, преференциальных торговых, кооперационных и иных экономических взаимосвязей чреваты дополнительными трениями и осложнениями в межгосударственных и иных отношениях с этими странами в связи с опасениями по поводу создания "пятой колонны". Необходимо поэтому быстрое решение вопроса о

гражданстве на добровольной основе, особенно с учетом того, что массовый исход русскоязычного населения из новых государств катастрофичен и для России (проблема беженцев), и для самих этих государств (невозможность быстрого восполнения промышленных кадров).

Безусловным приоритетом является радикальный поворот России к АТР. И дело не только в том, что сегодня это один из важнейших экономических регионов мира, что, по убеждению многих, XXI век - век АТР. Главное в том, что уже сегодня для России неопределима практическая значимость сотрудничества с этим регионом. Освоение богатств Сибири и Дальнего Востока - это тот мощный резерв, на базе которого только и возможно динамичное обновление России. В определенном смысле Сибирь и Дальний Восток как раз и есть то "слабое звено", где возможен прорыв. Но освоение этого региона возможно только на основе крупномасштабного сотрудничества со странами АТР. В связи с этим представляются неотложными следующие меры:

- прекращение политических игр, разыгрывания карты псевдопатриотизма и нормализация в кратчайшие сроки отношений с Японией, так как сегодня - это ключевое звено в налаживании крупномасштабного сотрудничества России с АТР;

- инициирование создания международного консорциума АТР по сотрудничеству в освоении российского Дальнего Востока и Сибири с участием международных банков, ТНК, представителей коммерческих и правительственных структур России, Японии, Китая, КНДР, Республики Корея, США и Австралии. Пресечение дилетантской самодеятельности некоторых представителей местных властей, буквально выставляющих Россию на посмешище перед всем миром;

- упорядочение и придание целеустремленного характера торгово-экономическому сотрудничеству с Китаем. На этом направлении уже достигнуты значительные успехи. Но потенциал такого сотрудничества огромен. У нас все еще сохраняются преимущества перед Западом, и не только географические, но и технологические (в смысле большего соответствия уровню и потребностям Китая). Важное значение имеет участие Китая в будущих крупных проектах развития Дальнего Востока и Сибири, а также в "треугольном" и "многоугольном" сотрудничестве с участием Казахстана и других республик;

- проведение более активной и целеустремленной политики по максимальному снижению напряженности на Корейском полуострове, политическому урегулированию спорных вопросов и вовлечению обеих частей Кореи в экономическое сотрудничество на Дальнем Востоке. Проведение подобной политики отвечает насущным интересам развития российского Дальнего Востока, так как не только Южная Корея, но и Северная, объективно являются неотъемлемыми компонентами будущих проектов комплексного экономического сотрудничества в АТР, в то время как

усиление конфронтации между Севером и Югом Кореи помешало бы такому сотрудничеству и вызвало бы общую напряженность в регионе.

Отношения со странами Запада также безусловно сохраняют свое значение, но до недавнего времени диалог с ними напоминал разговор глухих: они нам говорят - Россия должна сама себе помочь, а мы уж поспособствуем, сколько сможем. На многое не рассчитывайте, у самих трудности. Мы же им твердим - Запад обязан нам помочь, иначе будет вселенский хаос, а то и холокост. Но пора уже понять - Запад не будет своими же руками "ковать" себе в кратчайшие исторические сроки мощного конкурента. Поэтому нужно максимально поддерживать и где возможно расширять сотрудничество с Западом, но отдавать при этом себе отчет в том, что прорыва в ближайшем будущем не будет. Более того, в связи с тем, что усиление авторитаристских тенденций в нашей стране неизбежно (сейчас даже большинство демократов требуют этого), столь же неизбежно охлаждение восторгов западных демократий, особенно США. Тем не менее нужно продолжать усилия по сбалансированному разоружению, развертывать экономическое сотрудничество с перенесением акцентов на прямые инвестиции, а для этого быстро создать благоприятный инвестиционный климат.

Необходимо также приступить к развертыванию международного экологического сотрудничества, хотя на данном этапе масштабные сдвиги в этой области вряд ли возможны.

Приоритетным на данном этапе для России является и "обратный прорыв" в Восточную Европу, которую мы так непродуманно бросили. Сейчас, когда стоит вопрос о выживании десятков миллионов россиян, оказавшихся на грани бедности, восстановление в одночасье разрушенных экономических взаимовыручающих отношений представляется крайне насущным. Разумеется, это необходимо сделать на обновленной основе с учетом изменившихся реалий по обе стороны границ. Следует подумать и о по крайней мере частичной реализации идеи о Восточной Европе как "мосте" между Россией и Западной Европой.

За последнее время из приоритетов российской внешней политики оказался фактически исключенным "третий мир". Но России нужен не разрыв с развивающимися странами, а перестройка характера взаимоотношений с ними. Претендовать на статус "великой державы" и фактически самоизолировать от более чем 2/3 человечества - вещи несовместимые. Мы сами себя лишаем важного противовеса в разговоре с Западом, разговора, конечно, не конфронтационного, а делового, в рамках здоровой конкуренции.

Пока еще не поздно, надо сохранить все то позитивное в экономических отношениях с бывшими нашими партнерами в "третьем мире", в том числе используя посредничество в этом деле некоторых стран Запада или других развивающихся государств. Нельзя не учитывать, что по ряду позиций нам выгоднее иметь дело с развивающимися, чем с развитыми

капиталистическими странами (мелкий частный бизнес в России это уже понял, но этого недостаточно). Очень важно также поддерживать, и по мере возможности расширять взаимовыгодные отношения с соседними (или бывшими соседними) развивающимися странами, вовлекая в это бывшие союзные республики. Это важно как с военно-политической, так и экономической точки зрения. Нельзя разбрасываться традиционными взаимосвязями с такими странами, как Индия и Афганистан. Разорвать связи легко, трудно и накладно будет их потом восстанавливать.

Пока мы не стабилизировали свою экономику, поддержание интенсивного процесса сотрудничества с большинством развивающихся стран на двусторонней основе не реально. Содействие их развитию будет по неизбежности осуществляться через каналы ООН и других международных организаций. То же самое касается и участия в урегулировании проблем, связанных с региональными конфликтами. Так как такие конфликты будут иметь место еще не одно десятилетие, необходимо уделить серьезное внимание реформе ООН с тем, чтобы эта организация стала эффективным орудием предотвращения, гашения и ликвидации очагов конфликта.

В некоторых кругах развивающихся стран существуют опасения, что возможная односторонняя ориентация России на Запад приведет к резкому разделению мира по линии "Север-Юг". Такая перспектива была бы просто катастрофической и, как минимум, чреватой непредсказуемыми негативными последствиями. Именно на России лежит значительная часть ответственности за недопущение подобного развития событий и максимальное содействие интеграции ключевых стран "третьего мира" в мировое сообщество.

Особо хотелось бы сказать о лозунге борьбы за права человека. В этом вопросе необходимо исходить из исторических реальностей, учитывать фактический уровень формационного развития большинства развивающихся стран и не требовать от них вслед за США немедленного "введения" демократии (принципиально такое требование не намного отличается от внедрения там в недавнем прошлом социализма). Речь ни в коем случае не идет об оправдании жестоких и деспотических режимов. Они, безусловно, заслуживают осуждения, а в случае агрессии с их стороны должны встречать решительный солидарный отпор. Но с точки зрения научного подхода и реализма нельзя не признать, что в абсолютном большинстве этих стран авторитаризм еще далеко не изжил себя исторически и демократия возможна там лишь в весьма отдаленной перспективе. Во всяком случае не нам, еще далеко не реализовавшим в собственной стране права человека в сколько-нибудь полном объеме, выступать в авангарде борьбы за права человека в Африке или где-либо еще. Вообще, для формирующегося имиджа будущей России важно не потерять достоинство и не забывать о необходимости сохранения доверия большинства афро-азиатских стран, и думать о будущем, в том числе о доступе к рынкам сбыта и ресурсам этого необъятного мира.

В отношениях России с развивающимися странами есть еще один щекотливый вопрос. На протяжении ряда десятилетий Советский Союз был

для них одним из крупнейших (иногда просто крупнейшим) поставщиков оружия. Правда, часто оно попадало в руки правителей, использовавших его отнюдь не всегда в оборонительных целях, что вело к усилению напряженности и конфликтности в том или ином регионе. Кроме того, во многих случаях передача оружия осуществлялась на безвозмездной или необычайно льготной основе, так как страны-получатели были просто не в состоянии оплачивать его стоимость. Сегодня Россия пока еще не может отказаться от экспорта оружия: это слишком выгодно при нашем бедственном положении, да и наши партнеры все равно купят его у третьих стран. Задача состоит в том, чтобы переориентировать экспорт оружия на платежеспособные страны "третьего мира". Но надо в то же время избегать такой ситуации, когда одной рукой мы получаем выгоду, а другой - создаем условия, при которых больше теряем, чем приобретаем (и в прямом смысле - в случае вооруженных конфликтов вблизи наших границ, и в косвенном - через финансирование миротворческих усилий ООН). Не надо забывать также о том, что уже целый ряд развивающихся стран стоит на пороге "ядерного клуба" и потенциально некоторые из них могут угрожать международной безопасности. Поэтому в вопросах ядерного сотрудничества не должно быть незаконных исключений даже для дружественных стран.

В заключение хочется заметить, что успешная и последовательная внешняя политика России возможна только при одном неперемennom условии - завершении процессов государственного строительства, стабилизации на этой основе внутривполитического положения и консолидации политического режима.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-ЯПОНСКОГО ИНВЕСТИЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

А. Родионов

Инвестиционное сотрудничество является для России новой формой двусторонних деловых связей, ставшей возможной после принятия соответствующих регулирующих актов. Инвестиционное законодательство еще окончательно не сформировано и, можно утверждать, что инвестиционное сотрудничество на территории Российской Федерации находится в начальной стадии своего развития.

Тему инвестиционного сотрудничества можно рассматривать как с позиций японских инвесторов, так и с позиций страны-реципиента. Из Японии в конце 80-х - начале 90-х годов выносились и одновременно являлись объектами зарубежных инвестиций прежде всего производства, теряющие конкурентоспособность в японских условиях (тяжелая промышленность, энергоемкие, материалоемкие и трудоемкие), производства массовой конкурентоспособной продукции (бытовая электротехника, автомобили) в целях смягчения торговых противоречий с партнерами, расширения рынков сбыта в условиях дефицита платежных средств в иностранной валюте в странах-реципиентах.

По географии наибольшие японские инвестиции направляются в США, где инвестиционный климат для японских компаний оказывается лучше. Довольно значительны японские инвестиции в странах Европы. В страны Латинской и Центральной Америки, которые в своей экономической политике ориентировались на импортозамещение, после насыщения внутреннего рынка в целом неконкурентной продукцией внутреннего производства рост иностранных инвестиций прекратился. В некоторых развивающихся странах приняты меры по защите национального капитала, что также стало сдерживать иностранные инвестиции. В этих странах японский капитал покидает сферу горной добычи, добычи ресурсов, деревообработку, текстильную промышленность. Факторы, мешающие японским инвестициям, во многом связаны с обстоятельствами страны-реципиента.

Особенностью двустороннего инвестиционного сотрудничества Японии с Россией является то, что из всех форм распространение получила пока

Родионов Андрей Петрович, ответственный секретарь Российско-японского комитета по экономическому сотрудничеству.

форма совместного предпринимательства. Пока единичны и малозначительны примеры 100% прямых частных японских инвестиций в российскую экономику, хотя такие примеры уже имеются в деловых связях России с другими странами. Во многом это объясняется не нежеланием японских компаний вкладывать средства в российскую экономику, а неблагоприятным инвестиционным климатом, значительным риском для иностранных капиталовложений.

На 1 января 1991 г. по данным Госкомстата СССР на территории СССР было зарегистрировано 3187 СП, в том числе со странами АТР - 622 (США - 400, Канада - 73, Япония - 49, Сингапур - 33, КНР - 36, Австралия - 31). Из них действовало 1027 СП. После регистрации проходит в среднем 6 месяцев до начала деятельности СП в сфере услуг и около 2 лет - в производственной сфере. Действующие СП в 1991 г. произвели продукции (оказали услуг) на сумму 4334,9 млн.рублей, в том числе в промышленности функционировало 428 СП с числом занятых работников 56,7 тыс.человек и объемом произведенной продукции - 2312,9 млн. рублей. В строительстве соответственно: 59 СП - 6,8 тыс.человек, - 133,8 млн. рублей; в торговле и общественном питании: 103 СП - 6,7 тыс. человек - 190,2 млн.рублей, в сфере научно-исследовательских и проектно-конструкторских работ: 79 СП - 7,0 тыс.человек - 589,3 млн. рублей.

Совместные предприятия имели довольно высокую динамику роста как по численности, так и по объемам произведенной продукции, экспорта, импорта, однако их роль в экономике страны оставалась скромной.

Темпы роста японских инвестиций в российскую экономику отстают от других развитых стран. Всего с 1986 г. по сентябрь 1992 г. создано около 74 совместных предприятий (в России - 70, Украине - 1, Казахстане - 1, Узбекистане - 1, одно предприятие зарегистрировано в Японии). Динамика создания совместных предприятий по годам распределяется следующим образом: 1987г. - 1, 1988г. - 8, 1989г. - 20, 1990г. - 16, 1991г. - 21, 1992г. - 4.

Общий объем прямых частных японских капиталовложений составляет 299 млн. долларов¹, в том числе с апреля по март 1992 г. был инвестирован 51 млн.долларов.

Географически подавляющая часть совместных предприятий расположена в Москве и на Дальнем Востоке², в т.ч.: Московская область - 19 (Москва - 18), Хабаровский край - 15 (Хабаровск - 12), Приморский край - 12 (Владивосток - 6, Находка - 5), Сахалинская область - 12, Иркутская область - 4, Камчатская область - 2, Магаданская область - 1, Амурская область - 1, Тюменская область - 1, Архангельская область - 1, Самарская область - 1, Республика Саха (Якутия) - 1.

По размерам уставного фонда (более 2 млн. рублей в текущих ценах до 1992 г.) к наиболее крупным совместным предприятиям из числа созданных в 1987-1991 гг. можно отнести следующие:

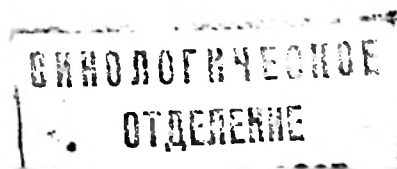
Название	Дата учреждения	Уставной фонд (млн.руб.)	Сфера деятельности
1. Игирма-Тайрику	23.06.1987	2,0	деревообработка
2. Пиленго-Годо	13.07.1988	21,6	рыбопереработка
3. Диана	26.08.1988	7,0	рыбопереработка
4. Авто-Радуга	24.11.1988	2,5	автосервис
5. Охотск-Суйсан	01.02.1989	3,0	рыбопереработка
6. Розэк	29.06.1989	2,0	сервис
7. Сахалин-Саппоро	06.12.1989	5,4	сервис
8. Находка-Дайва	30.01.1990	10,0	судоремонт
9. Олимпия	05.02.1990	3,7	сервис
10. Джеварт	10.08.1990	6,5	деревообработка
11. Востокметал	11.12.1990	10,47	металлообработка
12. Инфатель	22.04.1991	7,76	переработка лома
13. ТМБайкал	09.05.1991	12,0	деревообработка

Важно подчеркнуть, что все созданные японскими компаниями совместные предприятия ориентированы не только на получение валютной прибыли от экспорта выпускаемой продукции и от оказания услуг валютодержателям на территории России, но и на выпуск продукции для поставки на внутренний рынок. Это позволяет в целом утверждать, что эффективность российско-японских совместных предприятий сравнительно выше, чем предприятий, организованных с другими странами.

Основными направлениями деятельности уже созданных предприятий являются деревообработка, рыбопереработка, гостиничное хозяйство, рестораны, прокат автомобилей и автотехобслуживание, судоремонт, добыча нефти, металлообработка, маркетинг, культурные связи, компьютеры³.

С японской стороны к созданию СП интерес проявляют специализирующиеся на торговле с Россией мелкие и средние компании. Можно выделить "Тайрику Боэки" (при ее участии созданы первое совместное предприятие "Игирма-Тайрику", а также "Сахалин-Тайрику", "Ванино-Тайрику"); "Токио Маруити Седзи" ("Океан", "USSR-Japan Trade House", "В.М.Интернэшнл", "Силуэт", "Самар-Опт", "Нептун-Джапан" - создано в Токио); "Ниссо-Боэки" ("Сониго", "Иннис", "Олимпия", "Рон"); "Эйва Цусе" ("Бизнесцентр Парус", "Востокметал", "Мирметал", "Инфатель"); "Морикава Седзи" ("Диана", "Маринпекс", "Востокрыбцентр").

Крупные компании пока все же воздерживаются от серьезных капиталовложений. При их участии созданы следующие совместные предприятия: "Мицун" - "Охотск-Суйсан", "Станко-Фанук-Сервис", "ТМБайкал"; "Сумитомо" - "SU-Тюбу-Центр", "Воскоал"; "Итою" - "Лидога"; "Нитимэн" - "Сомон"; "Мицубиси" - "Востокрыбцентр".

На начальном этапе в 1986-87 гг. после опубликования соответствующих правовых актов Совета Министров СССР японские компании представили порядка 40 предложений о создании совместных предприятий в различных областях. В основном эти предложения предусматривали создание небольших предприятий, не требующих больших капиталовложений, с относительно простым технологическим циклом производства. Отсутствовали предложения в областях, где японские фирмы занимают лидирующее положение на мировом рынке (бытовая электротехника, радиоэлектроника, приборостроение, машиностроение, химия и др.)

Активный подход к созданию совместных предприятий на данном этапе в областях лесопереработки, рыбопереработки, услуг объясняется в первую очередь тем, что выпускаемая продукция или услуги могут быть экспортированы в Японию, либо реализованы среди иностранцев, и выручка может быть получена в иностранной валюте, что снижает риск для японских компаний.

В то же время японские компании придерживаются осторожной позиции в отношении создания крупномасштабных совместных предприятий даже в привлекательной для них области - нефтехимии, в частности строительстве совместно с американскими компаниями нефтехимических комбинатов в Западной Сибири.

С октября 1991 года Министерство внешней торговли и промышленности Японии в целях поощрения японских инвестиций в России и снижения риска японских инвесторов применяет систему страхования капиталовложений. По данным Японской ассоциации по торговле с Россией и странами Восточной Европы (РОТОБО) общее число случаев применения этой системы в отношении японо-советских и японо-российских предприятий по состоянию на сентябрь 1992 г. достигло 15, объем страхования составил 2,12 млрд. иен⁴.

Договор об учреждении первого советско-японского совместного предприятия между ПО "Иркутсклеспром" и фирмой "Тайрику Трэйдинг" по производству 90 тыс. куб.м пиломатериалов в год, ориентированных в основном на рынок Японии, был подписан в июне 1987 года. Производство пиломатериалов началось с конца марта 1988 года. Это предприятие сразу же столкнулось с рядом трудностей, связанных с общим функционированием советской экономики, в т.ч. в снабжении качественным сырьем, достижении необходимых параметров выпускаемой продукции и запланированных объемов производства, своевременной и качественной транспортировки изделий в Японию, обеспечения связи, виз, несовместимости систем бухгалтерского учета, длительного времени перевода средств через Внешэкономбанк и др. Трудности возникли и в социально-трудовых отношениях, в частности в вопросе увольнения сотрудников с недостаточной квалификацией.

Практически все советско-японские совместные предприятия созданы в форме кооперации партнеров. Еще мало случаев создания таких предприятий в форме акционерной компании. Развитие совместного предпринимательства сдерживается рядом юридических, экономических и социально-психологических факторов.

Несмотря на принятие в России в последние годы значительного числа законодательных актов, регулирующих совместную предпринимательскую деятельность, остаются проблемы, требующие решения. Часть из них связана с институтом собственности, ее оценкой и определением вносимого сторонами вклада.

В соответствии с нашим законодательством капитал СП определяется как уставной фонд, но стороны понимают его по-разному. Российской стороной он понимается как общее имущество, размер которого постоянно меняется в результате капиталовложений в оборудование, займов и т.д. Японская сторона склонна понимать уставной фонд как основной капитал, размер которого не изменяется до тех пор, пока не произойдет его наращивание или уменьшение, как это принято в случае с акционерной компанией или компанией с ограниченной ответственностью. Без института частной собственности это не вызывало затруднений и дискуссий, поскольку учредительными документами определяются вклады сторон, размеры их долей, в соответствии с которыми распределяются дивиденды. Но как только появляется вопрос отчуждения собственности, ее залога, эта проблема возникает.

Та же проблема встает при взносах в уставной капитал валютных средств. Недоразумения могут иметь место, например, если дивиденды получают обе стороны в валюте, а советский участник внес свой вклад в рублях. Этот вопрос полностью регулируется уставом СП, в законе пока он не оговорен. Однако в дальнейшем станет необходимым переход на одну валюту взносов и дивидендов. Особенно если дело дойдет до создания акционерных компаний, тогда стороны должны будут вносить свой вклад в единой валюте.

Есть проблемы, связанные с методами оценки материальных ценностей, вносимых в уставной фонд. Согласно российскому законодательству наши предприятия могли делать вклад в уставной фонд в виде материальных ценностей - зданий, сооружений, оборудования, земли и т.д. В то же время недвижимость все еще невозможно продать, поэтому с точки зрения иностранного партнера, такие материальные ценности невозможно оценить. Кроме того, различны методы амортизации. У нас амортизация рассчитана на более длительный срок, поэтому материальные ценности вносятся советским предприятием по завышенной с точки зрения японских компаний цене. Подобная система взносов нарушает систему основного капитала СП и в дальнейшем, с вводом института собственности вызовет значительные проблемы между участниками.

В Японии взносы материальными ценностями допустимы, но на практике это случается редко. Если осуществляется такой взнос, его оценка контролируется третьей стороной. Поэтому возникнет необходимость наряду с разработкой права собственности предусмотреть введение системы оценки этой собственности.

Продолжением этой проблемы является практическое отсутствие института залога в советском хозяйственном праве.

Имеются расхождения в понимании ответственности руководителей СП, что в целом затрагивает трудовое законодательство. В случае нарушения обязанностей, нанесения ущерба, СП имеет право отстранить это лицо от руководства без какого-либо наказания. При переходе на акционерную форму этот вопрос должен быть урегулирован. Все члены правления могут быть наказаны за нарушение своих обязанностей.

Следующая проблема связана с необходимостью перехода российских предприятий на систему бухгалтерского учета, соответствующего международному бухгалтерскому стандарту с тем, чтобы соответствовать мировой практике в начислении выручки, исчислении амортизации, в методах анализа внепроизводственных прибылей и убытков и др. Международный метод более точно отражает прибыли и убытки, т.е. результаты конечной деятельности. В то же время, если какое-либо СП самостоятельно перейдет на японский метод бухгалтерского учета, в своей деятельности оно столкнется с контрагентами, ревизионными органами, работающими в прежней системе, что неизбежно вызовет трудности. Поэтому целесообразно перевести все предприятия на международную систему бухгалтерского учета.

В практике совместного предпринимательства в России имеют место трудности в банковских операциях, что вызвано в основном отсутствием эффективной банковской системы, способной обслуживать предприятия с иностранным капиталом. Вклады японских компаний во Внешэкономбанке России, в т.ч. внесенные в качестве вкладов в уставной капитал при создании совместных предприятий, используются не по назначению и направляются на обслуживание долга и другие цели. Так, например, весной 1992 г. крупная японская торговая компания заключила соглашение о создании в Москве совместного предприятия по ремонту станочного оборудования и перевела свой долларовый вклад через Внешэкономбанк. Когда впоследствии она собралась снять свои средства, ей было заявлено, что вклад "заморожен". Взамен был предложен вариант с 3-процентными облигациями⁵.

Одним из новых направлений в создании совместных предприятий является организация совместной торговой компании по импорту в Россию товаров широкого потребления, производственного оборудования, в учреждении которой с российской стороны участвуют некоторые края, области и автономные республики Сибири и Дальнего Востока. С японской стороны в этой компании участвуют 20 мелких и средних фирм, входящих в Ассоциацию Японо-русской торговли, в т.ч. "Токио Маруити Седзи",

"Тоэта Цусе" и др., с российской - 12 территорий, в т.ч. Республика Саха, Бурятия, Сахалинская область, др.⁶. Обе стороны на паях создают две компании, которые непосредственно станут учредителями нового совместного предприятия. В каждом из участвующих регионов СП создаст свои отделения. Расчеты будут в валюте и рублях, на рублевую выручку будут закупаться лес, нефтепродукты для экспорта в Японию, что обеспечит конвертацию. Первые партии товара будут поставлены японской стороной на условиях кредита. Для японских компаний наличие в качестве партнеров местных органов власти снижает риск.

Большинство японских предпринимателей удовлетворены деятельностью совместных с российскими партнерами компаний. По данным анкетирования, проведенного по заказу РОТОВО, Научно-исследовательским институтом Банка долгосрочного кредитования среди 12 японских компаний, создавших совместные предприятия, 10 компаний ответили, что получают прибыль и показатели деятельности предприятий являются нормальными, хотя и подчеркнули, что осуществление бизнеса на территории СНГ является трудным.

В заключение можно отметить, что на нынешнем этапе активно создаются совместные торговые компании по импорту товаров широкого потребления из Японии. Проблема конвертации при этом решается за счет закупок сырьевых товаров за рубли и последующего экспорта их в Японию. При этом в силу нестабильного экономического положения России в 1992 году доля чисто торговых операций в деятельности СП возрастает. Многие предприятия рассматривают перспективы создания сети мелких магазинов по продаже японской продукции в различных городах России.

Важным моментом является создание СП в Японии. Первым таким СП стало предприятие по импорту в Японию рыбопродуктов, что указывает на логичное приближение экспортера к рынку потребления продукции. Вслед за регистрацией этого предприятия ведущие российские экспортеры аналогичной продукции уже подали заявки на регистрацию своих предприятий. Очевидно, что вслед за экспортерами рыбопродукции последуют экспортеры леса, других товаров.

Еще одним важным моментом стало обсуждение вопросов создания совместных предприятий в области инфраструктуры. Инициаторами таких переговоров становятся экспортеры и импортеры, сделки между которыми сдерживаются нехваткой портовых мощностей и т.п. В этой связи можно упомянуть создание СП по строительству терминала жидких нефтепродуктов, угольного терминала, модернизации оборудования в портах Находка, Восточный, Ванино.

Ряд японских компаний, которые успешно прошли первый этап функционирования СП, начинают проводить политику диверсификации, создания СП в других отраслях. Логичным продолжением этого процесса является переход от чисто торговой деятельности к производственной,

например, по ремонту техники, к строительству гостиниц вслед за деятельностью по оказанию гостиничных услуг и т.п.

Новым моментом является учреждение 100 процентного японского предприятия на территории России (торговой компании во Владивостоке).

¹ Известия. - 1992. - 8 сентября.

² Тёса Гэппо. РОТОБО. - Токио. - 1992, N 9. - С. 54.

³ Известия. - 1992. - 8 сентября.

⁴ Тёса Гэппо. РОТОБО. - Токио. - 1992, N 9. - С. 116.

⁵ ЭКОТАСС. Обзор зарубежной экономической прессы. N 58-59. - 1992. - 18 сентября.

⁶ Токио Симбун. - 1992. - 30 августа.

ЯПОНО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ, СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ

А.Семиш

29 сентября 1992 г. исполнилось 20 лет со времени подписания правительствами Японии и КНР Совместного заявления о нормализации межгосударственных отношений. Путь к этому был долгим и нелегким, но, подойдя к подписанию совместного заявления, стороны проявили готовность добиваться компромисса. Они согласились отложить рассмотрение спорного вопроса о принадлежности островов Сэнкаку (Дяоюйдай) в Восточно-Китайском море. КНР отказалась от репарационных претензий к Японии, удовлетворившись принесенными главой японского правительства извинениями за ущерб, нанесенный его страной в результате японо-китайской войны (1931-45 гг.). Круто была изменена прежняя позиция Пекина решительного осуждения договора о взаимном обеспечении безопасности между Японией и США (1960 г.). В тексте заявления был обойден вопрос о прекращении состояния войны между Японией и Китаем, поскольку для японской стороны он представлялся уже решенным заключением мирного договора с Тайванем (1952 г.), на денонсацию которого Токио не шел. Достигнутый на переговорах компромисс по тайваньской проблеме позволял Японии и после подписания совместного заявления и

Семиш Анатолий Васильевич, научный сотрудник Центра исследований Японии и Кореи Института Дальнего Востока РАН.

разрыва дипломатических отношений с Тайванем поддерживать с ним широкие связи.

Таким образом, в ходе нормализации отношений между Японией и КНР стало очевидным, что у сторон имеются высшие интересы, ради которых они готовы "отложить то, что их разделяет".

Этими высшими интересами, как представляется, для них являлись торгово-экономические отношения. Это подтверждается достаточно активным развитием двусторонних коммерческих связей в период отсутствия дипломатических отношений. Торговля велась по линии японских "дружественных фирм", а также в рамках известного меморандума "Ляо - Такасаки".

В основе взаимных торгово-экономических интересов Японии и Китая лежит ряд устойчиво действующих факторов: взаимодополняемость экономики партнеров; географическая близость как условие высокой экономичности коммерческих коммуникаций; культурно-историческая близость и языковое сходство; высокая степень информированности стран-соседей друг о друге.

Коммерческие связи до установления дипломатических отношений выявили цели, которые ставили стороны. Япония в Китае прежде всего видела перспективный рынок для своих товаров, а также важный источник сырья. Китай со своей стороны в первую очередь рассчитывал на использование экономического и научно-технического потенциалов Японии. В процессе дальнейшего развития японо-китайских отношений условно можно выделить три этапа, в ходе которых первоначальные целевые установки конкретизировались.

На первом этапе (1972-1977 гг.) происходило создание правовой базы развития отношений. Были заключены соглашения о торговле и воздушном сообщении (оба в 1974 г.), о рыболовном промысле (1975 г.). На новой основе особенно заметно расширялись торгово-экономические связи. К мелким "дружественным фирмам" (на них к 1972 г. приходилось до 90% объема двусторонней торговли)¹ стали подключаться крупные корпорации.

Особенно высокие темпы роста торговли отмечались в первые после нормализации отношений годы - 1972-1975 гг. В этот период общий товарооборот вырос в 3,45 раза - с 1,1 млрд.долл. до 3,79 млрд.долл. В 1977 г. объем двусторонней торговли составил 3,486 млрд.долл. Одновременно увеличивался имевшийся с самого начала торговый дисбаланс в пользу Японии - за 1972-1977 гг. со 118 млн.долл. до 392 млн.долл.²

Начиная с 1976 г. появились признаки спада темпов развития экономических отношений. Имевшиеся резервы были реализованы и все более определяющими стали факторы, сдерживающие развитие: противоречия принципов частного предпринимательства и системы плановой социалистической экономики; различия в подходах к двустороннему сотрудничеству; разная структурная вовлеченность в мировую экономику. Все более ощутимой проблемой становился торговый дисбаланс. В конце этого

этапа на смену эйфории, в обстановке которой проходила нормализация отношений, в них обозначилось некоторое охлаждение.

В названных условиях проходил переговорный процесс вокруг заключения Договора о мире и дружбе между двумя странами. Вопреки предложениям, делавшимся во время подписания совместного заявления, переговоры затягивались, компромисс оказался труднодостижим.

Осуществляя дипломатию в обстановке глобальной конфронтации, тогдашнее руководство КНР проявило активное стремление придать Договору о мире и дружбе с Японией антисоветскую, как тогда было принято говорить, направленность. В планы же японских правящих кругов не входило отказываться от в основном сбалансированного по отношению к Москве и Пекину внешнеполитического курса. На переговорах разногласия сконцентрировались главным образом на предложенной китайской стороной формулировке статьи 2 текста договора, где говорилось о противодействии гегемонии третьих стран в Азии.

В конечном итоге была принята на основе компромисса следующая формулировка: "Ни одна из сторон не должна добиваться гегемонии в районе Азии и Тихого океана или в любом другом районе, и каждая сторона выступает против усилий любой страны или группы стран к установлению такой гегемонии"³. Эта формулировка устраивала Японию, поскольку исключала необходимость - чего добивался Пекин - совместных действий против некой третьей страны (читай: СССР).

Снятие разногласий по статье 2 позволило 12 августа 1978 г. подписать договор. Объективно он стал не только важным шагом в развитии добрососедских отношений между двумя странами, но и существенным вкладом в стабилизацию обстановки в азиатско-тихоокеанском регионе. В договоре было зафиксировано обязательство сторон решать все спорные вопросы мирными средствами, без применения силы и угрозы силой.

1978 г. - начало второго (1978-1985 гг.) и очень важного этапа в развитии японо-китайских отношений. В этот год в КНР были приняты важнейшие политические решения, оказавшие прямое и сильное влияние, как оценивают японские специалисты, на развитие японо-китайских отношений, в первую очередь торгово-экономических. В начале 1978 г. на 1-й сессии Всекитайского собрания народных представителей был подтвержден курс "четырех модернизаций" (сельское хозяйство, промышленность, оборона, наука и техника). В декабре 1978 г. на 3-м пленуме ЦК КПК были приняты решения, получившие общее наименование - "реформы и политика внешней открытости". Этот курс КНР в деловых кругах Японии был расценен как "крутой поворот от ранее проводившегося курса народнохозяйственного строительства государственными методами к экономическим"⁴.

Новые подходы Китая к вопросам внешней торговли, привлечению в экономику иностранного капитала, планы создания специальных экономических зон - все это рассматривалось Японией в качестве

перспективных предпосылок для расширения японо-китайского экономического сотрудничества. Именно на активное участие Японии в широкой программе реформирования экономики КНР и рассчитывали в Пекине.

В менявшихся коренным образом условиях стало возможно заключение между двумя странами долгосрочного (восьмилетнего) соглашения (16.2.78) по вопросам внешней торговли на период 1978-1985 гг. В соответствии с соглашением, в течение первых пяти лет Япония обязалась поставить в КНР машинного и комплектного заводского оборудования на 7-8 млрд. долл., строительного оборудования - на 2-3 млрд. долл. Китайская сторона за этот же период должна была поставить в Японию 47,1 млн. т нефти, 8,3-9,2 млн. т угля⁵.

С 1978 г. как результат происходивших перемен японское правительство начало на регулярной основе предоставлять КНР иенные займы на льготных условиях на цели экономического развития.

Первой программой, рассчитанной на период 1979-1983 гг., предусматривалось выделение 330,9 млрд. иен на строительство портов, расширение железнодорожной сети, увязанные с планами развития экспортных возможностей КНР, в первую очередь добычи и транспортировки нефти и угля для Японии.

С 1984 г. после вполне успешного завершения в предусмотренные сроки I программы правительство Японии приступило к осуществлению II программы иенных займов на 1984-1989 гг. Общая сумма в 470 млрд. иен выделялась на развитие в КНР объектов экономической инфраструктуры (расширение портов, электрификация железнодорожных линий, расширение и модернизация телефонной сети)⁶.

Продолжал совершенствоваться механизм регулирования коммерческих связей, в 1983 г. было заключено важное соглашение по вопросам налогообложения. Расширялся научно-технический обмен, в июле 1985 г. было подписано соглашение о сотрудничестве в развитии ядерной энергетики.

Темпы роста в двусторонней торговле вновь возросли, особенно после подписания долгосрочного соглашения по вопросам внешней торговли. С 1978 по 1980 гг. объем товарооборота увеличился в 1,85 раза. К 1985 г. он достиг 18,96 млрд. долл., превысив показатели 1978 г. (года начала реформ) в 3,73 раза⁷. В 1985 г. Китай поднялся на второе место после США среди торговых партнеров Японии. Однако рост товарооборота носил односторонний характер за счет главным образом экспорта Японии.

С 1979 г. Япония начала осуществлять капиталовложения в экономику КНР, видя в этом немалую выгоду, поскольку здесь существовала относительно невысокая оплата труда. Но формирование своего рода союза между "капиталом и дешевым трудом" шло до 1984 г. невысокими темпами. В настоящее время, по имеющимся признакам, положение меняется, но анализ этой проблемы не является темой данной статьи.

На III этапе (с 1986 г. по настоящее время) японо-китайские отношения, испытав на себе влияние целого ряда факторов экономического и политического характера, продолжали поступательно развиваться.

Неожиданно быстро, по мнению наблюдателей, пошла на убыль крайне обострившаяся в 1985 г. проблема торгового дисбаланса в пользу Японии. В 1986 г. он снизился с 6,0 до 4,18 млрд. (на 30,2%)⁸, в 1987 г. - до 851,6 млн., т.е. в 6 раз по отношению к 1985 г.⁹.

Среди причин улучшения торгового баланса Японская ассоциация развития внешней торговли (ДЖЕТРО) в частности указывала на принятые обеими сторонами специальные меры.

Япония в 1987 г. сократила на 19,7% экспорт машин и оборудования (в 1986 г. на них приходилась половина объема японского экспорта). Одновременно Токио принял меры к увеличению закупок китайской нефти на 30,6%, одежды на 49,9%¹⁰.

В январе 1988 г. Япония под давлением США аннулировала 25 контрактов на поставки промышленного оборудования в КНР, которые были заключены с японской компанией "Тосиба". Такое решение было принято в порядке санкции за нарушение компанией установленных ограничений по линии КОКОМ. Отмена либо отсрочка поставок затрагивала продукцию на общую сумму 2,4 млрд. иен - китайская сторона потребовала от Японии компенсации за нанесенный ущерб¹¹. В ходе урегулирования инцидента стало очевидным, что Токио заинтересован в смягчении существующих ограничений КОКОМ по отношению к Китаю.

Примечательно, что и при относительном сокращении японского экспорта в КНР в общем объеме двусторонней торговли в 1988 г. был установлен очередной рекорд - 19,328 млрд. долл. (прирост по сравнению с предыдущим годом - 23,5%). Однако важнее другое - впервые в торговле с Китаем дисбаланс (377 млн. долл.) был не в пользу Японии¹².

В целом достаточно благополучная картина развития японо-китайских отношений в конце 80-х годов была серьезно нарушена под влиянием известных событий в Пекине 4 июня 1989 г. на площади Тяньаньмэнь. Двусторонние связи во всех областях резко затормозились. Вместе с тем поведение сторон в ходе упомянутых выше событий продемонстрировало способность Токио и Пекина находить выход из сложной для отношений между ними ситуации с учетом устойчивых взаимных интересов. С самого начала событий в политических кругах Японии преобладало стремление не допустить международной изоляции КНР, готовность выполнить посредническую роль в отношениях между КНР и Западом. В процессе выработки в рамках "семерки" солидарных действий против Пекина Япония не пошла на введение в отношении него санкций, мотивируя свою позицию "особым характером отношений" с КНР. При этом следует учитывать, что такая позиция по существу была согласована с Вашингтоном.

В конечном итоге, отношения между двумя странами восстанавливались, не встречая особых препятствий. Официальное

оформление "закрытия вопроса" состоялось на межправительственных переговорах в Пекине с 10 по 13 августа 1991 г. Они прошли, как отмечали обозреватели, гладко. Правительство Японии возобновило приостановленное предоставление Китаю займов в рамках намечавшейся ранее на период 1990-1995 гг. III программы. Общая сумма составит 810 млрд. иен¹³.

Обращает на себя внимание тот факт, что Япония все активнее сотрудничает с китайской стороной в создании свободных экономических зон, что является ключевым направлением осуществляемых в КНР реформ. Деятельность японского предпринимательства связана главным образом с районом Бохайского залива, провинциями Шаньдун, Ляонин, Ляодун. Далянь в Северо-Восточном Китае (провинция Ляодун) на сегодня остается главным местом приложения японских капиталов. Здесь половина совместных компаний и иностранных инвестиций - японские. Осуществляется программа формирования в Даляне промышленной зоны с комплексом предприятий, складов готовой продукции, подобно Каосюну на Тайване. Принят проект создания технопарка (уставной фонд - 1,6 млрд. долл., 80% - японские)¹⁴.

В целом к настоящему времени определились приоритетные области приложения японского капитала в КНР: освоение энергетических ресурсов; расширение и модернизация транспортной системы и системы связи; строительство металлургических и нефтехимических комплексов; развитие радиоэлектронной, электротехнической промышленности.

Вместе с тем среди японских предпринимателей сохраняется неудовлетворенность условиями для деятельности иностранного бизнеса в Китае. Эти вопросы были предметом обсуждения на переговорах в апреле 1992 г. в Пекине министра внешней торговли и промышленности Японии К. Ватанабэ с министром внешних экономических связей КНР Ли Ланьцином. Китайский министр заверил, что его страна обеспечит успешное функционирование предприятий с участием японского капитала, улучшит систему управления ими, гарантирует бесперебойные поставки сырья и энергии. Говоря о сегодняшних приоритетах внешнеэкономического курса Японии в отношении Китая, японский министр на этой же встрече в Пекине подчеркнул: "Япония хотела бы расширить сотрудничество с КНР в области энергетики, защиты окружающей среды и технологий"¹⁵.

В целом торгово-экономические связи Японии и Китая, нарушившиеся под влиянием событий на площади Тяньаньмэнь, к настоящему времени не только восстановлены, но и вновь вступили в период подъема.

Делая упор на торгово-экономические отношения, в политической области Токио и Пекин стремятся обходить имеющиеся разногласия. Они касаются в первую очередь вопроса принадлежности островов Сэнкаку. Обе стороны считают их своей территорией. Неустойчивый характер носит компромисс, достигнутый при подписании совместного заявления по тайваньской проблеме. Пекин весьма ревниво следит за широким развитием японо-тайваньских связей после перевода их на неофициальный уровень. В общественных и политических кругах двух стран существуют различающиеся

оценки событий, связанных с войной между Японией и Китаем. Противоречия вокруг этих вопросов периодически становятся причиной полемики.

Особого накала кампания взаимных обвинений между Японией и КНР достигала в 1988 г., в год десятилетия заключения Договора о мире и дружбе. В Японии она сопровождалась рядом недружественных Китаю акций со стороны правонационалистических группировок (осквернение памятников, обстрел генконсульства КНР, налет на Дом японо-китайской дружбы). Торжества по случаю десятилетнего юбилея по существу были сорваны. Начало 1992 г. было отмечено очередным ухудшением отношений в связи с обострением спора вокруг проблемы Сэнкаку. Руководству Японии и КНР пришлось приложить значительные усилия для урегулирования отношений, чему существенно способствовал официальный визит в октябре 1992 г. в КНР императора Японии.

Таким образом, общее состояние японо-китайских отношений можно определить как достаточно устойчивый компромисс при периодически обостряющихся противоречиях. Определяющим в отношениях является наличие обоюдных и весьма существенных интересов торгово-экономического характера. По мере происходящего углубления торгово-экономического сотрудничества постепенно закладываются предпосылки для возможной координации внешнеполитической деятельности, в первую очередь по региональным проблемам.

1 Far Eastern Economic Review. - 1991. - September 25.

2 Тюоку дэа фаиру, 1987. ДЖЕТРО. - 1937. - С. 277, 297.

3 М.С.Капица. КНР: три десятилетия - три политики. - 1979. - С. 553.

4 Адзия Кэйдзай. - 1992. - N 1. - С. 2-25.

5 Тюоку дэа фаиру, 1987. ДЖЕТРО. - 1987. - С. 279-280.

6 Там же. - С. 588-619.

7 Тюоку дэа фаиру, 1987. ДЖЕТРО. - 1987. - С. 588-619; Ежегодник "Япония-1986". - М.:Наука, - 1987. - С. 80.

8 Тюоку дэа фаиру, 1987. ДЖЕТРО. - 1987. - С. 6, 7.

9 Киодо цусин. - 1988. - 20 января.

10 Никкэй симбун. - 1988. - 20 января.

11 Иомури. - 1988. - 10 января.

12 Синьхуа. - 1989. - 20 января.

13 The Japan Times. - 1988. - August 27.

14 Far Eastern Economic Review. - 1991. - April 25.

15 The Japan Times. - 1992. - April 20.

СТРАТЕГИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА ЯДЕРНЫХ СИЛ КИТАЯ

В. Стефашин

Существенные изменения во взглядах руководства КНР на обстановку в мире, политические цели страны, ее национальную безопасность и проблемы войны и мира в современных условиях оказали определяющее влияние на содержание военно-технической стороны современной китайской военной доктрины, строительство НОАК и переоценку программы развития китайских стратегических ядерных сил (СЯС).

В соответствии с решениями Военного совета ЦК КПК (июнь 1985 г.) в военном строительстве Китая произошел по существу "радикальный стратегический поворот", связанный с отказом от тотальной подготовки страны к ведению мировой войны и подчинения оборонного строительства общему экономическому. Согласно принятому плану "стратегии развития Китая", к концу текущего столетия объем валового национального продукта в сравнении с аналогичным показателем в 1990 г; должен быть увеличен в 2 раза, а к 2021 и к 2049 гг. соответственно возрасти еще дважды. Реализация такой программы социально-экономического развития страны объективно потребовала от руководства КНР активизации действий, связанных с борьбой за сохранение долговременной мирной обстановки в регионе, сокращения военных расходов страны и проведения коренной военной реформы.

На корректировку военных расходов окажет влияние, конечно, и тот факт, что на середину 90-х годов приходятся сроки погашения большей части кредитов и займов, взятых ранее Китаем за рубежом. Поэтому в силу существенных финансовых затруднений, которые так и не были полностью разрешены за прошедшие годы экономической реформы, а также с учетом резкого понижения уровня международной и региональной напряженности, нормализации межгосударственных отношений Китая с США и сопредельными странами, фактического отсутствия вооружения новых типов, которые бы полностью соответствовали передовым мировым образцам, можно ожидать дальнейшего уменьшения объемов производства оружия и военной техники (О и ВТ) до уровня потребностей экспорта и "армии мирного времени" с необходимой оборонной достаточностью.

На основе критического анализа расстановки сил в мире китайское руководство считает, что по крайней мере в ближайшее десятилетие мировая война маловероятна, а в силу неприемлемого ущерба для всех участвующих и большинства неучаствующих в ней стран она, по расчетам китайских специалистов, становится с политической, экономической и военной точек зрения абсолютно бессмысленной. В то же время сделан вывод, что в современную эпоху из-за наличия множества нерешенных территориальных,

Стефашин Виктор Васильевич, кандидат военных наук, полковник, эксперт по военно-доктринальным проблемам.

экономических, религиозно-этнических проблем, ужесточения борьбы стран региона за свое лидерство наиболее вероятны локальные войны и военные конфликты, в которые может быть втянут в любое время и Китай.

Однако анализ состояния вооруженных сил КНР и сопредельных с ней государств показывает, что находящаяся на вооружении НОАК военная техника, хотя и уступает по техническому уровню аналогичным системам передовых армий, по количеству в основном обеспечивает необходимую военную мощь страны и решение стоящих в текущем десятилетии перед НОАК задач. Для сохранения же регионального баланса сил подъем потенциала сдерживания обычной войны (наиболее вероятной в современной ситуации) будет осуществляться прежде всего за счет модернизации О и ВТ, что в условиях Китая является наиболее эффективным путем использования ограниченных финансовых средств, выделяемых на оборону страны.

В соответствии с этими новыми военно-политическими выводами и установками политического руководства страны разработана, по мнению автора, долговременная программа строительства вооруженных сил. Такое утверждение основано на анализе широке известных планируемых и уже осуществленных мероприятий в области военного строительства и оценках многочисленных выступлений военно-политического руководства страны в последние годы в печати. По всей видимости, военная программа тесно связана с планом "стратегии развития Китая" и по аналогии с ним включает в себя три временных периода.

На первом ее этапе (до 2000 г.), судя по заявлениям в китайской печати, считается необходимым сократить численность личного состава НОАК на 1/3, оптимизировать военные структуры, интенсифицировать НИОКР, осуществить частичную модернизацию военной техники, принять на вооружение отдельные образцы нового оружия, а боеспособность вооруженных сил поддерживать на уровне, обеспечивающем успешное проведение локальных войн малого и среднего масштаба. На втором этапе (2000-2020 гг.) планируется в основном ликвидировать отставание в технологии производства современной ВТ (что, по оценке китайских экспертов, требует длительного времени и огромных капиталовложений) и создать все необходимые предпосылки для последующего переоснащения (возможно форсированного) НОАК новыми системами оружия. Вооруженным силам по основным показателям достичь развития "среднеразвитых" стран и быть способными вести локальные войны любого масштаба. И только на третьем этапе (2020-2050 гг.) намечается создать вооруженные силы, оснащенные техникой на качественно новом технологическом уровне и способные одержать победу в войне любого масштаба и продолжительности, с использованием любых средств и способов ведения вооруженной борьбы, - иначе говоря, достичь уровня армий ведущих в военном отношении ядерных держав.

Из анализа программ социально-экономического развития страны и строительства вооруженных сил следует, что в рассматриваемом автором

прогнозируемом периоде (до 2010-2020 гг.) в Китае не предполагается массового поступления в войска ядерного оружия (ЯО). Для достижения ограниченных целей локальных войн, допускаемых китайским руководством в этот период, должно отдаваться предпочтение развитию прежде всего сил общего назначения, а не стратегическим ядерным силам, боевое использование которых в таких типах войн крайне маловероятно.

В то же время дальнейшему развитию ядерных сил НОАК в значительной мере способствует то, что на современном этапе Китая по технологии производства ЯО и его носителей гораздо ближе стоит к крупным ядерным державам, чем в производстве обычных вооружений. Поэтому этот путь увеличения военного потенциала можно было бы считать более рациональным, более экономичным и эффективным. Однако, по мнению самих же китайских руководителей¹, имеющееся в стране стратегическое ядерное оружие в целом уже выполняет возложенную на него функцию "сдерживания" и обеспечивает стратегическую стабильность в отношениях с другими ядерными державами. Кроме того, последующее наращивание носителей ЯО (прежде всего ракет наземного базирования в стационарном исполнении - как основного ударного компонента СЯС) может быть расценено вероятными противниками и мировой общественностью в качестве целенаправленной, активной подготовки Китая к ведению ядерной войны, что несомненно приведет к существенному подрыву его международного авторитета и непременно создаст дополнительно множество проблем и трудностей в проведении своей как внешней, так и внутренней экономической политики. С учетом же понимания невозможности одержать победу в мировой ядерной войне и ее катастрофичности для всего человечества китайское руководство, по мнению ряда советских экспертов, все больше считает необходимым иметь ЯО лишь как элемент сдерживания, и оно вряд ли будет повторять ошибки бывшего СССР и стремиться догнать ведущие ядерные державы по его количеству, ограничившись лишь тем, что необходимо для достаточности обороны страны и военно-политического давления. Начальник генерального штаба НОАК Чи Хаотянь заявил: "Китай будет стремиться приблизиться или сравниться с другими ядерными державами по качественному уровню ракетно-ядерных сил"². Об этом свидетельствует и практика строительства стратегических ракетных войск и стратегической авиации, направленная на поддержание их постоянного количественного уровня (пусковые установки ракетных комплексов - 70-90 ед., бомбардировщики стратегического назначения - 100-120 ед.).

Нельзя также исключать разработку и создание уже в рассматриваемой перспективе стратегических неядерных сил сдерживания, которые базировались бы на высокоточном оружии повышенного могущества и дальнего действия.

Анализ имеющихся данных по динамике изменений количества стратегических средств ядерного нападения КНР не дает повода для утверждений, что в НОАК планируется какое-либо существенное увеличение

стратегических ядерных сил. Общее количество стратегических носителей ЯО в китайских вооруженных силах в последнее десятилетие колебалось в пределах 180-210 ед., что в количественном плане составляло менее 10% средств стратегических сил США или бывшего СССР. В то же время следует иметь в виду, что в ядерной стратегии стала прослеживаться тенденция к росту количества штурмовиков (не менее 500 ед.), являющихся в НОАК средством доставки ЯО оперативно-тактического назначения. А в совокупности по общему количеству носителей ядерного оружия Китай уже в настоящее время занимает третье место в мире и превосходит ядерные арсеналы Великобритании и Франции вместе взятые.

В перспективе предполагается, что основные усилия в ядерной программе, видимо, будут сосредоточены главным образом на качественной стороне модернизации стратегических ракетных войск и ограниченного развертывания ПЛАРБ (как сил "сдерживания"), а также создания средств двойного назначения (прежде всего ударных самолетов - штурмовиков в составе ВВС), которые можно эффективно применять как с обычным, так и с ядерным оружием.

Такая ориентация развития строительства компонентов СЯС обуславливается и оперативно-стратегическими требованиями принятой в стране военной стратегической концепции "ограниченного ядерного контрудара в целях самообороны", которая исходит из наличия у других стран, в том числе потенциальных противников КНР, ядерного оружия и маловероятности, да и, по-видимому, невозможности из-за гигантских финансовых и материальных затрат его полного уничтожения в ближайшие одно-два десятилетия. А это предполагает от ядерного потенциала НОАК постоянной готовности к ответным действиям с целью нанесения неприемлемого для нападающей стороны ущерба. Требуемый же уровень надежности выполнения этой задачи выдвигает ЯО в мирное время в качестве средства "сдерживания" ядерных держав от нанесения ударов по Китаю.

В этом и заключается сущность ядерной концепции, которая в условиях отсутствия в Китае ресурсов для осуществления крупномасштабной ядерной программы нацеливает руководство НОАК проводить наращивание ядерного потенциала не путем значительного увеличения количественных, а на развитие прежде всего качественных показателей, не на достижение решительной победы над противником, а на эффективное и неотвратимое возмездие при нападении на Китай. Поэтому китайские специалисты придают большое значение повышению боеспособности ядерных сил, обеспечению высокой эффективности их боевого применения. В этой связи следует полагать, что основное внимание китайского руководства будет сконцентрировано на таких направлениях развития СЯС, как повышение живучести и надежности функционирования всех компонентов, сокращение сроков готовности к нанесению ядерных ударов по плановым и неплановым целям и увеличение их точности.

В настоящее время в КНР исходят из того, что программы стратегических оборонительных систем США и СНГ (РФ) будут в той или иной форме осуществлены. Поэтому, чтобы избежать нейтрализации своих ограниченных ядерных сил и не допустить роста "минимального потенциала ядерного сдерживания" как против США, так и против СНГ (РФ), Китай, несомненно, уделит приоритетное внимание повышению мобильности и скрытности своих средств доставки ЯО, разработке их новых современных типов, включая крылатые ракеты, а также созданию надежно функционирующих национальных систем предупреждения о ядерном нападении противника и управления своими силами при любых вариантах боевых действий. На решение этих задач нацелен, видимо, и планируемый переход к новой структуре китайских ядерных сил, которые будут включать в себя стратегические ракетные войска, стратегическую авиацию и атомный подводный флот.

Следует полагать, что в программе развития стратегических ракетных войск наивысший приоритет получит строительство межконтинентальных баллистических ракет с дальностью пуска, обеспечивающей поражение объектов на всей территории США и СНГ (РФ), так как только этот класс ракет в наибольшей степени будет соответствовать принципу "сдерживания" крупнейших ядерных государств мира. Развертывание ракетных комплексов такого типа, по мнению автора, будет осуществляться в основном за счет сокращения существующих ракетных систем средней дальности. Для более эффективного выполнения некоторых стратегических задач на театрах военных действий будет, видимо, осуществлена замена оставшейся некоторой части устаревших ракетных комплексов на новые, которые предполагается оснастить твердотопливными БРСД, разработка которых уже ведется в настоящее время.

Из-за наличия у ведущих ядерных держав, если их воспринимать как потенциальных главных противников Китая, высокоэффективных средств разведки и высокоточных систем наведения боеголовок (в том числе в безъядерном исполнении) с их способностью проникать перед взрывом в грунт на большую глубину, дальнейшее строительство ракетных шахтных установок (ПУ) с военной точки зрения становится все менее целесообразным. Поэтому в рассматриваемой перспективе следует ожидать развертывания малоуязвимых подвижных ракетных комплексов на автомобильных, речных или железнодорожных платформах. Интересы повышения живучести будут также диктовать продолжение в разумных пределах модернизации существующих шахтных ПУ в направлении повышения их защищенности и стойкости к ударам противника.

Общее количество пусковых установок, видимо, не превысит существующего уровня сдерживания. Подобие же геостратегического положения КНР бывшему СССР позволяет сделать допущение, что развитие китайских систем МБР и БРСД будет происходить в соотношении, аналогичном советскому, т.е. 3:1 соответственно. Тогда из прогнозируемых

70-100 ракетных ПУ наземного базирования около 50-70 ед. будут оснащены МБР, а остальные 20-30 ед. - БРСД. При этом следует ожидать, что с целью экономии ограниченных финансовых средств развертывание новых ракетных комплексов будет осуществлено в рамках существующей ракетно-инженерной инфраструктуры с сохранением или даже возможным некоторым сокращением количества ракетных баз и бригад при одновременном их укрупнении.

По причине принятия в эксплуатацию автоматизированных систем управления оружием и войсками численность личного состава стратегических ракетных войск по расчетам составит около 50 тыс.чел.

В военно-воздушных силах, надо полагать, уже сейчас идет разработка нового бомбардировщика для замены существующего самолетного парка, оснащенного в настоящее время морально устаревшими, исчерпавшими все возможности по дальнейшей модернизации и в большинстве случаев физически изношенными самолетами-носителями ядерного оружия Н-6 (китайский вариант Ту-16). Неопределенность же возлагаемых китайским командованием задач на стратегическую авиацию затрудняет проведение оценки-прогноза возможных изменений в количественном составе этого рода войск. Поэтому в таких условиях можно лишь предположить на всю перспективу поддержание их общего количества на существующем сейчас уровне, т.е. 100-120 машин.

В военно-морских силах ядерная программа будет связана с дальнейшим развитием стратегической морской системы атомных ракетных подводных лодок (с 12-16 ракетными шахтами на каждой), которая обеспечивала бы надежность ответного удара по противнику. Однако значительное ее расширение в условиях острого финансового дефицита представляется весьма проблематичным, а с оперативно-стратегической точки зрения - не обязательным. С учетом многолетнего и успешного опыта решения стратегическими силами задачи "сдерживания" такими государствами, как Великобритания (ПЛАРБ-4 ед.) и Франция (ПЛАРБ-6 ед.), можно сделать допущение, что Китай в сложившихся для него условиях примет решение на создание аналогичной системы боевого использования и боевого дежурства своего морского компонента СЯС. При таком сценарии развития подводного ракетного флота НОАК в его составе достаточно будет иметь четыре-шесть ПЛАРБ с 48-96 БРПЛ на их борту, что существенно повысит возможности Китая по нанесению ядерного контрудара.

Оптимальный уровень общего количества ПУ ракетных комплексов стратегического назначения наземного и морского базирования в прогнозируемом автором варианте может составить 150-180 ед.

Концепция "ограниченного ядерного контрудара в целях самообороны" предусматривает также развитие систем ЯО в составе сухопутных войск как необходимых средств ведения "ограниченной ядерной войны", которые дали бы возможность военно-политическому руководству Китая более гибко реагировать на эскалацию военных действий при защите

своей территории. Китайское руководство, видимо, считает, что использование тактического ЯО на территории Китая, занятой войсками противника, не спровоцирует ответный ядерный удар, так как в этом случае исключается поражение объектов на территории противостоящей стороны. Кроме того, ожидаемое принятие тактических систем ЯО приведет к сокращению круга задач для СЯС, которые перестали бы одновременно играть роль стратегического средства нанесения удара на театре военных действий. Это обеспечило бы повышение гибкости при выборе целей и времени нанесения удара стратегическими ядерными силами. Если исходить из допущения о развертывании одной-двух ракетных бригад (по 12-16 пусковых установок) в каждом из семи военных округов³ (фронте) и одного ракетного дивизиона (ПУ-4 ед.) в танковых и мотопехотных дивизиях (в наибольшей степени способных к эффективному использованию результатов применения тактического ЯО), то общая потребность может составить около 90-120 ПУ ракетных комплексов оперативно-тактического назначения типа М-9 (дальность действия 600 км) и 150-200 ПУ ракетных комплексов тактического назначения типа М-1 (дальность действия около 80-100 км). Оперативно-тактические ракетные системы с укороченной дальностью могут быть разработаны и приняты на вооружение в составе бригад (полков) армейского комплекта (24 общевойсковых объединения). Реализация данной программы потребует дополнительного развертывания еще 300-400 ракетных ПУ. В этом случае общие потребности сухопутных войск в ракетной технике могут составить 550-700 ПУ. Полномасштабное развертывание такой крупной системы вызывает серьезное сомнение, так как отсутствуют необходимые для этого условия и требования внутренней и внешней политической обстановки. Поэтому ее строительство может носить, по всей видимости, лишь ограниченный характер.

Проведенные Китаем в 1988 г. испытания ядерного устройства мощностью менее 1-5 кт с повышенным выходом радиационного излучения позволяет сделать вывод о разработке в стране нейтронного боеприпаса сверхмалой мощности и возможном создании атомной артиллерии на базе существующих крупнокалиберных систем оружия или новых специально разрабатываемых.

Таким образом, можно утверждать, что масштабы и темпы развития как НОАК в целом, так и ядерных сил, в частности, в ближайшие 10-15 лет будут жестко лимитироваться ограниченными средствами, выделяемыми на оборону. Поэтому практическая полномасштабная реализация стратегического курса на реорганизацию НОАК, оснащение самой современной военной техникой предполагается, по всей вероятности, на первые десятилетия XXI века. Проведенный же анализ дает основание считать, что в прогнозный период основные усилия руководства НОАК в военной области будут направлены на выполнение решений по дальнейшему сокращению численности личного состава и совершенствованию структурной организации армии, на развитие и интенсификацию военных НИОКР,

создание небольших партий новой техники и модернизацию оборонной промышленности.

Существующий чрезвычайно высокий уровень ядерного паритета между США и СНГ (РФ), практически недостижимый для других стран (даже в условиях планируемого его сокращения), обладающих ядерным потенциалом "сдерживания" - с одной стороны, и фактическая невозможность его применения в силу неотвратимой собственной гибели - с другой, снижает политическую значимость ядерного оружия, делает его ненужным при решении задач в единственно допускаемых в современных условиях локальных войнах, что обуславливает нецелесообразность дальнейшего крупномасштабного наращивания стратегических носителей и диктует лишь продолжение преимущественно качественного совершенствования стратегических ядерных сил в рамках обеспечения надежной их дееспособности в качестве последнего аргумента сдерживания от ядерного нападения других государств.

На выполнение именно этих функций китайской "триады" СЯС нацеливает и принятая в стране стратегическая концепция "ограниченного ядерного контрудара в целях самозащиты". Для обеспечения ее основного принципа - "высокое качество при небольшой численности", по расчетам автора, в стратегическом звене НОАК Китая достаточно иметь около 150 ПУ ракетных комплексов (из них 80-90 ед. наземного и 64-80 ед. морского базирования) и 100-120 бомбардировщиков стратегического назначения. Самой же насущной для Китая задачей будет обеспечение максимально возможной "живучести" своих независимых ядерных сил, которая обеспечила бы требуемый уровень их выживаемости в любых условиях. Низкий уровень динамики роста количества стратегических носителей ядерного оружия Китая будет наилучшим образом благоприятствовать дальнейшему переговорному процессу по сокращению ядерных арсеналов США и СНГ (РФ), снизит подозрительность близлежащих стран к экспансионизму и региональному гегемонизму Китая, уменьшит бремя военных расходов в экономике страны. Сокращение зарубежных ядерных потенциалов приведет к возрастанию роли сил общего назначения, что в совокупности с ростом политического авторитета Китая-миротворца и его экономической мощи будет способствовать повышению значимости Китайской Народной Республики в делах региона и мира в целом.

¹ См.: Жэньминь жибао. - 1988. - 9 января.

² Цзефанцзюнь бао. - 1990. - 1 октября.

³ Исходные данные по боевому составу вооруженных сил Китая взяты из справочника:
The military balance. The International Institute for Studies, 1989.

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ДЕРЕВНИ

Я. Бергер

Экономическая реформа внесла важные коррективы в динамику и структуру китайского общества. Повысилась социальная мобильность, начали формироваться новые социальные общности, границы между группами и стратами стали значительно более проницаемыми и подвижными.

И все же, хотя стратное общество за последнее десятилетие намного более усложнилось, главные различия по-прежнему проходят по линии деревня-город. Однако характер этого разграничения сегодня не столь однозначен, как прежде. С одной стороны, все еще сохраняются основные преимущества городской жизни сравнительно с сельской. Это касается не столько уровня доходов (хотя различия по этому показателю все еще весьма существенны), сколько неденежных льгот, условий материальной и духовной жизни и шансов социального продвижения. Во всех этих и многих других отношениях горожане пользуются значительными преимуществами по сравнению с сельскими жителями.

За 1979-1988 гг. чистый доход крестьянской семьи в сопоставимых ценах вырос в 3,1 раза. При этом в первой половине этого десятилетия реформ разрыв между номинальными доходами в городе и деревне значительно сократился (с 2,36:1 до 1,85:1), но затем стал вновь понемногу возрастать (с 1,85:1 до 2,19:1 в 1988 г.)¹. Если же учесть различные льготы и надбавки к зарплате городского населения, то разрыв в реальных доходах окажется значительно больше.

С другой стороны, после ликвидации коллективного хозяйствования в деревне и превращения крестьянского двора в главный субъект экономической активности сельский житель стал значительно свободнее городского в хозяйственной деятельности. Соответственно в деревне социальная дифференциация проходит значительно более свободно и интенсивно, тогда как в городах, где большинство работников стиснуто рамками производственных единиц госсектора, этот процесс находится все еще в инкубационном периоде. Это имеет свои позитивные и негативные следствия.

Обретение крестьянским двором хозяйственной самостоятельности, диверсификация сельской экономики, ослабление административного контроля

Бергер Яков Михайлович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИНИОН РАН.

за межотраслевым и территориальным перемещением рабочей силы - все это привело не только к общему повышению благосостояния, но и стимулирует быстрый рост социальной дифференциации деревни. Китайские исследователи по-разному оценивают этот процесс и с разных позиций классифицируют те структуры, которые при этом возникают. Наиболее распространен подход, при котором крестьянство подразделяется - преимущественно по характеру и содержанию труда - на восемь основных социальных слоев, каждый из которых характеризуется наличием особого источника дохода, а соответственно - и специфическими интересами ².

1. Самый многочисленный (до 55-57% общей численности крестьянства) слой - работники сельскохозяйственного производства (растениеводства и животноводства). Оно является для них основной сферой приложения труда и главным источником доходов. В пределах данного слоя выделяют четыре группы - в основном по степени обеспеченности материальными ресурсами и уровню доходов: от зажиточных специализированных (крупных) подрядных дворов до бедняков, не способных себя прокормить и нуждающихся в социальном вспомоществовании.

2. Крестьяне-работчие. Это - крестьяне по социальной принадлежности и сельской прописке, но заняты они в неаграрном секторе: в промышленном производстве или в сфере услуг, работа в которых служит для них единственным и основным источником дохода. На долю данного слоя приходится 24% численности крестьян.

3. Наемные работники (около 4% численности крестьянства). Они работают по найму на индивидуального или частного хозяина, но сохраняют за собой в деревне достаточный для пропитания участок подрядной земли и другие средства производства.

4. Сельская интеллигенция (1,5-2%) включает в себя две группы: первая причисляется либо к кадровым работникам, либо к рабочим и служащим и по своему статусу и социально-материальным благам не отличается от своих городских коллег, а вторая (народные учителя, сельские лекари, техники и др.) - относится к собственно крестьянам и лишена каких бы то ни было привилегий.

5. Индивидуальные работники, индивидуальные промышленники и торговцы (около 5%).

6. Частные промышленники и торговцы (0,1-0,2%).

7. Управленческий персонал волостных и поселковых предприятий (3%).

8. Сельские управленцы (6%) - низовые кадровые работники на уровне волости (сян) и деревни (цунь). Здесь выделяют четыре группы - по социальному статусу и сопутствующему казенному жалованью и довольствию. Первая - освобожденные кадровые работники (например, руководители партийных, административных и хозяйственных органов волостей и поселков). Вторая - полуосвобожденные кадровые работники (руководящие работники более низкого ранга и персонал тех же органов).

Третья - кадровые работники, получающие от государства постоянную дотацию к заработной плате. Это - секретари деревенских партийных организаций, председатели, заместители председателя и бухгалтеры деревенской администрации (народных комитетов) и иные руководящие работники на уровне деревни. Будучи связаны непосредственно с производством, они по своему социальному положению входят в состав сельскохозяйственного населения и числятся крестьянами, за их семьями закрепляются участки подрядной земли. Четвертая группа - кадровые работники, получающие целевую доплату. Это, например, руководители молодежных и женских организаций, командиры рот народного ополчения. Государственные дотации к заработной плате кадровых работников могут составлять половину годового дохода работников сельского хозяйства³.

Китайские исследователи выделяют четыре основных уровня жизни и соответственно четыре типа потребления: "бедности" ("пинькунь"), "выживания" ("вэйчи"), "тепла и сытости" ("вэньбао") и "скромного достатка" ("сяокан"). Основным критерием для разграничения уровней служит доля расходов на питание в общей сумме расходов. Если, как принято в методике ООН, которой следуют и китайские исследователи, данный показатель выше 59%, то это считается абсолютным обнищанием, 50-59% - состоянием на грани выживания, 40-50% - скромным достатком. В 1978, 1980 и 1983 гг. в китайской деревне он был выше 59%, а в 1984-1989 гг. - в пределах 50-59%⁴. Иными словами, китайское крестьянство в своей основной массе поднялось с низшей ступени бедности на предпоследнюю. Однако значительная часть его все же остается на последней ступени, причем это касается не только отдельных крестьянских дворов или небольших местностей, но населения целых регионов. Так, не вышли за пределы бедности крестьяне северо-западных провинций Ганьсу и Шэньси и Тибетского автономного района.

Неравномерность экономического развития проявляется не только в межрайонном плане, но и в пределах одной местности. Она усиливает социальное расслоение, а демонстрационный эффект опережающего обогащения немногих дворов порождает фрустрацию, рост преступности. Имущественные преступления в деревне очень часто продиктованы завистью к богатым, психологически компенсируя преступнику чувство неполноценности и жажду отмщения. При этом интересы преступника и жертвы очень часто непосредственно не сталкиваются, бывает, что они даже близко и не знакомы друг с другом. Агрессивное поведение чаще всего направлено на источник обогащения: взятый в аренду пруд с рыбой, фруктовый сад, птичник, пасеку. Особенно часто подвергаются таким нападениям разбогатевшие низовые кадровые работники. Бывает, что богатых людей шантажируют, угрожая поджогом, насилием.

Рост крестьянских доходов обращается главным образом на повышение стандартов личного потребления. Многие исследования фиксируют улучшение качества питания крестьянских семей, в частности

увеличение в рационе крестьян доли риса и изделий из пшеничной муки, а также определенное возрастание потребления мяса, рыбы, яиц. Более разнообразной стала одежда - наряду с домотканной, хлопчатобумажной появилась и покупная - из синтетики, искусственного волокна, шерсти, шелка. В пригородных деревнях можно встретить различные предметы бытовой электротехники и радиотехники - от электрических вентиляторов до цветных телевизоров.

Но особенно заметно увеличение доходов выразилось в развертывании жилищного строительства, получившем название "домостроительной горячки". За 1978-1986 гг. расходы на строительство возросли с 3,4% до 14,4%, уступив только расходам на питание. За 1978-1987 гг. новоселье справили больше половины крестьянских хозяйств, жилая площадь в расчете на душу сельского населения возросла вдвое⁵. Более половины домов возводятся с использованием кирпича и железобетонных конструкций, растет доля зданий в несколько этажей, особенно в приморских районах.

Этот процесс отмечен рядом негативных аспектов: ажиотажный спрос на дорогостоящие товары, захватывающий и семьи с относительно невысокими доходами, которые нередко делают покупки в долг или под заклад имущества, относительное и абсолютное сокращение расходов производственного назначения, чрезмерно высокие затраты на свадьбы, похороны, подарки.

На этом фоне особенно обращает на себя внимание недостаточность расходов на сельские социальные службы, просвещение, здравоохранение. Удельный вес затрат на образование и культуру в одном из наиболее зажиточных районов страны - Южной Цзянсу в 1989 г. у горожан составил всего 9,7%, а у сельских жителей - лишь 0,78%⁶. При этом в расходах на культуру преобладают развлечения: кино, фотографирование, телевидение, но не покупка книг и самообразование.

Пятая часть населения Китая никогда не посещала начальную школу, 92% неграмотных и малограмотных живут в деревне⁷. По размерам затрат на образование в расчете на душу населения Китай занимает предпоследнее место в мире. Удельный вес расходов на образование в ВВП у Китая ниже, чем у других азиатских стран, и ниже среднего уровня по развивающимся странам. Только треть детей в Китае (и еще меньше - девочек) располагает возможностью получить начальное образование. В деревне наилучшие условия для учебы имеют дети кадровых работников. Обычные сельские школы, не получающие государственных ассигнований и содержащиеся на деньги крестьян, бедны, плохо оснащены учебными пособиями. Многие школьные помещения находятся в ветхом состоянии, годами не ремонтируются. Низка заработная плата учителей.

Численность учащихся начальной и средней школы за годы реформы сократилась, особенно значительно - в средней школе высшей ступени. В 1980 г. на долю деревни приходилось 45,5% учащихся высшей ступени средней школы, в 1987 г. - 26%⁸. Многие сельские подростки бросают учебу

и отправляются на заработки в город. Растут детская преступность, бродяжничество, попрошайничество, проституция, особенно в южных провинциях страны. Снижение образовательного уровня крестьян становится стратегической проблемой развития сельского хозяйства.

Не в лучшем состоянии сельская медицина. В расчете на 1000 человек населения деревня многократно уступает городу и по численности медицинского персонала (не говоря уже о его качестве), и по числу больничных коек. На селе выше, чем в городе, смертность от эпидемических заболеваний, детская смертность. Плохо обстоит дело с профилактикой заболеваний. Ликвидация коммун разрушила и без того шаткую базу коллективного здравоохранения в деревне. Многие "босоногие врачи" и повивальные бабки в поисках лучшей жизни подались в город.

В сельской местности, особенно в отдаленных районах, практически нет медицинских стационаров и обладающих современным оборудованием амбулаторий. При заболевании крестьянин вынужден отправляться в город, но не имея городской прописки и не состоя ни в какой производственной единице, он должен оплачивать полную стоимость лечения и лекарств, что по карману очень немногим. В таком же положении находятся и крестьяне, работающие по контракту в городах. В деревне рождается большое число детей с врожденными пороками, умственно неполноценных.

Низкий культурный и образовательный уровень деревни, с одной стороны, и устранение жесткого идейно-политического контроля над жизнедеятельностью крестьян, связанное с распадом народных коммун и укреплением хозяйственной самостоятельности крестьянского двора, - с другой, привели к оживлению патриархального сознания и клановых отношений. Как ни парадоксально, этому процессу способствует и становление товарной экономики с присущей ей установкой на жесткую конкуренцию, к которой большинство крестьян ни психологически, ни экономически не подготовлено.

В деревне, особенно в экономически отсталых, внутренних и окраинных регионах, возрождаются старые обычаи, предрассудки, поверья. Широко распространяются азартные игры. Богатые крестьяне заводят наложниц, растят их из малолетних девочек. В "придорожных лавочках" процветает проституция. В некоторых районах крестьяне выращивают опийный мак, торгуют наркотиками, потребляют их. В Юньнани среди пойманных за последние годы с поличным торговцев опиумом крестьяне составляют абсолютное большинство. Шаманы и колдуны вымогают у людей деньги. В ряде случаев нелегальные секты и тайные союзы бросают вызов руководству коммунистической партии.

Крестьяне стремятся защитить себя, свою семью и свое хозяйство с помощью клановых структур прежде всего в связи с крайним ослаблением низовых органов сельской власти. Утратив возможность опираться на коллективное хозяйство, базовые административные органы и в особенности низовые партийные организации стали малоприспособленными для осуществления

массового социального контроля. Многие руководители низовых органов власти, получив по подряду землю, занимаются личным хозяйством, уделяя общественным обязанностям минимум времени. Немалая часть местного руководства погрязла в коррупции и мотовстве, что дополнительно обостряет отношения власти с крестьянами. Нередки случаи убийств и ограблений кадровых работников крестьянами⁹. Вакуум власти заполняется возрастающим влиянием клановых структур.

Интеграция в клановые структуры придает крестьянам чувство защищенности и предоставляет определенные материальные преимущества. В разных районах, особенно отдаленных, функционируют клановые объединения крестьян, принадлежащих к единой фамилии. Эти организации не только сплачивают сородичей, но прежде всего создают заслон против вторжения чужаков, а главное - укрепляют позиции тех, кто стоит во главе структур.

Интересы клана, его старейшин далеко не всегда совпадают с интересами и политикой государства и социальными целями реформы. Клановые структуры противодействуют контрактации закупок зерна, сбору отчислений, политике ограничения рождаемости, установке на кремацию покойников. Нередко их деятельность и прямо противозаконна, особенно в тех случаях, когда возникают конфликты, а то и вооруженные стычки между соперничающими кланами. Силовое противостояние нередко связано со спорами по поводу разграничения земель, распределения воды и электроэнергии. Стычки влекут за собой большие имущественные утраты, гибель людей¹⁰. В межклановом противостоянии участвуют и даже играют организующую роль члены КПК и низовые кадровые работники¹¹.

Кланы сформированы на базе естественных деревень, жители которых связаны родством по отцовской линии. Такие деревни до настоящего времени составляют основную модель сельского расселения и базу административного деления сельских общин. Каждая естественная деревня включает обычно от трех до шести основных клановых общностей.

В первое время после образования КНР клановые организации были запрещены, их деятельности был нанесен сильный удар. Храмовые здания были конфискованы, массовое поклонение предкам и посещение могил - запрещены. Тем не менее поскольку члены бригад взаимопомощи в большинстве своем принадлежали к одному клану, постольку клановые отношения стали невидимыми скрепами кооперативов. Несмотря на многочисленные кампании против феодального мистицизма, брачных сделок, межкланового противостояния и т.п., основы патриархальных отношений в социальной структуре и общественном сознании деревни сохранялись почти нетронутыми.

Определенный отпечаток клановых отношений несла на себе также социально-экономическая организация народных коммун. Естественные деревни в большинстве случаев были базой деятельности производственных бригад - основных расчетных единиц коммун. И в этих условиях клановос

сознание, клановые связи продолжали существовать и оказывали воздействие на руководящие структуры коммун. Коллективными интересами часто маскировались интересы клана. Старейшины клана выступали в роли руководителей производственных бригад, секретарей партийных ячеек.

С ликвидацией коммун и возвышением семейного хозяйства маскировка стала ненужной, клановые отношения стали выступать в неприкрытом виде. Клановые организации начали непосредственно включаться в процесс принятия решения по различным проблемам сельской жизни, нередко оказывая на него определяющее воздействие.

Возврат патриархальности оборачивается прежде всего возрождением ритуалов. Во многих сельских районах реконструированы и обновлены храмы предков, возобновлены церемонии, проводятся регулярные сборы средств, готовятся служители храмов. На церемонии поклонения предкам, посещения родовых кладбищ собираются сотни и тысячи людей.

Широко распространено восстановление родовых кладбищ силами всех членов рода, причем в некоторых случаях - там, где земля давно распахана, где захоронения не производились десятки и даже сотни лет. Если районные или волостные власти пытаются этому противодействовать, дело иной раз доходит до осады и штурма их резиденций тысячной толпой, в которой находятся и многие члены КПК, до избития полиции, поджога построек, возведенных на месте старых захоронений¹².

Возобновляется ведение родословных книг. Составители таких книг почитаются как старейшины клана, именно они часто выступают основными носителями кланового сознания, инициаторами клановой деятельности. В родословные книги включают не только жителей данной деревни, но и выходцев из нее - сородичей по отцовской линии. Составление родословных книг оплачивается добровольными взносами: члены клана платят от 8-10 до 30 юаней за каждого мужчину из своей семьи, заносимого в книгу. При этом суммарные взносы могут составлять десятки тысяч юаней. Полиграфически прекрасно выполненные тома печатаются нелегально. В отличие от прошлого, в тех семьях, где нет сыновей, из двух дочерей одна может быть вписана в книгу. Родословную книгу может получить каждая семья.

Старейшины надзирают за соблюдением норм традиционной морали, берут в свои руки отправление важнейших ритуалов, прежде всего - свадебных и похоронных. Они вмешиваются и в отношения между юношами и девушками, требуя, чтобы брачные союзы отвечали клановым традициям, и во внутрисемейные отношения, возрождая во многом старые порядки беспрекословного послушания жены - мужу, невестки - свекрови.

Свадьбы и похороны, традиционные сельские празднества, театрализованные представления используются для укрепления духовной солидарности сородичей, для утверждения клановой морали, воспевания славной истории рода и его выдающихся представителей. Кроме того, совместное проведение праздников, почитание предков, общая забота о ближних демонстрируют внешнему миру, соперничающим кланам

внутреннюю крепость, сплоченность и процветание собственного клана. Все это служит укреплению клановой организации, усилению контроля над повседневной жизнедеятельностью сородичей. Нарушители внутренней дисциплины могут быть подвергнуты различным наказаниям, включая штрафы, психологическое давление, травлю, избиения, а в наиболее серьезных случаях - наложение запрета хоронить на родовом кладбище.

Клановая организация выполняет определенные хозяйственные функции, прежде всего - по налаживанию взаимопомощи, в которой крестьяне, особенно малосемейные, испытывают острую нужду после развала прежних коллективных структур. Наиболее важна трудовая взаимопомощь для проведения полевых работ во время страды. Большое значение имеет и материальное вспомоществование при всевозможных семейных, бытовых затруднениях. Кроме того, клановые структуры прибирают к рукам многие сельские предприятия, числящиеся коллективными.

Клан выполняет также посредническую, миротворческую миссию, улаживая (хотя и на свой, специфический, манер) всевозможные конфликты, возникающие время от времени между его членами. К помощи клана прибегают конфликтующие между собой крестьянские дворы (например, при распределении воды для орошения полей), когда стремятся уладить дело миром, не обращаясь в суд, доверие к которому в деревне невелико. Клановая организация выступает в качестве арбитра и при внутрисемейных спорах, особенно при разделе имущества, при разногласиях по поводу содержания стариков.

С клановой организацией самым тесным образом связаны административно-политические институты деревни. После распада сельских народных коммун в бывших производственных бригадах, нынешних деревнях и звеньях ("цунь цзу"), было введено самоуправление: их кадровые работники должны непосредственно избираться населением. Однако на практике секретари партийных ячеек деревень назначаются вышестоящими парткомами, а кандидатуры лиц, баллотирующихся на должности старост деревень и звеньев, намечаются вышестоящими административными инстанциями и затем проводятся через процедуру голосования. И в том, и в другом случае при выборе кандидата принимают во внимание степень влияния клана, к которому он принадлежит.

Имеет место, впрочем, и прямое слияние руководящих структур клана с партийными и государственными органами. В некоторых местностях складывается единство трех властей: партийной, административной и клановой. Секретари партийных ячеек, кадровые работники-члены КПК становятся старейшинами клана или его ответвлений ("мэнчжан", "фанчжан")¹³.

Время, однако, постепенно меняет ценностные установки и поведение крестьян. И прежде всего это касается основы сельской жизни - экономики. Экономические взгляды представителей молодого поколения китайского

крестьянства во многом - от агротехники до способов ведения хозяйства - отличаются от воззрений их родителей.

Старшее поколение крестьян - хлеборобы, традиционно едва сводившие концы с концами в своем домашнем хозяйстве, очень мало прикупавшие для него на рынке и почти ничего для него не производившие. К новым агротехническим приемам, к новым сортам культур, к хозяйственным новшествам они всегда относились с подозрением. Молодое поколение захвачено ценностями рынка, оно стремится разбогатеть любыми гарантирующими прибыль способами, будь то разведение доходных технических культур, новая агротехника или отхожий промысел.

Соответственно меняется и отношение к земле. Старое поколение привержено бережному уходу за землей, тщательной обработке полей, использованию органических удобрений, а новое поколение стремится выполнить урочные работы так, чтобы потратить на них возможно меньше времени и сил. Поэтому трудоемкому сбору местных органических удобрений они предпочитают расходы на минеральные удобрения и ядохимикаты. Сегодня в деревне крайне редко можно встретить молодого человека сгибающегося под тяжестью корзины с навозом. Это стало теперь чем-то вроде "потери лица".

Велики различия во взглядах старого и молодого поколений на соотношение потребления и накопления. Старое поколение стремилось к сбережениям, экономя на бытовых расходах, иной раз - на самом необходимом, ради вложения средств в производство. А новое поколение меньше озабочено накоплением и готово весь доход потратить на питание, одежду, жилье. При этом производственные затраты сводятся к минимуму.

Деколлективизация и стимулирование семейного крестьянского хозяйства создали необходимые, но далеко еще не достаточные, предпосылки для модернизации деревни. В результате этот процесс разворачивается не всегда поступательно и позитивно. Прогресс в одних областях социально-экономической жизни сопровождается попятным движением в других. Формированию современной социальной структуры крестьянства мешают как объективные факторы - колоссальная перенаселенность деревни, малоземелье, недостаточность возможностей приложения избыточного труда, привязанность огромного большинства крестьян к земле, так и факторы субъективные - глубоко укорененные уравнилельные традиции, патриархально-клановое сознание. Деграация социальной сферы ведет к падению качества сельской рабочей силы, ухудшению здоровья населения. Вакуум власти, созданный в результате распада народных коммун, способствует росту преступности, возрождению клановых структур, ведет к срыву демографической политики государства. Социальные проблемы, стоящие сегодня перед китайской деревней, весьма остры, и без их решения вряд ли возможно дальнейшее углубление экономической реформы в сельском хозяйстве. Но столь же справедливо и обратное - прорыв в социальной области требует дальнейшего мощного наращивания экономического потенциала. И в любом случае не

обойтись без твердой государственной власти - не только в центре, но главным образом - на местах.

-
- 1 Шэхуй кэсюэ цзюань. - Шэньян. - 1991. - N 1. - С. 48.
 - 2 Синьхуа вэньчжай. - Пекин. - 1990. - N 11. - С. 16.
 - 3 Фуцзянь луньтань (цзинци шэхуй бань). - Фучжоу. - 1991. - N 7. - С. 55.
 - 4 Цзинци вэньтань. - Куньмин. - 1991. - N 5. - С. 36.
 - 5 Чжунго шэхуй чжибяо лядунь юй шицзянь. - Пекин. - 1989. - С. 279.
 - 6 Чжунго шэхуй кэсюэ. - Пекин. - 1992. - N 3. - С. 138.
 - 7 Минбао юэкань. - Сянган. - 1990. - N 12. - С. 4.
 - 8 Там же.
 - 9 Чжэнфа луньтань (Чжунго чжэнфа дасюэ сюэбао). - Пекин. - 1992. - N 5. - С. 33.
 - 10 В Хунани, по неполным данным, с 1978 по 1990 гг. произошло более 1000 межклановых столкновений, в которых погибло 1200 и ранено ок. 5000 человек, а прямой экономический ущерб превысил 60 млн. юаней. В схватке, произошедшей в районе Цаншань (уезд Тяньтай, провинция Чжэцзян) 13-18 февраля 1990 г. из-за распределения горных лесов и воды, погибло 3 человека, ранено 72 человека, сожжен 31 дом, вырублены 12 тыс. фруктовых деревьев, непосредственный экономический ущерб составил более 300 тыс. юаней. - Там же. С. 31.
 - 11 В Цаншане ряд низовых партийек принял решение оказывать лицам, приговоренным к тюремному заключению за участие в схватке, материальную помощь в размере 15 юаней в сутки, а лицам, задержанным и находящимся под следствием, - 10 юаней в сутки. Там же.
 - 12 Цзянхань луньтань. - Учан. - 1991. - N 10. - С. 9.
 - 13 В уезде Линсян (провинция Хунань) коммунисты составляют 30% старейшин кланов разного уровня. - Чжэнфа луньтань. - Пекин. - 1992. - N 5. - С. 33.

ЧТО СТОИТ ЗА ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕФОРМОЙ В ЯПОНИИ

А.Сенаторов

В благополучной Японии, которая создала мощную и эффективную экономику, успешно преодолевшей "нефтяные шоки" и ранее других промышленных гигантов выходявшей из прочих кризисных ситуаций, в Японии, которая славится политической стабильностью, где несколько

Сенаторов Алексей Иванович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института сравнительной политологии.

десятилетий у руля власти стоит однопартийное правительство либеральных демократов, вот уже несколько последних лет говорят о необходимости политической реформы, а недавно начала подчеркиваться желательность ее "быстрейшего и основательного" проведения.

Что же случилось у наших соседей? Что побуждает японцев думать о преобразованиях политического механизма?

Мы привыкли считать нынешнюю политическую систему Японии, созданную в ходе коренных демократических преобразований первых послевоенных лет, как нечто весьма совершенное. Действительно, формируя новый политический строй на месте прежнего тоталитарного, беспредельно милитаризованного, приведшего страну к полному краху, японцы, выполняя указания стран-победителей, следуя Потсдамской декларации, по рекомендациям и под контролем оккупационных властей приняли конституцию, вобравшую в себя передовые достижения современной демократии. Послевоенная конституция Японии декларировала исключительно мирный выбор, включая беспрецедентный отказ "от войны как суверенного права нации" и обязательство не создавать вооруженные силы. Государственная структура была реорганизована на принципах народного суверенитета, разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную ветви, соблюдения основных прав человека, парламентской демократии, местной автономии и "вечного мира". Сейчас ясно, что экономические достижения Японии были бы немыслимы без построения демократической политической системы.

Но, оказывается, и такая система дает сбой, ее функционирование вызывает недовольство большей части населения страны. Главным объектом возмущения и критики стала, по распространенному ныне в Японии определению, "грязная политика", "денежная политика". Не успевает завершиться расследование одного скандального дела о коррупции, о незаконном получении больших денежных сумм политиками, вплоть до тех, кто находится на олимпе государственной власти, от заинтересованных в их покровительстве деловых кругов, как на страницах газет появляются сообщения о причастности тех же или новых партийных боссов, членов правительства, рядовых депутатов парламента к другим крупным должностным преступлениям.

Разочарование избирателей в "денежной политике", в невозможности порвать связи между политиками, бюрократией, финансово-промышленными кругами переносится на все партии, на всю политическую систему в стране и сопровождается в последнее время необычным для японского избирателя явлением - ростом абсентеизма. Так, на выборах депутатов палаты советников в июле 1992 г. голосовать пришло 50,7% избирателей (на аналогичных выборах в 1986 г. - 71,3%, в 1989 г. - 65,0%)¹.

Нельзя не отметить, что при разработке законов, определяющих избирательную систему, порядок финансирования деятельности политических партий, статус и нормы поведения должностных лиц, государственных и

муниципальных чиновников, японские законодатели задавались целью предусмотреть все необходимое для предупреждения коррупции. Принятый еще в 1948 г. Закон "О регулировании политических фондов", в частности, должен был поставить политические партии и отдельных кандидатов на выборах в парламент и органы местного самоуправления "под непрерывный народный контроль и критику"². Закон устанавливает исключительно добровольный характер денежных пожертвований на политические цели, ограничивает их размеры, предписывает обязательность тщательного учета поступающих в политические организации средств и их расходования, строго требует от них ежегодных финансовых отчетов, которые подлежат публикации. Не допускается получение денежных пожертвований от предприятий с государственным и муниципальным капиталом, от фирм, пользующихся государственными дотациями. Закон предусматривает наказания за нарушение его положений.

Принятые в 1947 и 1950 гг. законы о статусе государственных и муниципальных служащих регламентируют их отношения с деловым миром в соответствии с принципом "отстраненности от частного бизнеса".

В 1985 г. закон о парламенте дополнен специальным разделом о "политической этике". На депутатов возложена обязанность строго соблюдать разработанные в обеих палатах более жесткие нормы поведения, а в палатах образованы комиссии для расследования фактов их нарушения.

Тем не менее все эти меры оказываются недостаточными. Японская практика показывает, что в условиях рыночной экономики не только национальные федерации и ассоциации предпринимательских организаций, представляющие "совокупный капитал", но также отдельные финансовые, промышленные и торговые предприятия при решении и общих, и своих специфических задач стремятся заручиться поддержкой правительственных чиновников, высоких должностных лиц и парламентариев путем предоставления денежных средств оказывающим им услуги лицам. Полигиками эти средства используются для финансирования избирательных компаний, что важно для их дальнейшей успешной карьеры.

Установлению и закреплению такого рода неофициальных, нередко становящихся противозаконными отношений способствует господствующая в правящей партии практика решения большинства важных вопросов, в первую очередь кадровых (отбор кандидатов в депутаты парламента, их финансовая поддержка, назначения на посты министров и их парламентских заместителей и т.п.) в рамках внутрипартийных фракций или на переговорах между ними. В результате лидеры фракций постоянно озабочены добыванием денег, нужных в первую очередь для поддержки на выборах своих кандидатов. Об этом же непрерывно думают все депутаты правящей партии, создающие для упрочения своих позиций собственные, постоянно действующие и потому требующие огромных средств на их содержание персональные общества поддержки. Именно на деятельность своего общества поддержки, на финансовую помощь со стороны фракции, к которой он

принадлежит, а не на поддержку официальных партийных структур, рассчитывает депутат правящей либерально-демократической партии (ЛДП) в борьбе за сохранение места в парламенте и делая свою политическую карьеру.

В самой правящей партии признается, что фракционность, выходя далеко за пределы естественных дискуссий о политическом курсе и концентрируясь на распределении мест в партийных и властных органах, делает политиков неразборчивыми в методах достижения групповых целей. В партии неоднократно принимались решения о роспуске фракций, но об этих решениях постепенно забывали, а их инициаторы даже становились главными лицами во фракциях (К. Танака и др.).

В конечном счете заинтересованность во взаимной поддержке между предпринимателями и теми, кто реально делает политику, вела и ведет к закреплению тесных, регулярных связей на разных уровнях: партия - общие предпринимательские организации, фракция или единичный политик - более мелкие группы деловых кругов, отдельные компании. В этом и таится потенциальный источник коррупции, "грязной политики".

Часто вскрываемые факты коррупции не могут не беспокоить правящую партию, поскольку это наносит большой моральный ущерб, дискредитирует ее и формируемое ею правительство. На выборах в палату советников в июле 1989 г., проходивших на фоне расследования так называемого дела компании "Рикруто", избиратели впервые отдали социалистам больше голосов, нежели либерал-демократам. Еще в предчувствии возможности такого исхода и стремясь отвести поражение, в мае 1989 г. ЛДП пошла на публикацию "Программы политической реформы", которая должна была продемонстрировать ее желание поставить заслон коррупции, "грязной политике".

С этого момента вокруг проблемы политической реформы развернулась острая борьба: между правящей партией и оппозицией, между оппозиционными партиями и внутри ЛДП. Разными оказались взгляды на предмет реформирования и глубину реформ, причем споры шли не столько о соответствии предлагаемых мер принципам демократии, сколько о возможных выгодах и потерях, которые сулят реформы каждой из партий.

Вполне объяснимо, что оппозиция встретила признание либерал-демократами необходимости принять меры по предупреждению коррупции как хороший шанс выдвинуть требования, осуществление которых ослабило бы громадное финансовое преимущество ЛДП в сравнении с другими партиями за счет щедрого притока в партийную кассу денежных средств от деловых кругов. Помимо более жесткого контроля за денежными пожертвованиями оппозиция настаивает и на сокращении их размеров, а ее левое крыло идет дальше, требуя запрета на получение средств от предприятий и организаций, в том числе от профсоюзов.

Тактика правящей партии первоначально состояла в создании видимости политических реформ без решительных шагов, которые могли бы

привести к существенной ломке сложившейся практики тесной связи ее политиков с предпринимателями. Так, в декабре 1989 г. ЛДП выступила с инициативой по одному из назревших, но все же не первостепенных вопросов. В закон о выборах были внесены положения о наказаниях для политических деятелей, которые делают подарки своим избирателям по случаю совершаемых ими традиционных гражданских обрядов (бракосочетание и т.п.). В 1990 г. ЛДП приняла внутренний документ, определяющий нормы поведения депутата парламента, а партийный устав дополнен пунктом о наложении взысканий на лиц, нарушающих эти нормы. Дисциплинарному комитету ЛДП поручено рассматривать случаи, когда возникают подозрения в нарушениях при сборе денег на выборные кампании и прочую политическую деятельность, в корыстных попытках защищать интересы отдельных предприятий и организаций³.

Правящая партия, таким образом, избавилась бы от необходимости вести длительные дискуссии со своими оппонентами в парламенте, делать вынужденные поправки в правительственные законопроекты. Это приблизило бы осуществление и программной цели ЛДП - пересмотр конституции.

Вместе с тем, учитывая неудачу прежних попыток решить задачу введения системы выборов по принципу "один округ - один депутат", на этот раз был предложен вариант комбинированный, более приемлемый для оппозиции, по крайней мере для наиболее сильных из ее партий. В июле 1991 г. кабинет министров во главе с Т.Кайфу одобрил и внес в парламент пакет из трех законопроектов, направленных на реализацию политической реформы.

Первый и главный из законопроектов "О поправках к закону о выборах" предлагал учредить одномандатные избирательные округа для выборов 300 депутатов палаты представителей, а остальных (171) избирать по партийным спискам пропорционально голосам, собранным по единому национальному округу. Право на участие в выборах по пропорциональной системе должно быть предоставлено партиям, располагавшим до выборов не менее чем пятью местами в парламенте либо собравшим на последних парламентских выборах не менее 2% голосов, либо выдвигающим по своему списку не менее 35 кандидатов.

Второй законопроект предусматривал введение нового порядка финансирования деятельности политических партий из государственной казны, распространение его на партии, которые имеют в парламенте не менее пяти депутатов или получили на парламентских выборах не менее 2% голосов. Государственные дотации должны распределяться пропорционально имеющемуся у партий числу депутатов парламента (половина общей суммы дотаций) и доле голосов, полученных партиями на парламентских выборах (вторая половина суммы).

Наконец, предлагалось внести в закон о регулировании политических фондов ряд поправок, в которых акцент сделан на повышение "прозрачности", т.е. открытости, гласности различного рода денежных

пожертвований. Одновременно выражено намерение в течение "определенного времени" осуществить постепенное сокращение предельных размеров некоторых видов денежных пожертвований от предприятий и профсоюзов.

Естественно, что оппозиционные партии крайне негативно реагировали на новую попытку подорвать их положение в парламенте путем ломки избирательной системы, долгие годы гарантировавшей представительство в парламенте широкого спектра разнообразных политических сил, отражение в политике мнения не только большинства, но и меньшинства. В то же время предложенный правительством Т.Кайфу пакет законопроектов не удовлетворил и многих депутатов от его собственной партии, которых пугала неизбежная при новом порядке выборов перекройка привычных избирательных округов, где давно созданы и надежно работают их персональные общества поддержки. Видимо, им не понравилось и компромиссное предложение о выборах части состава палаты представителей по пропорциональной системе. Кроме того, внутри ЛДП было немало личных противников Т.Кайфу, не желавших давать ему в руки козырь инициатора политической реформы. Во всяком случае законопроекты были быстро похоронены. В октябре 1991 г. по решению правящей партии они сняты с обсуждения в парламенте. В том же месяце главой ЛДП был избран К.Миядзава. О политической реформе стали говорить нехотя.

Однако годом позже разразился новый политический скандал, когда в ходе расследования дела транспортной компании "Токио сагава кюбин" заместителю председателя ЛДП С.Канэмару пришлось признаться в получении от этой компании 500 млн. иен в нарушение закона о регулировании политических фондов. Для руководства ЛДП стало ясно, что возвращение к тактике оттяжек в принятии мер по предупреждению коррупции таит в себе большую опасность и не пойдет на пользу либерал-демократам. К.Миядзава вынужден был сделать ряд публичных заявлений о стремлении ЛДП провести "основательную" политическую реформу.

По ряду положений реформы либерал-демократам довольно быстро удалось договориться со всеми оппозиционными партиями, кроме коммунистической. И в декабре 1992 г. была принята серия поправок к некоторым законам, касающимся, в частности, усиления контроля за поступлением денежных средств политическим организациям и отдельным политикам. На всех депутатов парламента и префектурных собраний, а также губернаторов префектур распространен порядок обязательного декларирования и публикации в прессе имущественного состояния и ежегодного сообщения об его изменении. Ранее это должны были делать только депутаты, занимающие правительственные должности. За превышение допустимых размеров денежных пожертвований в течение одного года от одного и того же лица теперь предусмотрено наказание тюремным заключением сроком до одного года, а за такой же проступок С.Канэмару по прежнему положению закона отделался лишь штрафом в 200 тыс. иен.

Вслед за принятием в парламенте упомянутых и некоторых других решений либерал-демократы, как бы подтверждая готовность к "основательным" шагам, объявили свое видение дальнейших направлений политической реформы. Это было сделано в форме письменного заключения созданного в ЛДП "штаба политических реформ"⁴.

Подобно тому, как предлагал ранее Т.Кайфу, на первое место и сейчас поставлена задача пересмотра порядка выборов палаты представителей. Однако теперь уже нет никакой речи о комбинации выборов по одномандатным округам с выборами по пропорциональной системе. Однозначно предлагается в центр реформы поставить осуществление принципа "один избирательный округ - один депутат". Выборы по такому принципу объявляются панацеей от "грязной политики". Иначе, утверждают авторы документа, нельзя утвердить "чистую политику", сделать политику "прозрачной" и ответственной перед избирателями. Причины коррупции усматриваются в чрезмерной конкуренции на выборах по нынешним многомандатным округам, порождающей "несуразности" при добывании денег на их проведение, создающей сильную зависимость депутатов от внутрипартийных фракций и даже "закрывающей возможность смены власти", т.е. перехода власти от ЛДП к другим партиям. И напротив, выборы по одномандатным округам рекламируются как обеспечивающие "плодотворный диалог между политиками и избирателями". В новом плане проведения реформы можно заметить фразу о желательности обратиться к "изучению" также и порядка выборов палаты советников, за чем, возможно, скрывается намерение перестроить их порядок в том же духе "малых" избирательных округов.

Штаб политической реформы высказался за предоставление политическим партиям государственной дотации на их деятельность. В общей форме выражено согласие принять дополнительные меры для повышения "прозрачности" денежных поступлений на политическую деятельность от предприятий, организаций и частных лиц, в том числе путем сокращения каналов, по которым они сейчас поступают (имеются в виду поступления фракциям, клубам, непосредственно отдельным политикам сверх тех, которые адресуются центральным органам партий). Признание необходимости усиления контроля за движением денежных средств не означает, однако, желания ограничить и тем более запретить денежные пожертвования. Либерал-демократы намерены, напротив, ставить вопрос об увеличении допустимых их размеров.

Штаб политической реформы обещает заняться также перестройкой собственной партии, которая "решит судьбу" ЛДП, "распространится на ее организацию, кадры, дисциплину, ведение дел на разных уровнях". Задача ликвидации фракций, о которой либерал-демократы говорили в начале замысла политической реформы, на этот раз не упоминается, но называются меры, которые, по мнению авторов документа, должны устранить или ослабить вредные для партии последствия фракционности. Так, поставлена

задача повысить роль официальных руководящих органов ЛДП в отборе кандидатов на выборах и в их поддержке необходимыми денежными средствами, ввести порядок обязательного выхода из фракций для деятелей, назначаемых на многие руководящие посты в партии и парламенте, преобразовать общества поддержки отдельных депутатов в официальные отделения партии, активизировать либо вновь создать партийные организации в каждом избирательном округе.

Вряд ли эти предложения, в случае их выполнения позволят существенно решить актуальную проблему предотвращения коррупции. Вполне очевидно, что борьба с коррупцией в данном случае стала удобным предлогом для включения в политическую реформу мер, нужных ЛДП для достижения безраздельного господства в парламенте. Либерал-демократы, видимо, сочли нынешний момент благоприятным и с точки зрения преодоления сопротивления со стороны оппозиции.

Серьезно ослабла главная сила в стане оппозиции - Социал-демократическая партия Японии (СДПЯ), находящаяся сейчас на перепутье. В ней идут дискуссии о пересмотре программных установок, например положений принятой всего лишь в 1986 г. "Новой декларации", провозгласившей переход СДПЯ с позиций классовой партии на позиции, более близкие к западно-европейской социал-демократии, о корректировке конкретного политического курса и организационной перестройке, включая сложные проблемы отношений с профсоюзами. К тому же наметившееся определенное сближение СДПЯ с центристскими партиями оппозиции во взглядах на многие актуальные проблемы пока не приводит к их реальному и действенному сотрудничеству в борьбе за парламентские места. Либерал-демократов ободряет весьма символический факт поражения на выборах в палату советников летом 1992 г. всех кандидатов Японской конфедерации профсоюзов (Рэнго), которые надеялись на активную поддержку четырех партий оппозиции.

Есть еще один важный фактор, повысивший решимость ЛДП вернуться к замыслу выгодного для нее пересмотра избирательной системы. Понемногу начинают сказываться плоды длительной и настойчивой пропаганды идеи "реорганизации политических сил" Японии, формирования двух примерно равных по влиянию сил, конструктивно соперничающих в борьбе за власть (в отличие от прежней "конфронтационной" борьбы многих партий с их идеологическими установками и классовыми пристрастиями). Среди оппозиции активными сторонниками "реорганизации политических сил" в духе японского подобия двухпартийной системы выступает руководство Японской конфедерации профсоюзов, крупнейшего в стране профцентра, обладающего возможностью серьезно влиять на оппозиционные партии. Если же предположить, что на месте разобщенных партий оппозиции действительно появится новая сплоченная сила (единая партия или партийная коалиция), способная противостоять нынешней правящей партии, то предлагаемый либерал-демократами пересмотр избирательной системы

многим не кажется опасным. По расчетам либерал-демократов, это также должно снизить сопротивляемость оппозиционных партий.

Но в реальной действительности пока иллюзорна возможность скорого появления в Японии крупной политической силы, способной на равных в одиночку соперничать с ЛДП, обеспечивая сменяемость власти. Вот почему и в СДПЯ, и в Комэйто, наиболее влиятельных среди оппозиции партиях, не согласны на введение выборов всего состава палаты представителей по одномандатным округам и разрабатывают компромиссные варианты сочетания "малых" избирательных округов с выборами по пропорциональной системе. Например, социал-демократы уже называли в качестве устраивающих их выборы 300 депутатов по пропорциональной системе, а еще 200 - в одномандатных избирательных округах по мажоритарной системе относительного большинства⁵.

Надо сказать, что идея выборов исключительно по одномандатным округам неоднозначно воспринята и в среде либерал-демократов, многие из которых отнюдь не желали бы навязывать ее насильно, используя большинство партии в парламенте. Косвенно об этом свидетельствует одобрение плана Штаба политической реформы лишь руководящими органами ЛДП без оформления обычного для таких случаев партийного постановления. Кроме того, внесение соответствующих законопроектов намечается не от имени кабинета министров, а от депутатов парламента. Собравшиеся вместе молодые депутаты парламента от ЛДП, СДПЯ, Комэйто и ПДС, обсуждая свое отношение к избирательной системе, высказались за поиск "смешанной формы" порядка выборов законодательного органа. По их мнению, задаче отражения в парламенте всего многообразия взглядов избирателей более соответствует "многопартийность", нежели "система двух больших партий", а путь к обеспечению сменяемости власти следует искать в создании коалиций соперничающих партий⁶.

Обеспокоенность японской общественности тем, что пересмотр порядка выборов парламента по плану Штаба политической реформы ЛДП приведет к вытеснению менее влиятельных партий, разрушит многопартийность в высшем государственном органе страны, вполне объяснима. Многопартийность не только не препятствовала, но, наоборот, способствовала принятию парламентом компетентных решений, действительному его контролю за деятельностью правительства. Благодаря этому парламент учитывал как мнение большинства населения, так нужды и запросы его различных слоев. Принимаемые законы нередко значительно отличались от правительственных законопроектов, вносимых в парламент с одобрением правящей партии, но от этого они не становились хуже, так как учитывали интересы тех слоев населения, о которых правительство по какой-либо причине не проявляло заботы. Что касается случаев неприятия законопроектов из-за сопротивления оппозиционных партий, то и здесь у японцев нет оснований для сожаления. Отвергались полностью лишь одиночные предложения, идущие вразрез с конституцией и не встречавшие поддержки широкого общественного

мнения, как, например, законопроект о действиях при чрезвычайных обстоятельствах. Законодательная работа японского парламента в его нынешнем многопартийном составе, хотя часто и вызывает раздражение избирателей из-за бесконечных споров, является важным фактором успешного экономического развития Японии в политически стабильной, мирной обстановке.

Дискуссии вокруг политической реформы в Японии продолжаются. Можно предположить, что на определенном этапе произойдет поворот в сторону какого-то компромисса между соперничающими политическими силами и по вопросу об избирательной системе, и по относительно отошедшим на второй план непосредственным мерам по блокированию коррупции, разъедающей, подобно ржавчине, политическую систему.

Эпизод с политической реформой, перед которой стоит ныне Япония, наглядно показывает остроту проблемы коррупции, "грязной политики" в условиях функционирования рыночной экономики даже тогда, когда в демократической стране имеются и давно действуют законы, специально разработанные для постоянного и тщательного контроля над отношениями между политическими партиями, правительственными чиновниками и деловыми кругами. Жизнь заставляет демократическое государство, и Япония в этом не одинока, вновь и вновь возвращаться к антикоррупционному законодательству, ужесточать заложенные в нем нормы, расширять круг разного рода запретов, усиливать наказания за их нарушение.

Наблюдая споры по вопросу выборов в японский парламент, полезно помнить, что нынешний порядок формирования парламента, который довольно надежно обеспечивает в нем политический плюрализм, многопартийность, был принят в условиях, когда среди партий еще не выявился явный лидер и все участвовавшие в разработке закона о выборах партии заботились о равенстве возможностей для избрания их представителей. Соперничество тогда имело место как между партиями либеральной и социалистической ориентации, так и не в меньшей мере между либеральными партиями. Создание в 1955 г. объединенной Либерально-демократической партии привело к завоеванию ею большинства в парламенте, но одновременно породило и эгоистический соблазн добиться безграничного господства путем пересмотра избирательной системы, отвечающего этой задаче, но ставящего под удар парламентарную демократию.

Выработка действенных мер для предупреждения и борьбы против "грязной политики", забота о недопущении эгоистического подхода при разработке избирательной системы - вот два важных момента, над которыми следует хорошо подумать российским политикам, изучая зарубежный опыт и стремясь использовать его в процессе демократизации отечественной политической системы, формирования необходимого для ее эффективного функционирования законодательства.

-
- 1 Асахи симбун. - 1992. - 27 июля.
 - 2 Мохан роппо 1989. - Токио, 1990. - С. 116.
 - 3 Вага то-но кихон хосин. - Токио, 1990. - С. 150-151.
 - 4 Содержание документа подробно изложено в газете "Асахи симбун".
Асахи симбун. - 1992. - 11 декабря.
 - 5 Асахи симбун. - 1993. - 18 февраля.
 - 6 Асахи симбун. - 1992. - 20 февраля.

ОПЫТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

ЭКОНОМИКА КНР: ИТОГИ РАЗВИТИЯ В 1992 Г. И ЗАДАЧИ НА 1993 Г.

В.Портяков

Экономическая жизнь Китайской Народной Республики в 1992 г. протекала весьма неординарно.

Первоначально ориентиры развития экономики на год в целом соответствовали задачам восьмой пятилетки (1991-1995 гг.). Акцент предполагалось сделать на совершенствование структуры и повышении эффективности народного хозяйства. Вместе с тем в связи с завершением трехлетнего периода "оздоровления и упорядочения" экономики намечалось некоторое увеличение темпов роста народного хозяйства и масштабов преобразований в хозяйственном механизме.

Однако в январе 1992 г. "архитектор китайских реформ" Дэн Сяопин во время своей поездки на юг страны призвал к ускорению темпов роста экономики и поступи реформ, расширению масштабов открытости страны внешнему миру¹. Эти соображения обрели в марте статус официальной политики руководства КНР и определили поворот всей экономической жизни Китая в совершенно иное русло. Данная линия на существенное ускорение темпов роста, наращивание масштабов реформ и политики открытости КНР в 90-е годы была окончательно закреплена XIV съездом КПК в октябре 1992 г., превозгласившим курс на создание системы "социалистической рыночной экономики" - как конечного итога и цели преобразований в структуре собственности и хозяйственном механизме.

В этой ситуации план развития народного хозяйства КНР на 1992 г., принятый 5-ой сессией ВСНП 7-го созыва и предусматривавший прирост валового национального продукта в 6%, а инвестиций в основные фонды в 8%, оказался чистой формальностью, никоим образом не повлиявшей на реальный ход экономической жизни. В повестку дня встал вопрос и о корректировке VIII пятилетнего плана.

В целом 1992 год стал для КНР не столько вторым годом восьмой пятилетки, сколько первым годом дэнсяопиновской "стратегии ускорения" экономического роста Китая в 90-е годы.

Портяков Владимир Яковлевич, кандидат исторических наук, заместитель директора ИДВ РАН.

1. Развитие

1.1. Темпы роста народного хозяйства КНР оказались в 1992 г. едва ли не самыми высокими за весь период реформ: объем валового внутреннего продукта² возрос на 12,8% и составил около 2,4 триллионов юаней, в том числе добавленная стоимость в первом подразделении общественного производства (сельское хозяйство) возросла на 2,7%, в промышленности - на 20,8%, в строительстве - на 18% и в сфере услуг (третье подразделение общественного воспроизводства) на 9,2%³. Переход КНР к новому методу статистического учета, основанному на общепринятой в мировой практике "системе национальных счетов", до появления полных, увязывающих воедино старую и новую базы учета, статистических данных, несколько затрудняет сопоставление темпов экономического роста 1992 г. и других лет. Можно предположить, что показатели 1992 г. находятся, как минимум, на уровне рекордного для периода реформ 1985 г. (прирост ВВП 12,8%), превосходя их по темпам прироста в промышленности (21,4% в 1985 г. и от 21,7 до 23 и даже 25,6%, по разным данным, в 1992 г.).

1.2. Для экономики КНР в 1992 г. была характерна, пожалуй, еще большая, чем обычно, неравномерность развития по регионам, отраслям, формам собственности. Явными лидерами оказались приморские провинции, перерабатывающие отрасли и негосударственные формы собственности.

Так, Гуандун на 8 лет раньше срока реализовал стратегическую задачу учетверения объема ВВП (валовый внутренний продукт провинции в 1992 г. возрос на 19,5% и составил 221,8 млрд. юаней)⁴. Объем промышленного производства в Шанхае вырос на 21,4, в Гуандуне - на 31,5, в Шаньдуне - на 33,4, тогда как в Пекине - только на 11,3%. В целом семь провинций - Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь, Шаньдун, Гуандун, Гуанси, Хайнань - дали 60% добавленной стоимости в промышленности.

Среди отраслей вне конкуренции оказалось автомобилестроение: производство автомобилей возросло на 51,5%.

Добавленная стоимость в промышленности негосударственных секторов составила 61% вновь созданной стоимости в промышленности, при этом на предприятиях коллективной собственности она возросла на 28,5%, на предприятиях с участием иностранного капитала на 48,8%, а на государственных предприятиях - на 14,4%⁵.

1.3. Форсированное развитие экономики КНР в 1992 г. еще раз подтвердило наличие в народнохозяйственном комплексе страны застарелых и труднорасширяемых "узких мест". Ограничителем номер один по-прежнему выступает железнодорожный транспорт, обеспечивавший лишь 60% плановой ежесуточной потребности в вагонах⁶.

Следующее по значимости "узкое место" - электроэнергетика. Несмотря на серьезные усилия по развитию этой отрасли, Китай по доле электроэнергии в общем потреблении энергоресурсов все еще отстает от

среднемирового уровня на 20 лет, а по потреблению электроэнергии на душу населения (600 кВт-ч) находится на 7-8-м месте в мире⁷.

Все более напряженной становится и ситуация с обеспечением экономики страны нефтепродуктами. Раздаются призывы к сокращению экспорта и увеличению импорта Китаем нефти и нефтепродуктов.

1.4. В целом качество роста экономики КНР оставалось далеко не идеальным. Китаю и в 1992 г. не удалось сделать существенного шага на пути перехода от роста, ориентированного на темпы, к росту, ориентированному на экономическую эффективность, структурную сбалансированность, адресное удовлетворение спроса населения и народного хозяйства. Среди факторов роста в 1992 г. преобладали традиционно характерные для КНР экстенсивные и прежде всего инвестиционная, кредитная и налично-денежная накачка народного хозяйства.

Объем инвестиций в основные фонды по всем формам собственности возрос на 37,6% - второй по величине показатель за годы реформ. Было начато строительство и техническая реконструкция 89 тысяч новых объектов, в том числе 12 тысяч - с объемом инвестиций свыше 1 млн.юаней. В растягивание фронта капитального строительства в 1992 г. особую лепту внесло настоящее поветрие создания на местах новых "районов освоения и развития", ориентированных на льготный режим привлечения иностранных инвестиций. В общей сложности к концу октября 1992 г. в стране было декларировано создание на уровне волости и даже ниже 8700 "районов освоения", из которых лишь 37 было утверждено Госсоветом и 176 - провинциальными властями. На создание инфраструктуры только утвержденных районов освоения общей площадью 15 тыс.кв.км требовались затраты в 4 триллиона юаней (при годовом объеме инвестиций в основные фонды по стране в целом в 1992 г. в 758 млрд.юаней)⁸. В Гуандуне уже началась работа по проверке и "чистке" новых "районов освоения и развития", которая, возможно, будет проведена повсеместно.

Уже за первые 9 месяцев 1992 г. прирост объема банковских кредитов составил 388 млрд.юаней в сравнении с приростом в 288 юаней за весь 1991 г. Хотя в последнем квартале появились признаки некоторого ужесточения кредитно-денежной политики правительства, в целом прирост объема банковского кредитования в 1992 г., видимо, ненамного уступил рекорду 1985 г. (33,6%)⁹.

А вот денежная эмиссия намного превысила наивысший уровень в истории (67,95 млрд. юаней в 1988 г.) и составила 115,8 млрд.юаней¹⁰.

Вместе с тем общее улучшение хозяйственной конъюнктуры и расширение совокупного общественного спроса способствовали некоторому повышению эффективности производства. Комплексный показатель экономической эффективности на самостоятельных промышленных предприятиях уровня волости и выше возрос на 5,45 процентных пункта и составил 88,77, в том числе на крупных и средних предприятиях - 99,91 (данные за 11 месяцев). При этом позитивная динамика отмечена по всем

шести позициям, используемым для расчета комплексного показателя эффективности (процент реализуемости продукции, рентабельность - налоги и прибыль - по фондам, рентабельность - прибыль - по себестоимости, оборачиваемость оборотных средств, доля чистой продукции в валовой продукции промышленности, производительность труда по чистой продукции промышленности)¹¹.

1.5. Ситуация на потребительском рынке пока еще слабо отражала общее повышение динамики народного хозяйства: физический объем розничного товарооборота возрос на 9,8%, то есть был близок к уровню предшествующего года. Сказались, скорее всего, медленное увеличение доходов населения в предыдущий период (у крестьян - всего на 0,7% в среднем за год в 1989-1991 гг.), относительная насыщенность рынка традиционными товарами длительного пользования, естественный временной лаг между ростом объема инвестиций и превращением их части в платежеспособный спрос населения.

По-видимому, пока преобладает выжидательная реакция и на ускорившийся - в связи с расширением арсала рыночного регулирования - рост цен. Их индекс вырос на 5,3 по сравнению с 2,9% в 1991 г., причем рост стоимости жизни в крупных и средних городах составил 10,9%, в том числе рост стоимости услуг - 21,3%.

Как бы то ни было, потребительский рынок КНР оказался в 1992 г. неплохо сбалансированным. Из 695 важнейших видов товаров, отслеживаемых министерством торговли, предложение не удовлетворяло спрос по 80 позициям (11,5%) и было больше спроса по 237 позициям (34,1%)¹².

В целом разрыв между совокупным общественным спросом и предложением за год составил 6,6% - лишь несколько выше считающегося в Китае "нормой" 5-процентного показателя и намного ниже 16-18%, характерных для периода "перегрева" 1987-1988 гг. Это дает сторонникам высоких темпов роста основания говорить об отсутствии главных признаков "перегрева" в экономике КНР. Другие аналитики, напротив, с тревогой констатируют, что у населения страны не возникло новой волны спроса, способной дать устойчивый импульс росту экономики, и народному хозяйству грозит опасность скорого наступления "переохлаждения"¹³.

1.6. Ситуация в промышленном производстве складывалась под воздействием двух определяющих факторов - роста деловой активности в инвестиционном секторе экономики и все более полного перевода государственного сектора на рыночные принципы хозяйствования. Доля продукции, проводимой в рамках директивного плана, была сокращена с 16 в 1991 г. до 11% в конце 1992 г. Значительно расширены права предприятий в ценообразовании: им были переданы права устанавливать цены на 571 вид продукции, включая нефть и нефтепродукты, некоторые виды угля, цветных металлов, стального проката, большинство позиций машиностроения и электротехники. Параллельно с 1 сентября Госсовет отменил верхний потолок

отпускных цен и цен реализации на такие, произведенные вне рамок плана, средства производства, как нефть и нефтепродукты, стальной прокат, медь, алюминий, цинк, кальцинированная и каустическая сода¹⁴. В целом за год доля рыночного регулирования в объеме реализации средств производства превысила 70%.

Высокий спрос на инвестиционные товары стимулировал существенный рост производства стали, проката, цемента, по которым в 1992 г. оказались значительно превышены плановые показатели 1995 года, продукции машиностроения и электротехники (прирост 27,7%). Вместе с тем у быстрого роста китайской промышленности в 1992 г. есть и обратная сторона: смазанность структурных приоритетов, чрезмерный "уклон" в перерабатывающие отрасли, ускорившийся рост цен на энергоносители и сырье - за год на 11%, а в сентябре-октябре рост цен на средства производства превышал 20%.

Производство основных видов продукции промышленности в КНР в 1992 г.

Наименование	Ед. изм.	1991 г.	1992 г.	Прирост (%)	1995 г. (план)
Первичные энергоносители	млн.т усл. топлива	1047	1067	1,8	1172
Уголь	млн.т	1062	1110	2,1	1230
Нефть	млн.т	139,57	142	0,5	145
Электроэнергия	млрд. кВт-ч	671,6	747	10,3	810
Сталь	млн.т	70,57	80	12,7	72
Прокат	млн.т	55,47	65,34	15,9	59,5
Цемент	млн.т	243,56	304	20,3	230
Химические удобрения (в пересчете на чистое вещество)	млн.т	19,88	20,99	6,1	
Автомобили	тыс.шт.	713	1082	51,5	
Ткани	млрд.м	16,65	18,5	1,8	
Телевизоры с цветным изображением	млн.шт.	11,994	13,14	9,1	12,0
Стиральные машины	тыс.шт.	6830	7127	3,7	
Холодильники	тыс.шт.	4758	4753	1,1*	

* Так в тексте сообщения ГСУ КНР.

Источники: Нунминь жибао. - 1991. - 16 апреля.

Чжунго тунци чжайяо 1992. - Пекин. - 1992.

Цзинци жибао. - 1992. - 29 февраля.

Жэньминь жибао. - 1993. - 19 февраля.

1.7. Экономическая жизнь китайской деревни в 1992 г. характеризовалась дальнейшим углублением рыночных начал. "Мотором" более решительного перехода китайской деревни к рынку явилось освобождение цен на зерно и растительное масло, полностью проведенное в 400 городах и уездах страны с населением в 200 млн. человек, переход к единому уровню закупочных и сбытовых цен на эти товары, сопровождавшийся резким сокращением дотаций к разнице между ценами закупок и сбыта (за 10 месяцев 1992 г. дотации сократились на 13,84 млрд. юаней). Одновременно вновь, как и в 1991 г., были повышены розничные цены на зерно и масло - на 140 и 170% соответственно, в ряде мест полностью отказались от реализации нормируемого зерна и масла по ценам ниже рыночных. Начался и эксперимент по выравниванию закупочных и сбытовых цен на хлопок. План закупок и сбыта зерна, масличных, хлопок был изменен с директивного на направляющий¹⁵.

Чтобы подкрепить перевод ключевого для страны зернового производства на рыночные условия, решено создать трехступенчатые (центр, провинции, уезды) системы оптовых рынков зерна и резервных фондов зерна. Кроме оптового рынка зерна в Чжэнчжоу, имеющего статус общегосударственного, были созданы 11 региональных и несколько десятков городских и уездных оптовых рынков зерна.

Стратегически верная идея увеличения "доли рынка" в сельскохозяйственном производстве была реализована, однако, с существенными тактическими погрешностями. И если сокращение посевных площадей под зерновыми культурами (на 19,34 млн. му к октябрю 1992 г.), падение рыночных цен на некоторые культуры, например, на семена рапса и ранний горный рис, ниже уровня закупочных цен можно объяснить традиционной реакцией крестьян на "рыночные свободы", то отмена льгот для специализированных дворов по выращиванию зерна, резко сократившая доходы крестьян от зернового производства, выглядит явным просчетом¹⁶.

И все же главной проблемой, если не поставившей под угрозу саму политику поворота сельского хозяйства к рынку, то продемонстрировавшей ее недостаточную подготовленность, стала нехватка средств для закупки сельхозпродукции - отпущенные на эти цели кредиты просто не дошли до крестьян, которым пришлось уже не в первый раз, но, кажется, в невиданных ранее масштабах удовлетвориться долговыми расписками. Так, из необходимых для закупки зерна осеннего урожая 60 млрд. юаней к середине ноября было реально найдено только 10 млрд. юаней, нехватка средств на закупку хлопка составляла 13,5 млрд. юаней при общей потребности в 35

млрд.юаней. При плане депозитов на 1992 г. в 130-140 млрд.юаней Сельскохозяйственный банк Китая сумел привлечь всего 90 млрд.юаней, остальные "уплыли" на акционирование, капитальное строительство и т.п.¹⁷.

Ход экономических процессов в китайской деревне вызвал серьезную обеспокоенность руководства страны, которое в конце года предприняло срочные шаги по усилению государственной поддержки деревни, защите интересов крестьян и сельского хозяйства в целом. Важным или невольным "обидчиком" деревни китайская печать вновь напомнила о базовом положении сельского хозяйства в народном хозяйстве как о своего рода гарантии нормального развития экономики и социальной стабильности, о первостепенном характере задачи обеспечения более чем миллиардного населения едой и одеждой - "при любой системе хозяйствования"¹⁸. ЦК КПК и Госсовет КНР приняли специальный документ по защите активности крестьян и обеспечению стабильного развития сельского хозяйства. Намечены как шаги сугубо текущего характера (например, своевременно и полностью оплатить крестьянам закупленное у них зерно, решить проблему расписок), так и более долгосрочные, по сути дела, представляющие микрокорректировку остающегося в целом неизменным курса по выводу деревни к рынку - в нем теперь явственнее ощущается государственное начало. Назовем, в частности, сохранение льгот при производстве зерна и хлопка, пресечение незаконных поборов и разверсток с крестьян, защиту ресурсов пахотной земли и стабилизации посевных площадей под зерном. Предусмотрено также сдерживание роста цен на промышленную продукцию сельскохозяйственного назначения за счет введения верхних потолков цен на химудобрения, ядохимикаты, полиэтиленовую пленку. Объявлено и об увеличении в 1993 г. государственных инвестиций в сельское хозяйство на 32%¹⁹.

По итогам развития собственно сельскохозяйственного производства 1992 г. оказался примерно на уровне не слишком удачного 1991 года. Объем производства возрос, по разным оценкам, на 3,6-4%, при этом в растениеводстве только на 1,2% (сказалось 20%-ное сокращение производства хлопка), тогда как в животноводстве - на 6,1% и рыбоводстве - на 9,5%²⁰.

Напротив, для волостных и поселковых предприятий, признанных "авангардом рыночной экономики в Китае", 1992 г. был весьма успешным. Их валовая продукция возросла на 39% и превысила 1650 млрд. юаней, в том числе продукция промышленности - 1250 млрд.юаней (прирост 40%). После дополнительного трудоустройства 5 млн.крестьян общая численность занятых на данных предприятиях достигла 101 млн.чел.²¹.

**Производство основных видов продукции сельского хозяйства
в КНР в 1992 г.**

Наименование	Ед. изм.	1991 г.	1992 г.	Прирост (%)	1995 г. (план)
Зерно	млн.т	435,29	442,58	1,7	445
Хлопок	тыс.т	5675	4528	-20,2	4750
Маслиничные	млн.т	16,38	16,4	0,1	18,0
Сахар	тыс.т	6310	8155	27,4	6700
Мясо (свинина, говядина, баранина)	млн.т	27,24	29,33	7,7	30,0

Источники: Нунминь жибао. - 1991. - 16 апреля.

Чжунго тунци чжайяо 1992. - Пекин. - 1992.

Жэньминь жибао. - 1993. - 19 февраля.

В целом валовой общественный продукт деревни вырос на 24,5% и превысил 2,3 триллиона юаней²².

1.8. По официальным данным, уровень жизни населения Китая в 1992 г. возрос более заметно, чем в 1991 г. Реальные доходы жителей городов увеличились на 8,85% (в 1991 г. - 7,7%) и достигли в среднем 1826 юаней на человека, а у жителей деревни они составили 784 юаня на человека при росте в 5,9% (в 1991 г. - всего 2%).

Улучшение экономической конъюнктуры позитивно сказалось на трудоустройстве: число вновь трудоустроенных в городах превысило 7 млн. человек по сравнению с 4,3 млн. в предшествующем году²³. Доля "ожидающих трудоустройства" в городах, т.е. незанятых лиц в трудоспособном возрасте,

снизилась до 2,3% (3,7 млн. человек). Вероятно, в повышении доходов населения сыграло свою роль буквально повальное стремление к так называемой "Второй занятости". Ее наиболее распространенной формой стали вечерние и ночные рынки, значительную часть торговцев на которых составили обычные рабочие и служащие. В то же время, похоже, вновь обостряется проблема занятости в деревне и связанная с нею новая волна миграции крестьян в города, особенно на юге страны. По оценкам, число крестьян-мигрантов уже достигло 50 млн. чел. Все более настоятельной становится задача устранения барьеров между городом и деревней, создания единого рынка рабочей силы²⁴.

Общий поворот к рынку затронул и социальную сферу. Принят ряд конкретных документов по реформе системы труда и заработной платы, жилья, социального обеспечения, медицинского обслуживания²⁵. Постепенная

"товаризация" ранее остававшихся вне рамок рыночных отношений сфер способна оказать глубокое воздействие на весь образ жизни граждан КНР, последовательно преодолевая уравниловку и "более рационально", как декларируется, распределяя бремя социальных затрат между государством, предприятиями и гражданами. Одновременно в "компенсационном порядке" расширяется и совершенствуется сфера социального страхования рабочих и служащих, а частично и крестьян.

В сфере жилищной политики прямо поставлена задача перейти от "натурально-благотворительного" принципа распределения жилья к "монетарно-зарплатному", превратить жилье в особый товар потребительского рынка. Вместе с тем финансово и психологически тяжелое для населения повышение квартплаты до уровня "товарной арендной платы" предполагается проводить поэтапно, в течение длительного периода времени. В восьмой пятилетке квартплата будет повышена до уровня, соответствующего заратам на простое воспроизводство жилья (то есть покрытие расходов по "трем факторам затрат" - на ремонт, управление жилфондом и амортизацию). К 2000 году в квартплату будут включены также процент по инвестициям в строительство жилья и налог на жилье, и лишь в еще более отдаленной перспективе, вобрав в себя дополнительно затраты на использование земли, страхование и прибыль от эксплуатации жилья, квартплата обретет законченный "товарный" вид²⁶.

В социальной сфере год 1992 оказался примечателен и тем, что Государственное статистическое управление КНР официально утвердило показатели "сяокан" - "общества скромного достатка", на достижение которого по уровню жизни населения ориентирована стратегия развития страны до 2000 г. Критерии сформулированы для страны в целом и отдельно для города и деревни. Например, производство ВВП на душу должно составлять 2400 юаней в год, в том числе 5000 юаней в городах и 1100 юаней в деревне, калорийность питания - 2600 ккал и 75 г белка в день. Включены также показатели средней продолжительности жизни (70 лет), среднедушевого дохода (2380 юаней в городах и 1400 юаней по стране), распространенность и уровень образования, допустимый разрыв в доходах, доступность культурных услуг (телефон, телевидение, печать и т.п.), обеспеченность жильем. При оценке исходного уровня жизни населения в 1980 г. в О пунктов, а конечного в 2000 г. в 100 пунктов страна в 1990 г. имела уровень жизни в городах в 65,2 пункта, при этом в Пекине он составлял 84, в Шанхае 70,6 пункта. Предполагается, что в среднем страна достигнет искомого уровня в 100 пунктов в 1997 г., однако население порядка десяти административных единиц провинциального уровня сможет, скорее всего, выйти на показатели "скромного достатка" за пределами 2000 г.²⁷

К числу наиболее труднодостижимых показателей "скромного достатка" относится доля сферы услуг в ВВП в 36-40% к 2000 г. В настоящее время она составляет 27%. Развитие "третьей индустрии" до искомого уровня требует среднегодовых темпов прироста даже не в 11%, как это было

намечено Общекитайским совещанием по развитию сферы услуг, а в 12-15%, что существенно выше показателя 1992 г. в 9,2%.

1.9. Подведение итогов социально-экономического развития КНР в 1992 г. сопровождалось весьма острой дискуссией по вопросу о том, имел ли место "перегрев" народного хозяйства и, соответственно, нуждается ли экономическая политика в 1993 г. в корректировке и, если нуждается, то в каком именно направлении.

Сторонники сохранения высоких темпов роста ссылались на его восстановительный характер в 1992 г., на приемлемость бремени роста цен для населения и его связь не столько с высокой динамикой народного хозяйства, сколько с активизацией самого по себе процесса реформы ценообразования, на естественную обусловленность возросшей денежной эмиссии расширением масштабов капитального строительства и резкого увеличения числа предприятий с участием иностранного капитала²⁸. Протесты против ситуации в экономике, как находящейся на грани "перегрева", сопровождались предложениями обеспечить и в 1993 г. максимально возможную инвестиционную и кредитно-денежную подпитку народного хозяйства, чтобы предотвратить очередной циклический спад²⁹.

Высказывалась и прямо противоположная точка зрения - о ненормальном функционировании экономики в 1992 г., о фактическом развертывании, пусть в новой ситуации и в новой форме, порочного процесса "большое подстегивание, большой дефицит, большая эмиссия, большой рост цен - большое урегулирование". Указывалось на наличие в экономике страны сразу нескольких видов "лихорадки", то есть элементов "перегрева" - в кредитовании, пересмотре прежних показателей и ориентиров развития, эмиссии ценных бумаг, акционировании и росте рынка акций, капитальном строительстве, импорте, увлечении торговлей, погоне за валютой, создании "районов освоения и развития" и спонтанном, скачкообразном развитии рынка недвижимости, прежде всего увеличении операций по сдаче земельных участков в долгосрочную аренду иностранным предпринимателям. Соответственно, в качестве наиболее актуальной на ближайшие месяцы выдвигалась задача предотвращения дальнейшего перегрева за счет усиления макроконтроля и проведения более жесткой кредитно-денежной и финансово-бюджетной политики³⁰.

В конечном счете была выработана и официально обнародована в выступлениях Цзян Цзэминя, Ли Пэна и других руководителей на совещаниях по плановой, экономической, финансовой работе некая усредненная оценка, согласно которой народное хозяйство Китая находится перед "желтым сигналом светофора", когда перегрева еще нет, но есть его потенциальная опасность³¹. Констатируя успехи экономики в 1992 г. и "хорошую обстановку" в народном хозяйстве, китайская печать в установочных материалах тем не менее отмечала, что "если после высоких темпов роста экономики в 1992 г. не прибегнуть к сознательному отлаживанию отношений между количественным балансом и темпами, с

одной стороны, и структурой и эффективностью, - с другой, то могут возникнуть серьезные структурные диспропорции и аномалии в воспроизводственном процессе, вынуждающие снизить темпы роста и провести новое всеохватывающее урегулирование"³².

1.10. Во избежание худшего китайское руководство оказалось вынуждено прибегнуть в 1993 г. к своего рода "микроурегулированию" (в печати появился и сам этот термин).

По сравнению с фактическим итогом 1992 г. заметно снижаются планируемые темпы роста экономики. Хотя в многочисленных прогнозах второй половины 1992 г. китайские ученые-экономисты называли оптимальным прирост ВНП^{тв} 1993 г. в 10,5-10,8%³³, с начала 1993 г. в печати стала фигурировать идея о необходимости "обеспечить 8-процентный прирост и бороться за 9-процентный"³⁴. В конечном счете на 1-ой сессии ВСНП VIII созыва было объявлено о запланированном на 1993 г. приросте ВНП в 8%, с оговоркой, что в ходе выполнения плана этот показатель, возможно, будет превзойден. Характерно, что в предыдущих прогнозах 8-процентный прирост ВНП рассматривался только как "резервный" и минимальный из возможных³⁵.

Заявлено и о предстоящем усилении макроконтроля, прежде всего с помощью кредитных и налоговых рычагов. Китайские руководители подчеркивают, что речь идет не о переходе к рестриктивной кредитно-финансовой политике в полном смысле этого слова - коль скоро запланирован некоторый рост масштабов кредитования и денежной эмиссии - а о пресечении "завистливого соперничества" за темпы роста, более жестком обеспечении пропорциональности народного хозяйства и экономических приоритетов государства³⁶. Среди них в 1993 г. фигурируют все традиционные для Китая "слабые звенья" и "узкие места" - сельское хозяйство, энергетика, транспорт и связь. Инвестиции в капитальное строительство в энергетике намечено увеличить на 44, в том числе в угольной промышленности - на 31, а в электроэнергетике - на 50%.

В целом задача "продлить срок фазы быстрого развития" не снята с повестки дня, однако центром тяжести экономической работы в 1993 г. провозглашено совершенствование структуры экономики, повышение качества продукции и эффективности общественного производства. Именно на этой основе предстоит обеспечить "поступательный, скоординированный, сравнительно быстрый рост народного хозяйства"³⁷.

2. Реформа

2.1. 1992 год ознаменовался принципиальным сдвигом в теоретическом обосновании экономической реформы в Китае. Вместо доминировавшей с 1984 г. концепции "планового товарного хозяйства" XIV съезд КПК выдвинул в качестве конкретной цели экономической реформы в КНР

"создание системы социалистической рыночной экономики". Новое качество реформы, вытекающее из смены ее официальной концепции, видится прежде всего в признании именно за рынком решающей роли в оптимальном распределении ресурсов общественного производства, тогда как прежде эта роль однозначно отдавалась плану.

Смена, или, правильнее, уточнение концепции реформы порождена, как представляется, многими факторами. Анализ хода преобразований в 80-е годы, надо полагать, достаточно убедительно показал, что наибольшая динамика достигалась там и тогда, где и когда ориентация на выявление роли рынка проводилась наиболее последовательно. Напротив, имевшие место в предыдущие несколько лет попытки добиться "ограниченного сочетания плана и рынка" оборачивались скорее "холостым пробегом", тупиковыми или паллиативными решениями, вроде подряда в промышленности, не принося однозначно позитивных результатов. Сказалось, несомненно, и усиление позиций последовательных "рыночников" в кругах китайских экономистов, например, У Цзинляня, чьи идеи вошли "в резонанс" с суждениями Дэн Сяопина о необходимости ускорить поступь реформ.

Создание и совершенствование системы социалистической рыночной экономики является, как подчеркивают в Китае, длительным процессом и может быть реализовано, по словам Ли Пэна, только в результате усилий "нынешнего и даже следующего поколений"³⁸. Судя по заявлению Цзян Цзэминя на XIV съезде КПК, в КНР предполагают выработать общий план экономических преобразований, ориентированных на поэтапное создание социалистической рыночной экономики. Несомненно, многие пока еще схематичные представления о сущности и особенностях социалистической рыночной экономики "китайского типа" будут в дальнейшем расширены, уточнены, детализированы и скорректированы по мере их практической реализации.

Тем не менее, уже по "горячим следам", сразу после XIV съезда КПК, в стране высказано немало суждений по вопросу о том, какие именно черты должны быть характерны для "достигшей современного уровня" рыночной экономики с китайской спецификой. В частности, по мнению Шэнь Лижэня, ее должны отличать высокая жизнеспособность субъектов рынка, изобилие и многообразие объектов рынка, совершенная и целостная система рынка, многообразие форм рынка, комплексная структура рынка, точность и своевременность рыночных сигналов, обеспечиваемый авторитетом законов гибкий и здоровый механизм рынка, тесная состыкованность национального рынка с мировым³⁹. Ученый-экономист Су Сюань выделяет такие качества будущей рыночной экономики в Китае, как беспрепятственное обращение факторов производства и продукции, всеохватывающий и нормативный характер рыночной конкуренции, высокая степень организованности рыночной деятельности, совершенный механизм государственного контроля и регулирования рынка⁴⁰.

2.2. Основные задачи экономической реформы в 1992 г. были, как обычно, сформулированы в специальном документе, подготовленном Комитетом по реформе и утвержденном Госсоветом КНР⁴¹. Документ в связи с завершением периода оздоровления и упорядочения народного хозяйства нацеливал на последовательное углубление всех магистральных направлений реформы. Предполагалось прежде всего ускорить смену механизма хозяйствования на государственных предприятиях, добиваясь "тесного соединения" самостоятельности в хозяйствовании с ответственностью предприятий за прибыли и убытки. Особая роль отводилась совершенствованию подрядной системы хозяйствования на предприятиях. Постепенно главной формой должен стать не подряд по отчислению прибыли государству, а подряд на сохранение и приращение государственного имущества, находящегося в распоряжении предприятий.

Намечалось также ускорение реформы системы ценообразования, развитие трехступенчатой системы оптовых рынков зерна, формирование рынка свинины, сокращение доли продукции, выпускаемой в рамках директивного плана (в том числе для крупных и средних предприятий), расширение сферы страхования по безработице.

Что касается экспериментов с акционированием предприятий и открытой эмиссией акций для реализации среди населения, то их предполагалось проводить "планомерно, поэтапно, на базе обобщения опыта и усиления управления".

Однако инициированная Дэн Сяопином политика резкого ускорения реформ внесла заметные коррективы в реальный ход преобразований по сравнению с предварительными наметками. Намного больший, чем предполагалось в начале года, размах приобрели акционирование и торговля акциями на биржах в Шанхае и Шэньчжэне, более интенсивным оказался процесс свертывания директивного планирования. И, напротив, практически не были реализованы установки на "поиски конкретных путей и методов органического сочетания планового хозяйства и рыночного регулирования", на приоритетный характер задач "защиты и укрепления экономики общественной собственности, совершенствования деятельности крупных и средних предприятий общенародной собственности".

Вместе с тем по целому ряду важных направлений ход реформы оказался близким к намеченному. Это касается, в частности, введения так называемого двойного бюджета - строго сбалансированного "основного" и бюджета "на строительство", дефицит которого покрывается облигациями госзайма, преобразований в системе управления внешней торговлей, расширения числа работающих по контракту (с 15,3 млн.чел. в 1991 г. до 25 млн.чел. к концу 1992 г.), активизации краткосрочного межбанковского кредита и т.д.

2.3. Призывы Дэн Сяопина к новому раскрепощению сознания и дальнейшему освобождению производительных сил от идеологических пут способствовали значительной подвижке во взглядах на "ведущее место

экономики общественной собственности" в Китае, на проблему соотношения различных хозяйственных укладов в целом. Пожалуй, впервые за годы реформ было столь четко и ясно сказано о позитивной роли негосударственных секторов экономики, которые взяли на себя издержки реформ, создали рыночную среду, необходимую для более эффективной работы государственного сектора, помогли людям лучше адаптироваться к новой экономической системе. Отметим также, что появление огромного числа субъектов рынка в виде индивидуальных и коллективных предприятий позволило разграничить во времени процессы создания рынка и "разгосударствления" государственных предприятий, сделать реформу механизма хозяйствования на госпредприятиях более плавной и менее болезненной, чем, например, в России.

Фактическим признанием многоукладного характера экономики Китая явилось решение о введении в стране нового деления экономических укладов. Отныне в КНР будут выделяться девять укладов: экономика государственной собственности, коллективная, индивидуальная, частная (в том числе товарищества и компании с ограниченной ответственностью), экономика совместного хозяйствования (в понятие "новые экономические субъекты", созданные за счет совместных инвестиций предприятий различных форм собственности, включаются только объединения, имеющие статус юридического лица), паевая экономика (с обязательной регистрацией в качестве паевых компаний), экономика, основанная на иностранных инвестициях, экономика, основанная на инвестициях из Тайваня, Гонконга, Макао, и, наконец, экономика других типов, включающая не поддающиеся четкой классификации уклады⁴².

Видимо, в Китае если и не смирились окончательно, то более спокойно стали относиться к тенденции опережающего развития негосударственных секторов экономики. Во всяком случае, Государственный информационный центр прогнозирует сокращение к 2000 году доли госсектора в промышленной продукции до 27,2% при росте доли коллективного сектора до 47,7, индивидуального - до 13,4 и частного - до 11,7%⁴³. К концу 1992 г. в стране функционировало 139 частных предприятий с 2,3 млн. занятых. Их уставный капитал вырос за год почти на 80% и превысил 22 млрд. юаней, а валовая продукция достигла 113 млрд. юаней. Число индивидуальных предприятий достигло 15,3 млн. с примерно 23 млн. занятых и уставным капиталом в 54,3 млрд. юаней (на конец сентября 1992 г.)⁴⁴. В целом негосударственные уклады ныне дают 60% розничного товарооборота, 47% промышленной продукции и около половины валового общественного производства.

¹ В китайской печати в 1992 г. было опубликовано немало материалов, призванных доказать, что

- идея ускорения темпов роста экономики КНР в 90-е годы продиктована прежде всего объективными обстоятельствами, а не сугубо субъективными желаниями лидеров и народа Китая, жаждущих скорейшего включения своей страны в число ведущих экономических держав мира. Как правило, приводятся такие аргументы в пользу увеличения темпов роста, как, во-первых, ускорение развития большинства соседствующих с Китаем стран Восточной Азии, представляющее собой и моральный вызов КНР, и благоприятный шанс для оживления собственной экономики, во-вторых, накопленный Китаем с конца 70-х годов опыт реформ и политики открытости, в-третьих, стимулирующий рост производства огромный потенциал внутреннего китайского рынка в период повышения благосостояния населения от уровня "тепла и сытости" до уровня "скромного достатка", то есть именно в 90-е годы. - См., например: Цюньи. Пекин, 1992, N 24, с. 7-11; Цзинцзи цанькаобао. Пекин, 03.01.1993.
- ² КНР, активно использованная в своей статистике последних лет показатели валового национального продукта, впервые официально обратилась к показателю валового внутреннего продукта в сообщении ГСУ об итогах развития народного хозяйства страны в 1992 г. До настоящего времени разница между ВНП и ВВП в КНР была крайне незначительна: в 1990 и 1991 годах ВНП превышал ВВП всего на 1,4 млрд.юаней, при этом в 1991 г. ВВП составил 99,93% ВНП (в 1990 г. ВВП был равен 1789,33 млрд.юаней и ВНП - 1790,73 млрд.юаней; в 1991 г., соответственно, 1974,47 и 1975,87 млрд.юаней - Чжунго тунцзи чжайяо 1992, Пекин, 1992, с. 6). Подсчет ВНП в 1992 г. оказался, вероятно, технически более сложен в связи с удвоением числа предприятий с иностранным капиталом на территории КНР. Нельзя исключать, что с 1992 г., опять же в связи с резким ростом объема прямых иностранных инвестиций на территории КНР, ВВП страны начнет несколько превышать ее ВНП. Но в любом случае они еще на ряд лет останутся весьма близкими по абсолютным значениям.
- ³ Жэньминь жибао, 19.02.1993.
- ⁴ Синьхуа мэйжи дяньсюнь, 30.01.1993.
- ⁵ Жэньминь жибао, 19.02.1993.
- ⁶ Цзинцзи жибао, 18.01.1993.
- ⁷ Цзинцзи жибао, 09.01.1993; Бэйцзин ревью, 1993, N 1, с. 5.
- ⁸ Ляован, 1992, N 51, с. 8; Цзинцзи жибао, 17.01.1993.
- ⁹ Дунсян. Гонконг, 1992, N 11, с. 16-17; Чжунго тунцзи няньцзянь 1991. Пекин, 1991, с. 642. Восьмой пятилетний план предусматривал 12-процентный среднегодовой прирост объема кредитов.
- ¹⁰ Цзинцзи жибао, 17.01.1993. Оценка денежной эмиссии в журнале "Гайгэ" (Реформа) - 74,7 млрд.юаней - представляется заниженной (см.: Гайгэ, 1993, N 1, с. 94).
- ¹¹ Цзинцзи жибао, 30.01.1993.
- ¹² Жэньминь жибао, 06. и 19.02.1993.
- ¹³ Цзинцзи жибао, 09.01.1993; Жэньминь жибао, 06.02.1993.
- ¹⁴ Жэньминь жибао, 02.09.1992.
- ¹⁵ Цзинцзи жибао, 10.12.1992, 21.01.1993; Жэньминь жибао, 10.12.1992.
- ¹⁶ Гуанмин жибао, 10.12.1992; Цзинцзи жибао, 03.01.1992.
- ¹⁷ Цзинцзи жибао, 05.02., 11.01.1993.
- ¹⁸ Передовая статья Жэньминь жибао от 09.12.1992.

- 19 Жэньминь жибао, 30.12.1992; Агентство Синьхуа, 15.01.1993.
- 20 Бэйцзин ревью, 1993, N 6, с. 6.
- 21 Цзинцзи жибао, 21.01.1993.
- 22 Цзинцзи жибао, 06.01.1993.
- 23 Жэньминь жибао, 19.02.1993; Цзинцзи жибао, 29.02.1992.
- 24 Гуанмин жибао, 20.01.1993.
- 25 См.: Цзинцзи жибао, 01 и 13.01.1992, Жэньминь жибао, 13.02.1992, Бэйцзин жибао, 20.12.1992.
- 26 Цзинцзи жибао, 01.01.1992.
- 27 Жэньминь жибао, 20.12.1992; Бэйцзин ревью, 1993, N 3-4, с. 1.
- 28 Цзинцзи жибао, 09.01., 08.02.1993.
- 29 Баокань воньчжай, 11.02.1993, Гуанмин жибао, 02.02.1993.
- 30 Дунсян, Гонконг, 1992, N 11, с. 16-17; Цзинцзи жибао, 09.01.1993.
- 31 Агентство Синьхуа, 23.01.1993, Цзинцзи жибао, 30.01.1993.
- 32 Статья обозревателя газеты Жэньминь жибао "Содействовать и быстрому, и качественному развитию экономики". - Жэньминь жибао, 29.01.1993.
- 33 См.: Гайгэ, 1993, N 1, с. 94; Лю Гогуан (гл.ред.). Китай в 1993 году: анализ и прогноз экономической ситуации (Синяя книга по экономике). Пекин, издательство АОН Китая, 1992 - на кит.яз.
- 34 Цзинцзи жибао, 11.01.1993.
- 35 Китай в 1993 году..., с. 98.
- 36 Жэньминь жибао, 29.01.1993; Цзинцзи цанькао бао, 01.02.1993, Цзинцзи жибао, 12.01.1993.
- 37 Цзинцзи жибао, 01.02.1993.
- 38 Жэньминь жибао, 29.01.1993. Обращает на себя внимание возврат к терминам "поступательное и скоординированное" применительно к развитию народного хозяйства, широко использовавшимся в 1991 - начале 1992 гг. (в связке с еще одним определением - "стабильное"), но совсем было исчезнувших из политического лексикона после решения об ускорении темпов роста.
- 39 Синьхуа мэйжи дяньсюнь, 30.01.1993.
- 40 См.: Гайгэ, 1992, N 6, с. 23-25.
- 41 Жэньминь жибао, 29.12.1992.
- 42 Жэньминь жибао, 29.03.1992.
- 43 Жэньминь жибао, 19.12.1992.
- 44 Цзинцзи жибао, 14.01.1993.

СОЗДАНИЕ НОВОЙ СИСТЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Цзо Чанцин

1. Почему в нашей стране необходимо создать новую систему социалистической рыночной экономики.

1) Создание системы социалистической рыночной экономики - требование развития общественного производства.

Единая высокоцентрализованная плановая экономическая система, которая ранее существовала в нашей стране, сложилась в 50-е годы в период осуществления первого пятилетнего плана. На определенном этапе эта система сыграла важную роль. Однако по мере развития экономики, углубления общественного разделения труда эта система, управляемая с помощью административных методов, перестала соответствовать требованиям развития производительных сил и общественного производства, возникла необходимость ее реформирования. Главные проявления прежней экономической системы состояли в следующем. Государство разрабатывало директивный план, который чрезмерно регламентировал деятельность предприятий, административные и хозяйственные функции не были разграничены, у предприятий отсутствовала самостоятельность. Отрицалась роль товарного производства, закона стоимости и рыночного механизма. Подавлялись активность, инициатива и творчество предприятий и широких масс рабочих и служащих, в результате чего предприятия не могли эффективно хозяйствовать, не были жизнеспособны. Перед нами стоит задача подъема производительных сил. Чтобы устранить препятствия, стоящие на пути их развития, необходима коренная реформа высокоцентрализованной плановой экономической системы. Создание системы социалистической рыночной экономики - это цель реформы и правильный путь ее осуществления.

2) Реформа, имеющая целью создание рыночной экономики, дает стимул экономическому развитию.

В результате 14 лет реформы рыночное регулирование стало занимать важное место в народном хозяйстве, а в некоторых сферах экономики уже стало реально играть ведущую роль. В настоящее время сельскохозяйственное производство, развитие которого направляется государственной политикой и

Цзо Чанцин, зам.директора Института управления и экономики Цзяньиньского университета (КНР).

планом, в основном регулируется рынком. В промышленности доля продукции, директивно планируемой государством, составляет в стоимости промышленной продукции около 10%. В розничной торговле уже около 90% цен регулируется рынком. В приморских районах, где получили развитие рыночные отношения, экономика развивается сравнительно высокими темпами. Там, где предприятия поворачиваются к рынку, экономика развивается эффективно.

Так, например, в г.Вэньчжоу провинции Чжэцзян сложился гибкий механизм, в котором рыночное регулирование играет ведущую роль, сформировалась экономическая ситуация, получившая название "небольшие товары, большие рынки". В городе имеется 454 товарных рынка, более 85% продукции и сырья находятся в сфере рыночного регулирования. Одновременно были созданы фондовые рынки, рынки ценных бумаг, рабочей силы, трудовых услуг, информации, техники и технологий, недвижимости, а также рынки других факторов производства. Рыночная экономика стала играть ведущую роль в народном хозяйстве Вэньчжоу, хозяйственный механизм, главное место в котором занимает рыночное регулирование, в значительной степени стимулировал развитие экономики Вэньчжоу. За 13 лет (1978-1991 гг.) стоимость валовой общественной продукции города увеличилась в 6,2 раза, финансовые доходы в 7,4 раза, среднедушевые доходы крестьян - в 9,2 раза; В настоящее время в городе имеется 27000 акционерных предприятий, производящих в год продукцию на сумму около 5 млрд.юаней, что составляет более 50% стоимости валовой продукции всех коллективных предприятий города; в деревне доля второй и третьей сферы возросла с 36,5% в 1978 до 72,14% в 1991 г.

Компания "Шуансин" в г. Циндао представляет собой классический пример развития предприятия по пути рыночной экономики. Предшественником компании был 9-й завод по производству каучука г.Циндао, подчинявшийся Министерству химической промышленности, который в течение 30 лет производил обувь для военных. Продукция завода не находила сбыта и затоваривалась, в 1983 г. завод оказался на грани банкротства. С 1984 г.: предприятие стало осваивать внутренний и внешний рынки, встало на путь развития рыночной экономики, что позволило предприятию укрепиться. Чтобы соответствовать требованиям развития рынка, предприятие стало заниматься не только производственной, но и хозяйственной деятельностью, отказалось от старых форм производства и занялось обновлением продукции, начало превращаться из замкнутого в открытое. Если раньше производимая предприятием продукция централизованно закупалась и сбывалась торговыми организациями, в настоящее время 100% производимой за год продукции - 4 млн. пар обуви - сбываются предприятием самостоятельно, из них 60% экспортируется, 100% продукции соответствует требованиям, предъявляемым к ее качеству. За 8 лет стоимость основных фондов компании "Шуансин" увеличилась с 10 млн. юаней до 200 млн. юаней, предприятие стало одним из "чемпионов" по 17

техническим показателям (стоимость произведенной продукции, доля освоения новой продукции и др.), используемых государством для оценки деятельности предприятий. Экономическая эффективность предприятия увеличивалась на 33% в год, компания стала крупнейшей по производству обуви в Китае и вошла в число наиболее крупных мировых производителей обуви.

3) Для повышения экономической эффективности и рационального размещения ресурсов также необходимо создание системы социалистической рыночной экономики.

Развитие народного хозяйства Китая долгое время характеризовалось низкой экономической эффективностью, медленным преобразованием отраслевой структуры, нерациональным размещением ресурсов. Эти проблемы на протяжении длительного времени не решались. В условиях традиционной плановой системы как в области макроэкономической политики, так и в микроэкономической деятельности просчеты при принятии решений приводили к нарушению порядка в экономике, колебаниям и бесхозяйственному использованию ресурсов. В условиях рыночной экономики решения принимаются самим предприятием, поэтому ошибки в принятии решений наносят ущерб только данному предприятию, а экономика страны продолжает нормально функционировать. При плановой экономике ошибки в принятии решений на макроуровне ведут к потерям, наносят ущерб всей экономической системе, в результате чего повсеместно возникает дефицит товаров. Поэтому, оценивая достоинства и недостатки плановой и рыночной экономики, мы можем сделать вывод о необходимости при макроконтроле со стороны государства преодолеть анархию и стихийность, создать социалистическую рыночную экономику. Кроме того, реформа в Китае, нацеленная на создание рыночной экономики, находится в русле развития мирового хозяйства. Для того чтобы Китай вышел на мировую арену, участвовал в международном разделении труда и конкуренции, необходимо соблюдать общие правила рыночной экономики и использовать общепринятые методы ведения хозяйства. Тенденции к интернационализации, концентрации и интеграции производства также требуют, чтобы экономическая система Китая соответствовала мировой рыночной экономике.

В целом социалистическая рыночная экономика является неизбежным результатом развития народного хозяйства КНР. Появление теории социалистической рыночной экономики было вызвано причинами как теоретического, так и практического характера.

В первую очередь, были переосмыслены теоретические представления классиков марксизма об экономической модели будущего общества, которые хотя и являлись результатом научного познания, однако материальные условия для их воплощения в жизнь не были подготовлены. Эти представления имели теоретические недостатки. Будущее общество, которое

хотели создать основоположники марксизма, предполагало, во-первых, одновременное вступление большинства развитых стран в коммунизм; во-вторых, единую общенародную собственность на средства производства в масштабах всего общества; в-третьих, уничтожение "трех больших различий" (между городом и деревней, между рабочим классом и крестьянством, между умственным и физическим трудом); в-четвертых, изобилие материального богатства в обществе. Однако практика социалистических стран была далека от этих проектов. Социалистические страны слепо копировали теорию Маркса, стремились перепрыгнуть через целый исторический этап развития, отрицали товарное производство и товарный обмен. Была создана высокоцентрализованная плановая экономика, экономическая деятельность сознательно регулировалась обществом. Такой проект был оторван от реальной действительности. Его осуществление на практике привело к снижению эффективности функционирования экономики. В результате пересмысления теоретических представлений началась разработка теории социалистической рыночной экономики.

Затем произошли изменения на практике. В ходе социалистического строительства в Китае стали слепо копировать опыт Советского Союза, в КНР была создана высокоцентрализованная плановая экономическая система. Однако в реальной хозяйственной жизни всеохватывающий план оказался нереализуемым, товарное производство и рынок продолжали существовать. Люди постепенно стали осознавать, что на начальной стадии социализма развитие товарного хозяйства является необходимым этапом исторического развития, через который нельзя перешагнуть, была выдвинута теория социалистического планового товарного хозяйства. Современная товарная экономика - это рыночная экономика. Поэтому на XIV съезде КПК была поставлена цель создания системы социалистической рыночной экономики.

2. Основные особенности социалистической товарной экономики.

Рыночная экономика - это способ социально-экономической деятельности. В условиях рыночной экономики размещение ресурсов осуществляется с помощью рыночного механизма. Рыночная экономика использует механизм конкуренции, под влиянием спроса и предложения цены изменяются вслед за изменением стоимости. Рынок регулирует общественное производство и потребление и тем самым пропорционально распределяет общественные ресурсы между различными отраслями.

Определение целевой модели является предпосылкой успешного осуществления экономической реформы. Однако в настоящее время эту проблему еще нельзя считать решенной. Поскольку практика социалистической рыночной экономики пока отсутствует, мы еще не можем дать четкого разъяснения основных особенностей социалистической рыночной

экономики. Мы можем, используя опыт развития товарной экономики в капиталистических странах, и опыт 14-летнего поиска в ходе реформы в КНР дать следующую характеристику основных особенностей социалистической рыночной экономики.

1) Распределение ресурсов при использовании рыночного механизма.

В социалистической рыночной экономике рынок играет определяющую роль в оптимальном размещении ресурсов. Предприятия, подвергаясь давлению со стороны конкуренции и стремясь к получению прибыли, учитывая изменения цен, определяют, что производить и в каких количествах. Таким образом происходит урегулирование отраслевой структуры и структуры производимой продукции, общественное производство все в большей степени удовлетворяет общественный спрос, общественные ресурсы все более рационально распределяются и используются, что способствует развитию производительных сил общества.

2) Самостоятельность хозяйствования предприятий.

Все предприятия должны иметь право самостоятельно производить продукцию и хозяйствовать, иметь собственные экономические интересы. Чтобы получить максимальную прибыль, предприятия должны хозяйствовать самостоятельно, нести ответственность за прибыли и убытки.

3) Четкое определение прав собственности.

Четкое определение прав собственности - это основа функционирования рынка. Должны быть уточнены не только права собственности в негосударственных секторах экономики, но и на государственных предприятиях. Необходимо разграничить права собственности на государственных предприятиях, четко определить ответственность за использование фондов, уяснить, как соотносятся доходы от использования фондов и риск. Таким образом можно значительно повысить эффективность размещения ресурсов, что представляется крайне важным для развития производительных сил. Кроме того, четкое определение прав собственности способствует превращению предприятий в самостоятельно хозяйствующие субъекты, созданию механизма конкуренции, объединения, банкротства и закрытия предприятий, повышению производительности труда и экономической эффективности.

4) Создание рынка факторов производства.

Обязательным условием функционирования социалистической рыночной экономики является создание рынка факторов производства.

Рыночный механизм должен регулировать движение факторов производства, их инвестирование, а также перемещение, рациональное размещение ресурсов. Поэтому необходимо иметь не только рынок потребительских товаров, но и рынки средств производства, труда, денежный рынок, рынок техники и технологий и др.

5) Косвенный макроэкономический контроль правительства.

В условиях социалистической рыночной экономики рынок является основным регулятором размещения ресурсов. главными методами вмешательства правительства в экономическую деятельность должны стать методы косвенного контроля. Правительству не следует прямо вмешиваться в деятельность предприятий, оно должно с помощью экономических рычагов, экономической политики, индикативных планов и прогнозов направлять и регулировать деятельность предприятий, придавать поведению предприятий нормативный характер. Используя косвенный макроэкономический контроль, правительство должно обеспечивать функционирование рыночной экономики.

6) Разработка законодательства, регламентирующего экономическую деятельность.

3. Основные направления реформы в 1993 году.

В 1993 г. в соответствии с поставленной целью создания системы социалистической рыночной экономики главными требованиями экономической реформы являются ускоренное проведение структурных изменений в хозяйстве, повышение экономической эффективности, ликвидация глубинных противоречий экономической системы, смена механизма хозяйствования предприятий и функций правительства, а также упорядочение прав собственности, реформа цен, развитие рынка и совершенствование макроэкономического контроля. На этих основных направлениях реформы необходимо добиться реального движения вперед. Темпы осуществления реформы необходимо ускорить, преобразования экономической системы должны быть комплексными.

1993 г. - первый год реализации поставленной цели создания системы социалистической рыночной экономики. Основные задачи реформы в 1993 г. - состоят в следующем.

1) Смена механизма хозяйствования государственных предприятий, их поворот к рынку.

а) Необходимо предоставить предприятиям полную хозяйственную самостоятельность, чтобы они стали работать на основе принципов

самоокупаемости и самохозяйствования, приобрели способность к самоограничению и саморазвитию, превратились в юридических лиц, субъектов рыночной конкуренции. Права, ответственность и интересы предприятий должны представлять собой единое целое, предприятия должны нести ответственность за сохранение стоимости государственного имущества и его увеличение.

б) Предприятия должны иметь права управления кадрами, найма рабочей силы, ее распределения внутри предприятия, создания различных органов на предприятии, а также должны обладать самостоятельностью в экспортно-импортной деятельности.

в) Предприятия должны быть активно включены в рыночную систему, должны гибко реагировать на рыночную конъюнктуру, оперативно изменять сортамент продукции, производить продукцию, пользующуюся спросом, в соответствии с потребностями рынка регулировать направления инвестиций и стратегию хозяйствования.

2) Проведение реформы организационной структуры предприятий и форм хозяйствования.

а) Необходимо продолжать совершенствование системы подрядной ответственности. Предприятия, у которых истекли сроки подряда, могут продолжать использовать эту систему, постепенно переходя от простых форм подряда, при которых предприятие обязано обеспечить отчисление установленного контрактом объема прибыли государству, к более сложным формам системы ответственности за имущество предприятий или подряду "затраты - выпуск". В то же время представляется возможным поручить предприятию или наделить предприятие правами управления государственным имуществом, в период осуществления контракта предприятие будет нести полную ответственность за государственное имущество.

б) Хорошей формой организации предприятий является акционерная форма, которая создается и развивается в условиях крупного обобщественного производства. Необходимо на основе упорядочения имущественных отношений планомерно проводить эксперимент по акционированию, в организованном порядке создавать акционерные компании с ограниченной ответственностью, в которых держателями акций являются юридические лица.

в) Необходимо ускорить урегулирование организационной структуры предприятий, поощрять их объединение и слияние на добровольной основе, создать блоки предприятий.

г) На мелких государственных промышленных предприятиях, в розничной торговле и на предприятиях общественного питания и сферы обслуживания можно использовать аренду, проводить открытые аукционы по

продаже и возмездной передаче имущества, превращая предприятия в коллективные или частные.

3) Создание и развитие единой открытой системы рынков.

а) Необходимо продолжать развивать различные рынки оптовой торговли, создавать многоярусную рыночную сеть, обратить особое внимание на формирование рынка средств производства, развивать систему долгосрочных контрактов и фьючерсных сделок.

б) Необходимо активно развивать и постоянно совершенствовать фондовые рынки, рынки техники и технологий, труда, недвижимости, а также другие рынки факторов производства.

в) Реформа цен является центральным звеном развития рынка и углубления реформы. Принимая во внимание способности государства, предприятий и отдельных лиц переносить последствия реформы цен, контролируя общий уровень цен, необходимо сочетать урегулирование и либерализацию цен, рассматривать в качестве главного направления реформы цен их либерализацию, поэтапно проводить в жизнь мероприятия реформы цен, создавать механизм ценообразования, в котором главное место занимает рыночное ценообразование, обеспечивать базовую роль рынка в размещении ресурсов.

4) Реформа денежно-финансовой и банковской системы.

а) Необходимо усилить роль центрального банка в осуществлении макроэкономического контроля. Центральный банк должен косвенно управлять специализированными банками и небанковскими организациями, занимающимися денежными операциями. Центральному банку больше не следует заниматься конкретными операциями по кредитованию, специализированные банки должны постепенно преобразовываться в конкурентоспособные коммерческие банки, необходимо создавать рынки заемных средств в рамках отдельных отраслей, валютные рынки, развивать рынок ценных бумаг, распространять эксперимент по выпуску акций в масштабах всей страны.

б) Необходимо постепенно урегулировать отношения между центром и местами, а также местами и предприятиями в сфере распределения доходов, проводить в жизнь систему "разделения налогов", осуществлять реформу налоговой системы, основное внимание в ходе которой должно быть уделено налогу на добавленную стоимость, активно применять систему "разделения прибыли и налогов, возвращения кредитов после уплаты налогов", постепенно прекращать поддержку убыточных предприятий.

5) Изменение функций правительства.

В условиях плановой экономической системы административные и хозяйственные функции не были разделены, право собственности не было отделено от права хозяйствования, предприятия являлись придатками правительственных органов, управление предприятиями было крайне жестким. Функции правительственных органов должны быть изменены в соответствии с потребностями развития социалистической рыночной экономики. Являясь собственником государственного имущества, управляющим, а также контролируя макроэкономическую деятельность, правительство должно сосредоточить усилия на выполнении следующих основных функций.

а) В качестве собственника государственного имущества правительство может создать эффективную научную систему управления государственным имуществом. В процессе инвестирования, хозяйствования и распределения доходов правительство должно отстаивать интересы государства, защищать государственное имущество, гарантировать сохранение и возрастание его стоимости. Правительство имеет право посылать представителей для участия в правлениях предприятий и комитетах управления, назначать и освобождать от должности управляющих предприятий, контролировать и проверять хозяйственную деятельность предприятий.

б) В качестве управляющего, а также контролирующего макроэкономическую деятельность правительство выполняет функции единого планирования, определяет стратегические цели экономического и социального развития, соблюдает закон стоимости, комплексно использует экономические рычаги, занимается прогнозированием экономического развития, контролирует макроэкономические показатели, упорядочивает экономическую структуру и размещение производительных сил.

в) Правительство разрабатывает соответствующее законодательство и экономическую политику. В определенном смысле социалистическая рыночная экономика - это "экономика закона". Правительство, используя различные законодательные нормы, способствует формированию и развитию рынка, совершенствует рыночное законодательство, улучшает общественный порядок, создает равные условия для конкуренции. С помощью экономических, юридических, а также необходимых административных методов правительство контролирует хозяйственную деятельность предприятий, включает ее в сферу экономической деятельности, контролируемой государством на макроуровне. Разрабатывая макроэкономическую политику (отраслевую, денежно-финансовую, налоговую, а также политику распределения доходов и др.), правительство направляет и координирует экономическое развитие в целом. Происходит отказ от распространенной в предшествующий период практики прямого управления, когда правительственные органы непосредственно занимались

распределением ресурсов, отвечали за капиталовложения, устанавливали показатели и определяли объекты строительства.

г) Правительство обеспечивает развитие экономики путем создания для предприятий благоприятной макроэкономической среды, их снабжения материальными ресурсами, а также создания благоприятной социальной среды. Правительство должно нести ответственность за создание базовых объектов, объектов общественного назначения, концентрировать необходимые трудовые, материальные и финансовые ресурсы, нести ответственность за выполнение общественных обязанностей, которые не входят в компетенцию других субъектов хозяйственной деятельности и отдельных лиц, вовремя предоставлять предприятиям необходимую информацию, чтобы они могли научно и эффективно организовывать производственно-хозяйственную деятельность.

д) Правительство должно контролировать и проверять экономическую деятельность. Во-первых, оно должно контролировать соблюдение предприятиями законов государства, не допускать нанесения ущерба государственным и общественным интересам в личных целях. Во-вторых, оно должно контролировать выполнение руководителями предприятий и управляющими обязанностей, связанных с осуществлением ими в соответствии с законом прав хозяйствования. В-третьих, правительство должно контролировать ситуацию на рынке, выступать в защиту равной конкуренции, чтобы обеспечить поступательное развитие рыночной экономики, поскольку в случае, если не будут соблюдаться единые правила и нормы, на рынке возникнет хаос.

Перевод с китайского языка О.Н.Борох

СЕВЕРНАЯ КОРЕЯ: ЭКОНОМИКА НА ПЕРЕПУТЬЕ

И. Богдан

Когда ноябрьским утром прошлого года в Пхеньяне вдруг задрожали здания и раздался нарастающий гул, многие подумали: все, это - конец. Вот она и пришла, война, которую так долго ждали. "К счастью, это было все лишь землетрясение", - со смехом вспоминал потом один пхеньянец.

Страна живет в постоянном напряжении, ощущая свою растущую изоляцию. Прежнего собрата по "пролетарскому интернационализму" бросают в беде старые испытанные союзники. Именно Советский Союз и

Богдан Иван Иванович, кандидат экономических наук.

Китай спасли режим Ким Ир Сена, а возможно, его самого от гибели в корейской войне 1950-1953 гг. Но теперь, сорок лет спустя, даже Пекин идет на установление дипломатических отношений с южнокорейскими "марионетками".

Что тут говорить о "предательском" поведении России, которая не чувствует себя связанной узами традиционной советско-северокорейской дружбы. Кажется, что действия Москвы демонстративно переходят за грань хорошего тона. В октябре 1992 г. отложил свой визит в Пхеньян - в самый канун намеченного срока - заместитель председателя правительства России В.Махарадзе. И это многозначительно совпало с отменой поездки на Север заместителя премьера Южной Кореи. Затем Махарадзе вновь отказался ехать в Пхеньян в конце ноября, как было вторично согласовано. Фоном для этого чуть ли ни оскорбительного для Пхеньяна решения служил визит Б.Ельцина в Сеул, где он обещал не оказывать больше "народной Корее" никакой военной помощи. Неудивительно поэтому, что во время поездки в начале этого года в Пхеньян заместителя министра иностранных дел России Г.Кунадзе довелось услышать упрски в том, что в своей северокорейской политике Москва следует указаниям Соединенных Штатов.

Пхеньянский режим, как и следовало ожидать, в этих условиях стремится максимально усилить свой военно-репрессивный аппарат. Армия всегда была на особом месте в северокорейском обществе. Но сейчас, кажется, она стала предметом особых забот Ким Ир Сена и Ким Чен Ира. Идет активная пропагандистская "накачка" военных. Привычным зрелищем на столичных улицах стали длинные колонны грузовиков, заполненных усердно машущими флажками с эмблемой Трудовой партии и расппевающими песни о "великом вожде" и "любимом руководителе" офицерами и солдатами: это означает, что проходит очередной слет военных - то командиров рот, то артиллеристов, то армейских политработников, то преподавателей военных учебных заведений. "Армия и народ едины", - гласят расклеенные в Пхеньяне плакаты, и это единство действительно существует, если понимать под ним милитаризацию всех сторон жизни северокорейского общества.

Как бы ни была сильна и предана режиму армия, сохраняется задача удерживать под своей властью также гражданское население. Тем более что в самые последние годы заметны признаки деформации прежнего исключительного законопослушания северокорейцев и даже размыва их "чучхейских" идеологических устоев. И потому резко усиливаются репрессии и пропагандистская "промывка мозгов", призванные предотвратить влияние извне на мировоззрение населения. Разумеется, лучше всего как можно сильнее запугать обывателя - и население созывают на публичные казни преступников, которым среди прочего инкриминируется "буржуазное разложение". Жители столицы предупреждены властями о том, что разбазаривание и "хищение" электричества и тепла в условиях острого

энергетического кризиса будут наказываться вплоть до выселения из Пхеньяна.

Северокорейский режим выглядит прочным и уверенно владеющим ситуацией в стране. Но что кроется за этим фасадом в сердцевине общества - его экономике? Вопрос резонный в свете того, что именно загнивание экономики и повлекло за собой - изнутри, а не извне - недавнее крушение могучей в военном отношении и идеологически правомерно-социалистической советской империи.

Зарубежные специалисты по Северной Корее сходятся в том, что экономика страны переживает кризис. Отсюда обычно делается вывод, что власть Ким Ир Сена ожидает близкий крах. Однако реальная действительность представляется намного более сложной.

Трудности в северокорейском хозяйстве действительно имеют место, и трудности немалые. В текущем году завершается срок действия нынешнего, III семилетнего плана развития народного хозяйства КНДР. Но уже сейчас ясно, что план безнадежно провален. Большинство из его так называемых десяти перспективных целей - намеченных заданий на ведущих направлениях хозяйственной деятельности - будут выполнены в лучшем случае не более чем на треть.

В самой КНДР пропагандистский аппарат замалчивает этот факт. Однако его косвенно подтверждают некоторые действия властей. В начале планового периода была развернута кампания за завершение семилетки к знаменательному рубежу - 80-летию Ким Ир Сена в апреле 1992 г., но в эти сроки о выполнении плана объявлено не было. Чем ближе к концу планового периода, тем глуше звучит в северокорейских средствах массовой информации сама тема семилетки. Примечательно и то, что по ходу ее выполнения у руководства страны возникла необходимость "запустить" дополнительные долгосрочные планы - по развитию науки и техники, легкой промышленности и др.

Конкретные статистические данные о ходе выполнения III семилетнего плана в КНДР, разумеется, не объявляют: в стране уже давно установлен режим строгой секретности на объективную экономическую информацию. Поэтому приходится ограничиваться нашими наблюдениями и оценками экономической ситуации. Здесь же обратим внимание читателей на тот факт, что при анализе реальной ситуации необходимо учитывать, что в самой концепции плана выполнение весьма высоких заданий предусматривалось не столько за счет повышения эффективности функционирующих производственных мощностей, сколько за счет их наращивания, развертывания капитального строительства.

Что касается работы действующих предприятий, то задания семилетнего плана по росту выпуска продукции оказались в значительной мере невыполненными. Наблюдения показывают, что имеющиеся производственные мощности функционируют в последние годы на 50-70%, т.е. недодают значительную часть намеченных объемов продукции.

Для судьбы плана еще более важно то, что не удается выполнить задания по строительству и вводу в эксплуатацию новых объектов. Менее чем за год до истечения срока семилетки остается неудовлетворительным положение с освоением 300 тыс. га солончаков, сооружением Сунчхонского видалонового комбината и Саривонского комбината калийных удобрений, где шесть лет назад намечалось "прежде всего сконцентрировать большие усилия" в области капитального строительства. Из примерно полусотни объектов, упоминавшихся при утверждении плана семилетки в качестве ключевых в программе предстоящего нового строительства и расширения мощностей, относительно достоверно известно о выполнении намеченных заданий не более чем по пятнадцати, а по тридцати предприятиям предусмотренные работы либо вообще не начинались, либо ведутся низкими темпами с неопределенными перспективами завершения. Наряду с такими внутренними причинами, как ошибки при планировании, неспособность властей мобилизовать население на напряженный труд, сказались также отвлечение средств на XIII Всемирный фестиваль молодежи и студентов в 1989 г., утрата жизненно важной материальной помощи из бывшего СССР и других соцстран в последние годы.

Электроэнергетика рассматривалась планом семилетки в качестве главного направления инвестиционных усилий государства. При этом предполагалось основной упор сделать на сооружение ГЭС. Однако уже в первые годы семилетки длительная засуха поставила под сомнение правильность этого замысла. Тем не менее это не обернулось в пользу сооружения тепловых электростанций, темпы сооружения которых также отстают от намеченных.

По имеющимся данным из предусмотренных заданиями плана энергетических объектов практически ни один не был сооружен и введен в строй в назначенные сроки. Хотя корейская печать сообщала, что якобы завершено сооружение крупнейшей в стране Тхэчхонской ГЭС, фактически действует только часть ее проектной мощности. Известно о том, что задерживается начало строительства заложенных в план Кымансанской ГЭС и Анчжуской ТЭС. С начала семилетки и до сих пор тянется сооружение Намганской, Восточно-Пхеньянской, Декабрьской, Хэчжуской электростанций. Практически рухнули корейские замыслы построить в годы семилетки "крупномасштабные атомные электростанции".

Одна из десяти главных перспективных целей плана, по выработке электроэнергии, состояла в производстве 100 млрд.кВт-ч. По оценке в 1992 г. было произведено только 28 млрд.кВт-ч.

В угольной промышленности намечалось сосредоточить усилия на расширении шахт в районах Анчжу, а также Сунчхона, Токчхона, Пукчхана, Кадона. Однако поступают сведения о том, что темпы работ на этих объектах значительно отстают. В 1992 г., например, в ведущем Анчжуском бассейне производство и расширение мощностей сильно пострадали от усилившегося притока грунтовых вод. Серьезно недоставало и крепежного леса.

Сказывается также постепенное ухудшение качества добываемого угля. Анализ показывает, что при задании на конец семилетки добычи 120 млн.т фактически произведено в 1992 г. около 42 млн.т, что означает падение угледобычи за год примерно на 20%.

В черной металлургии основные надежды в КНДР связывают с металлургическим объединением им.Ким Чака в г.Чхондин. Однако оно далеко не справляется с производством запланированных более чем 5 млн.т в год (выпускается примерно треть этого количества, поскольку недостает коксующегося угля и ограничены мощности по выпуску чугуна). Одновременно в дополнение к плану началось сооружение сталелитейного комбината мощностью 2 млн.т при объединении Чхоллима, который, по наблюдениям, не сможет войти в строй действующих до конца текущего года. Насколько известно, еще хуже обстоят дела с совершенствованием сортамента сталей: например, на том же металлургическом объединении им.Ким Чака выпуском холоднокатаного и оцинкованного стального листа поступают ради более простого горячекатаного. Расчетное производство составило в 1992 г. по чугуну - 2,86, прокату - 3,0 млн.т. Стали, по оценкам, выпущено 3,2 млн.т против планового задания в 10 млн.т на конец семилетки.

Развитие цветной металлургии сильно отстает от чрезмерно амбициозных установок семилетки. По всем данным, провалено задание по созданию крупного производства легких металлов, включающей мощности по выпуску 400 тыс.т алюминия и его сплавов на базе преимущественно отечественного сырья. Не удалось также необходимыми темпами поднять производство цветных металлов на ведущих предприятиях: сказывается нехватка рудного сырья, производство не обеспечивается электроэнергией и современным оборудованием. При задании в 1,7 млн.т, предусмотренных планом на последний год семилетки, ориентировочно произведено в 1992 г. не более 300 тыс.т.

Одной из десяти перспективных целей плана является рост выпуска продукции машиностроения в 2,5 раза. Насколько известно, на этом направлении хозяйственной деятельности наблюдается застой. За прошедшие с начала семилетки годы удалось создать только единичные производства, действительно воплощающие современные технологии и работающие в нормальном режиме. Основная часть объектов нового капитального строительства страдает на стадиях как сооружения, так и эксплуатации от нарушения кооперационных связей, плохого материально-технического снабжения. Выпускаемая продукция в своем большинстве значительно уступает по ассортименту и качеству товарам мирового рынка. По сравнению с показателями плана семилетки результаты 1992 г. свидетельствуют о падении производства металлорежущих станков почти на 1/4, тракторов - примерно на 10%, тогда как выпуск грузовых автомобилей возрос в лучшем случае всего лишь на 1/5 за несколько лет.

Определенные сдвиги наблюдаются в организации производства электронной продукции, впрочем, преимущественно упрощенной номенклатуры. Этому способствовало создание мощностей по выпуску интегральных схем, некоторых элементов автоматики и др. В то же время остался на бумаге замысел организовать широкое производство промышленных роботов, ряда других электронных изделий.

Сравнительно неплохо обстоят дела в промышленности строительных материалов. Уже в начале семилетки был введен в строй и активно работает крупный Санвонский цементный завод. Близок к началу выпуска больших объемов цемента Саривонский комбинат калийных удобрений, однако пуск этих мощностей произойдет скорее всего уже за пределами планового периода. Пока производство цемента остается гораздо ниже высотой плановой наметки: около 6,8 млн.т в 1992 г. против планового задания в 22 млн.т.

Одной из ключевых целей плана провозглашалось увеличение в 1,6 раза объема железнодорожных грузоперевозок. Значение этой задачи еще более возросло по ходу семилетки: она передвинулась в разряд приоритетных для последних лет. Хотя удалось проложить намеченную Северную магистраль, железные дороги КНДР по-прежнему обладают весьма низкой пропускной способностью.

Особо важное значение для всего северокорейского общества имеет целевая установка по производству зерна. Явно нереалистичным оказалось стремление выйти на уровень сбора 15 млн.т в год, из них не менее 7 млн.т риса. В 1992 г. производство зерновых, по нашей оценке, составило только 5 млн.т, из которых на рис приходится менее 3 млн.т. Причин несколько, в частности сорвано одно из центральных заданий плана по вводу в оборот 300 тыс.га новых пахотных угодий путем освоения морских мелководий (сейчас в лучшем случае осушено не более 50 тыс.га). Механизацию сельского хозяйства сдерживает нехватка не только аграрной техники, но и горючего. Имеются большие трудности с обеспечением села химическими удобрениями (в 1992 г. выпущено примерно 3 млн.т против 7,2 млн.т намеченных на последний год семилетки). Вяло идет "зеленая революция".

Далеки от намеченных планом целей фактические показатели по производству морепродуктов. Даже в прошлом году с его особенно благоприятными природными условиями удалось выйти на уровень не более 3 млн.т (годовое задание на конец семилетки составляет 11 млн.т).

Выпуск тканей сдерживается нехваткой сырья, причем не только импортного (хлопок и др.), но и отечественного: гораздо ниже намечаемого уровня находится выпуск искусственных волокон, и в особенности виналона на Сунчхонском комбинате, которому отводится решающая роль. При плановом задании к концу семилетки в 1500 млн.м, по оценке, выпущено в 1992 г. всего лишь 450 млн.м.

Относительно благополучной выглядит ситуация с жилищным строительством. Хотя вряд ли удастся реализовать плановую установку по полному решению жилищной проблемы, темпы строительства в Пхеньяне

достаточно высоки. Как и намечалось, построен крупнейший жилой комплекс - проспект Кванбок; близок к окончательному завершению еще один значительный массив - проспект Тхонил.

Анализ ситуации на этих и других основных направлениях плана не может не вызвать серьезных сомнений относительно возможности достижения и макроэкономических целей семилетки. Было запланировано увеличение объема выпуска промышленной продукции в 1,9 раза, или на 10% в среднем за год. Однако динамика индустриального производства в последние годы идет не вверх, а вниз - падение на 3% в 1990 г., на 5% в 1991 г. и оценочно на 10% в прошлом году. В сельском хозяйстве валовый объем продукции за семилетку предположительно может вырасти примерно на 5-10% (что ниже прироста населения), а не в запланированные 1,4 раза.

Большая и отсталая северокорейская экономика все же держится "на плаву". Действительно, КНДР не может похвастаться своими научно-техническими достижениями, материальным благополучием населения. Но в нынешней ситуации режим пользуется совсем другими критериями. Главное для Пхеньяна состоит в том, что даже в нынешнем плачевном состоянии экономика страны способна не только существовать, но и поддерживать жизнеспособность сложившегося политического строя.

В этой связи примечательны отношения между экономикой и армией. Северокорейское хозяйство в значительной мере нацелено на то, чтобы обслуживать интересы военных: на оборонный комплекс приходится значительная часть всего индустриального потенциала страны, и он находится в привилегированном положении с точки зрения снабжения техникой, материалами, кадрами. Военнослужащие в свою очередь активно привлекаются к участию в общественном производстве. Они работают главным образом на строительстве крупных народнохозяйственных объектов - автомобильных магистралей, дамб, заводов, а также на селе в ходе массовых трудовых кампаний по пересадке рисовой рассады, уборке урожая, землеустройству.

В современных условиях, когда Северная Корея уже утратила или утрачивает традиционно льготный режим сотрудничества с прежними союзниками, важным фактором становится преимущественно автаркический характер развития экономики страны. Отгороженность от внешнего мира, самоизоляция лишили КНДР значительной части того потенциала хозяйственного роста, который могло бы дать широкое и глубокое участие в мирохозяйственных связях. И все же, строя национальную экономику по принципу "опоры на собственные силы", на достижение "самостоятельности и независимости", режим создал действительно многоотраслевой и в значительной мере самообеспечивающийся хозяйственный комплекс - явление уникальное для страны сравнительно небольших масштабов. Этот комплекс малоэффективен, он выпускает в основном продукцию устарелого ассортимента и низкого качества, обладает слабой продуктивностью - но зато продолжает функционировать и в нынешних особо сложных условиях.

В Северной Корее нет собственной нефти, и практически полное прекращение ее поставок Москвой (из-за неплатежеспособности Пхеньяна) нанесло сильный удар по хозяйству КНДР. Казалось бы, уже одно только это вызовет полное расстройство механизма общественного производства. Возможно, такая опасность действительно грозила бы интенсивно работающей экономике - но только не северокорейской, в которой и без того простаивает значительная часть производственных мощностей. Дело по существу ограничилось полумерами. За пределами столицы теперь чаще встречаются грузовики, оснащенные газогенераторными установками с использованием древесного топлива. В корейской деревне сельхозмашины в самые последние годы заметно уступили место волам и даже людям: ручной труд военнослужащих и горожан на полях обходится государству дешевле, чем покупка за валюту иностранной нефти. Корейское начальство теперь вынуждено по воскресеньям оставлять в государственных гаражах "мерседесы" и "тойоты", и можно наблюдать, как по улицам Пхеньяна неуверенно катят на велосипедах солидные партийные работники.

И все же необходимость перемен в экономике все более назревает. Северокорейское хозяйство еще долго может топтаться на месте, но этого, к сожалению для Пхеньяна, не делает его главный соперник - Южная Корея, и экономическое отставание КНДР все более трансформируется в опасное для режима отставание военное. Руководство страны беспокоит и то, что население все же накапливает недовольство тяжелыми условиями труда и быта, утрачивает оптимизм и веру в социалистические идеалы.

В последнее время власти демонстрируют свою способность идти на известные экономические преобразования. Но эти конкретные шаги являются пока малообнадешивающими. Во-первых, перемены концентрируются практически исключительно в рамках внешнеэкономического комплекса, не затрагивая весь массив "внутреннего" хозяйства. Во-вторых, даже на внешнеэкономическом направлении принимаемые меры все же не носят радикального характера. Речь идет скорее о попытке приспособить буферную зону национальной экономики - внешнеэкономический комплекс к работе в рыночном международном окружении. При этом государство не намерено добровольно отказываться от строго централизованных рычагов управления экономикой.

Это подтверждается, в частности, содержанием принятых в октябре 1992 г. и январе текущего года новых законов, направленных на привлечение иностранных инвестиций в КНДР. Они изобилуют различными процедурными требованиями и нормативными ограничениями, которые дают большие возможности для произвола властей в отношении зарубежных инвесторов, не обеспечивают достаточных гарантий относительно свободы их предпринимательства, получения и вывоза прибылей. Принципиально новое в жизни страны - предприятия 100-процентной иностранной собственности, аренда иностранцами земли, снижение для них ставки налогообложения и др. - относится исключительно к первой в КНДР свободной экономической и

торговой зоне Раджин-Сонбон, которая занимает всего лишь полпроцента территории Северной Кореи.

Примечательно поведение Пхеньяна в подходах к идее международного проекта развития бассейна реки Туманган в глобальный транспортный и индустриальный узел. На многостороннем совещании под эгидой Программы развития ООН в октябре прошлого года в Пекине северокорейцы не стали открыто возражать против согласованных странами-участницами таких принципов потенциального сотрудничества, как аренда частей национальных территорий под этот проект и совместное международное управление созданием и эксплуатацией формируемого комплекса. Однако уже после окончания совещания Пхеньян стал дистанцироваться от принятых на этот счет решений, утверждая, что северокорейская делегация не имела соответствующих полномочий - она-де согласилась лишь принять предлагаемые принципы к рассмотрению. В целом КНДР последовательно проводит линию на то, что "проект Туманган" должен развиваться путем создания на каждой из примыкающих национальных территорий своего собственного автономного хозяйственного комплекса под суверенным управлением соответствующего государства - и приводит в качестве примера СЭТЗ Раджин-Сонбон.

Подобная ситуация служит, видимо, отражением борьбы мнений в северокорейском руководстве. При этом речь вряд ли идет об открытом столкновении с ретроградами решительных приверженцев рыночных реформ: даже если такие деятели и имеются на вершине власти, они просто боятся обнаружить себя. Скорее всего, под давлением объективной реальности понимание необходимости преобразований существующей экономической системы все же постепенно распространяется внутри правящих кругов. Однако конкретные решения и действия властей в этом направлении строятся с очевидным учетом ситуации в Китае и бывшем СССР.

Опыт Китая может иметь для Пхеньяна особую ценность ввиду подобия многих исходных условий. Важно и то, что Китай показал на своем примере, как удается совместить внедрение рыночных элементов с сохранением внутренней стабильности и исключительной роли партии в политической структуре общества. Нельзя не учитывать и традиционно сильной зависимости КНДР от великого западного соседа, которого она не раз уже копировала в прошлом.

Вместе с тем руководство страны, несомненно, держит в поле зрения и другой пример, на этот раз совсем иного рода - бывшего Советского Союза. В Пхеньяне явно напуганы последствиями политики перестройки - гибелью правящей коммунистической партии, внутривластными потрясениями, кризисом экономики. Здесь делают выводы и из того факта, что переход России на рыночные отношения не обеспечил решающей материальной помощи со стороны Запада.

В свете этого становится понятной позиция северокорейского режима. По многим признакам в Пхеньяне взяли курс на проведение преобразований

экономической системы - но преобразований эволюционных, поэтапных, половинчатых. Это может означать вариант реформирования хозяйства КНДР сверху - вариант потенциально менее болезненный, но в рамках существующей политической системы далеко не обязательно эффективный.

Возможность "запустить" реформы сверху выглядит в настоящее время достаточно реальной. Большинство зарубежных наблюдателей полагают, насколько можно судить, что до ухода с политической арены Ким Ир Сена ни о каких преобразованиях в Северной Корее не может быть и речи. Однако объективности ради следует признать, что с политической точки зрения для КНДР было бы лучше приступить к проведению реформ, пока у руля власти находится опытный и авторитетный Ким Ир Сен.

Критически важным могло бы стать то, как повлияют реформы на идеологию "чучхе", которой усердно вооружали многие годы все общество. Формальный отказ от идей "чучхе" пока недопустим - в части их как псевдосоциалистического, так и субъективистско-националистического содержания. Это явилось бы сильнейшим общественным потрясением и приблизило бы крах режима. Можно, однако, представить себе, что власти попытаются соответствующим образом "развить дальше" официальную идеологию. В этом случае ставка может быть сделана на то, чтобы совместить принципы преданности лично клану Кимов, полного подчинения государству, национальной исключительности с допущением и созданием условий для широкого использования материальных стимулов и даже для определенной свободы предпринимательства.

Разумеется, такие перемены могут и не пройти гладко, встречая сопротивление не только внизу, но и в верхних эшелонах власти. Однако в целом можно надеяться, что шаги по либерализации хозяйственной жизни будут приняты обществом. Население заждалось перемен к лучшему, а именно это обещали бы реформаторские усилия властей. Тем более, что в страну проникают преувеличенные сведения о процветании послемаоистского Китая, о блестящих достижениях рыночной экономики Южной Кореи. Что же касается открытого противодействия реформам, то его способен подавить репрессивный аппарат.

Корейскому руководству есть о чем задуматься, прежде чем решиться на реформы. Однако запас времени для слишком длительных размышлений у него теперь все же более ограничен, чем прежде. Предыдущее крупное преобразование в экономической системе - допущение совместного предпринимательства - состоялось в 1984 г., и потребовалось примерно семь лет, чтобы теперь этот процесс продолжили свободные экономические зоны и другие аналогичные шаги.

Остается ждать, на какие новые хозяйственные преобразования пойдет теперь Пхеньян - если пойдет вообще. В этой связи немало обозревателей обращают внимание на состоявшиеся в декабре прошлого года перемещения в высшем хозяйственном руководстве страны. На пост премьер-министра Адмсовета после пятилетнего перерыва вернулся Кан Сен Сан, новые лица возглавили

некоторые ключевые ведомства, включая Госплан и Внешнеэкономический комитет. И все же практически все эти деятели подобраны из прежней "обоймы" уже известных хозяйственных руководителей, которым трудно приписать серьезные рыночные устремления. Не исключено, что мы просто имеем дело с обычным для КНДР явлением - в период экономических затруднений попытаться решить проблемы путем перетряски кадров.

Главное заключается в том, затронут ли наконец радикальные реформы "внутреннюю" экономику. В противном случае стране невозможно рассчитывать на действительно решающий экономический успех: старая административно-командная система подавит действия новых рыночно-ориентированных элементов.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СТРАН СНГ ПО ПРЯМЫМ ИНОСТРАННЫМ ИНВЕСТИЦИЯМ И ВОЗМОЖНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СО СТРАНАМИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

В. Савин

В инвестиционном сотрудничестве со странами Дальнего Востока и Азиатско-Тихоокеанского региона могут участвовать и многие республики бывшего Союза, особенно если это связано с чистым инвестированием. Если же инвестирование сочетается с производственным сотрудничеством, приходится строго учитывать транспортный фактор. Определенным преимуществом здесь располагают отрасли и производства, связанные с выпуском дорогой и транспортабельной продукции. Перевозки массовых дешевых грузов ограничивают сферу сотрудничества.

В этом случае несомненный приоритет принадлежит восточным районам России. Дело в том, что транспортный фактор следует понимать здесь в расширительном смысле. Нельзя ограничиваться только величиной транспортной составляющей в конечной цене товара. Не менее важно принимать во внимание сроки и безопасность транспортировки, а также самую возможность перемещения грузов. Ныне транссибирская железнодорожная магистраль, особенно на отдельных ее участках, превзошла все мыслимые пределы грузонапряженности. Отсюда постоянные заторы, срывы графика движения поездов, низкая средняя скорость продвижения экспортно-импортных грузов, что существенно ограничивает возможность товарооборота западных районов бывшего СССР со странами Дальнего Востока и Азиатско-Тихоокеанского региона.

Международное инвестиционное сотрудничество должно способствовать экономии отечественных ресурсов капитальных вложений.

Экономия капитальных вложений в ходе осуществления внешнеэкономических связей может достигаться различными путями. С известной степенью условности представляется целесообразным выделить три направления: привлечение прямых инвестиций, использование косвенных ресурсов для инвестирования, использование неявного источника экономии одновременных затрат на разнице финансирования экспортного и антиимпортного производств.

Савин Владимир Андреевич, кандидат экономических наук, зав. сектором ВНИКИ МВЭС России.

Привлечение прямых инвестиций ныне осуществляется образованием уставных фондов совместных и иностранных предприятий. Под использованием косвенных ресурсов для инвестирования понимается привлечение иностранных кредитов в рамках различных форм международного экономического сотрудничества. Хотя при кредитовании инвестиционные ресурсы подлежат возврату, однако одновременность этих актов выгодна для принимающей стороны.

Третий вид экономии проявляется в скрытой форме и обычно не фиксируется, хотя по народнохозяйственному значению он намного превосходит (примерно на порядок) два других источника, вместе взятые. Этот вид экономии образуется в результате сопоставления фактических затрат капитальных вложений (основных производственных фондов) на производство экспортной продукции с возможными капитальными затратами на производство антиимпортной продукции. При этом под антиимпортной понимается продукция, которая могла бы быть произведена вместо импортной, с аналогичными качественными и техническими характеристиками.

Ниже излагаются некоторые вопросы инвестиционного сотрудничества путем привлечения ресурсов прямых капиталовложений. Эта область международного экономического сотрудничества стала предметом оживленных переговоров на всех уровнях, включая высший.

Международное сотрудничество стран СНГ в области прямых инвестиций регулируется соответствующими законами, указами президентов, постановлениями правительств. Определенная законодательная основа в этой области была заложена еще в бывшем СССР. Хотя ныне эти законы и нормативные акты юридически и фактически потеряли силу и не действуют в большей своей части, они не могли не оказать известного методологического влияния на соответствующее законодательство бывших союзных республик.

Среди этих актов следует прежде всего упомянуть "Основы законодательства об инвестиционной деятельности в СССР" от 6 марта 1990 г., "Основы законодательства об иностранных инвестициях" от 5 июля 1991 г., указ Президента СССР "Об иностранных инвестициях в СССР" от 20 октября 1990 г., ряд постановлений правительства, международные договоры об инвестиционном сотрудничестве, действие которых выходило за пределы временного существования СССР.

В большинстве бывших союзных республик приняты и действуют специальные законы по иностранным инвестициям. Первой из республик, по нашим сведениям, такой закон приняла Литва (29 декабря 1990 г.), затем Казахстан (17 января 1991 г.) и другие. Россия приняла закон об иностранных инвестициях 4 июля 1991 г. В ряде республик, например в Узбекистане, в ранее принятый закон были внесены (в июле 1992 г.) существенные изменения.

Некоторые важные положения, касающиеся инвестиционного сотрудничества, наряду со специальным законодательством, отражены также

в общих законах некоторых республик о внешнеэкономической деятельности, а также в законах о свободных экономических зонах, о концессионной и иной внешнеэкономической деятельности.

Хотя для законодательства бывших союзных республик характерно применение сходных подходов к сотрудничеству в области иностранных инвестиций, однако есть и заметные различия, отражающие разную степень готовности республик и их законодателей принять писанные и неписанные правила открытой экономики. Надо при этом учитывать также и стремление бывших союзных республик законодательно отразить свой суверенитет. С особой наглядностью это продемонстрировано, в частности, в законодательстве стран Балтии.

По нашему мнению, ни одна из бывших республик Союза ныне не имеет по настоящему и до конца либерального законодательства по иностранным инвестициям, которое бы в полной мере удовлетворяло потенциальных иностранных партнеров. Сравнительно либеральные положения чередуются с излишне жесткими регламентациями, что не может не настораживать иностранных инвесторов.

К этому надо также добавить, что политическая и общая экономическая обстановка в бывших союзных республиках сейчас такова, что не приходится пока говорить о благоприятном инвестиционном климате в целом. Риск инвестирования при неопределенности многих параметров сотрудничества сдерживает готовность к практическим действиям в области прямых инвестиций.

Тем не менее при тщательном анализе можно обнаружить, что законодательство одних стран с точки зрения потенциальных партнеров является более привлекательным, чем законодательство других. Это касается прежде всего основы такого рода законодательства, а именно: гарантий капиталовложений.

Рассмотрим особенности инвестиционного законодательства стран СНГ на примере преимущественно России, как наиболее вероятного и крупного партнера по инвестиционному сотрудничеству со странами Дальнего Востока и Азиатско-Тихоокеанского региона.

Законом об иностранных инвестициях определяются правовые и экономические основы осуществления иностранных инвестиций на территории России, он направлен на привлечение и эффективное использование в народном хозяйстве республики иностранных материальных и финансовых ресурсов, передовой зарубежной техники и технологий, управленческого опыта.

Иностранными инвесторами могут быть:

- иностранные юридические лица, правомочные осуществлять инвестиции в соответствии с законодательством страны своего местонахождения;

- иностранные граждане, лица без гражданства, граждане России, имеющие постоянное местожительство за границей, при условии, что они

зарегистрированы для ведения хозяйственной деятельности в стране их гражданства или постоянного местожительства;

- иностранные государства;
- международные организации.

В законодательстве других республик бывшего СССР даются несколько иные определения субъектов иностранных инвестиций, однако это объясняется, по нашему мнению, не наличием какого-то умысла, а спецификой юридической подготовки законодателей.

Под иностранными инвестициями понимаются все виды имущественных и интеллектуальных ценностей, вкладываемые иностранными инвесторами в объекты предпринимательской и других видов деятельности в целях получения прибыли (дохода). Заметим, что в законодательстве некоторых республик, например Азербайджана, цель иностранных инвестиций трактуется уже: прибыль. В других республиках, например в Беларуси, иностранные инвестиции имеют целью получение "прибыли (дохода) или достижения социального эффекта" Ст. 1 Закона об иностранных инвестициях). Иначе говоря, цель здесь понимается расширительно. Такая же норма содержится и в украинском законе.

Иностранные инвесторы имеют право осуществлять инвестирование на территории России путем:

- долевого участия в предприятиях;
- создания предприятий, полностью принадлежащих иностранным инвесторам;
- приобретения предприятий, имущественных комплексов, зданий, сооружений, долей участия в предприятиях, паях, акций, облигаций и других ценных бумаг, а также иного имущества, которое в соответствии с действующим законодательством может принадлежать иностранным инвесторам;
- приобретения прав пользования землей и иными природными ресурсами*;
- приобретения иных имущественных прав.

В ряде бывших республик, например в Прибалтике, участие иностранных инвесторов в добыче полезных ископаемых не допускается. В некоторых республиках законодательно очерчены территориальные ограничения для иностранных инвестиций (например в Азербайджане, на Украине).

Иностранные инвестиции на территории России пользуются полной и безусловной правовой защитой. Правовой режим иностранных инвестиций не может быть менее благоприятным, чем режим для юридических лиц и граждан России. Иначе говоря, иностранным инвесторам в России

* В украинском инвестиционном законе иностранным инвесторам предоставляется право на разведку, разработку, добычу или эксплуатацию природных ресурсов (Ст. 3 соответствующего закона).

предоставляется национальный режим. Заметим, что в мировой практике это наиболее распространенная форма инвестиционного сотрудничества (более чем в 90% случаев).

Иностранные инвестиции в России не подлежат национализации и не могут быть подвергнуты реквизиции или конфискации, кроме исключительных, предусмотренных законодательными актами случаев, когда эти меры принимаются в общественных интересах. В случаях национализации или реквизиции иностранному инвестору выплачивается быстрая (или незамедлительная), адекватная и эффективная компенсация. Заметим попутно, что далеко не во всех законодательных актах по иностранным инвестициям других республик содержится указание на применение трех вышеназванных аспектов компенсации, что снижает уверенность иностранных инвесторов при решении вопроса о сотрудничестве.

Иностранные инвесторы имеют право на возмещение убытков, включая упущенную выгоду, причиненных в результате выполнения указаний государственных органов РФ либо их должностных лиц, противоречащих действующему на территории России законодательству.

Компенсация, выплачиваемая иностранному инвестору, "должна соответствовать реальной стоимости национализируемых и реквизируемых инвестиций непосредственно до момента, когда официально стало известно о фактическом осуществлении либо о предстоящей национализации или реквизиции" (см. ст. 8 Закона).

На наш взгляд, в украинском законодательстве содержатся более удовлетворительные нормы компенсации. Так, в ст. 11 соответствующего Закона Украины компенсации подлежит не только материальный, но и моральный ущерб. При этом расходы и убытки иностранных инвесторов должны быть возмещены "на основе текущих рыночных цен и (или) обоснованных оценок, подтвержденных независимыми аудиторами".

Разрешение хозяйственных споров осуществляется обычным порядком через суды, третейские суды. В отличие от некоторых других стран в России предусматривается возможность обращения в международные арбитражные органы. В прежние времена такая практика разрешения хозяйственных споров не допускалась по идеологическим соображениям.

К категории весьма важных гарантий относится и возможность беспрепятственного перевода за границу иностранными инвесторами своих доходов в иностранной валюте, а также использования платежей в рублях на территории России. К сожалению, в инвестиционном законодательстве России отсутствует гарантия от изменения законодательства, которая в разной интерпретации присутствует в законодательствах Украины, Беларуси, Узбекистана, Азербайджана. Приведем соответствующий текст статьи 9 украинского Закона: "В том случае, когда последующее специальное законодательство Украины об иностранных инвестициях изменяет условия защиты иностранных инвестиций, указанные в настоящем Законе, к иностранным инвестициям в течение десяти лет по требованию иностранного

инвестора применяется специальное законодательство, действовавшее на момент регистрации инвестиций." Азербайджан: "В случае, если последующее законодательство Азербайджанской Республики ухудшает условия инвестирования, то к иностранным инвестициям в течение десяти лет применяется законодательство, действовавшее на момент осуществления инвестиций.

Это законодательство не распространяется на изменение законодательства Азербайджанской Республики, касающегося обеспечения обороны, национальной безопасности и общественного порядка, охраны окружающей среды, налогообложения, кредитов и финансов, нравственности и здоровья населения." (ст. 10 Закона Азербайджана).

Узбекистан: "В случае, если последующее законодательство Республики Узбекистан ухудшает условия инвестирования, то к иностранным инвесторам в течение не более десяти лет применяется законодательство, действовавшее на момент осуществления инвестиций." (ст. 9 Закона Узбекистана)*.

В российском законе об иностранных инвестициях имеется специальная статья, посвященная участию иностранных инвесторов в приватизации. В ней, в частности, говорится, что иностранные инвесторы могут участвовать в приватизации государственных и муниципальных предприятий, а также объектов незавершенного капитального строительства на территории России. Условия их участия в конкурсах и аукционах по приватизации государственных и муниципальных предприятий, определяются действующим на территории России законодательством.

При этом оплата стоимости приобретенных предприятий или долей участия (паев, акций) производится в рублях. На цели приватизации иностранные инвесторы могут использовать имеющиеся на их расчетных счетах средства в валюте России, полученные в качестве дохода из источников на территории России**.

Иностранный инвестор не вправе использовать для целей приватизации рубли, купленные "по курсу ниже курса, применяемого Госбанком СССР во внешнеэкономических операциях". Иностранные инвесторы могут "обменивать имеющиеся у них средства в иностранной валюте на валюту СССР по курсу, применяемому Госбанком СССР во

* До внесения поправок в закон в июле 1992 г. после процитированных слов говорилось следующее: "Это положение не распространяется на изменение законодательства Узбекской ССР, касающееся обеспечения национальной безопасности и общественного порядка; налогообложения; охраны окружающей среды, нравственности и здоровья населения". Совершенно ясно, что снятие этого ограничения существенно повышает привлекательность для иностранных инвесторов всего закона.

** В ныне существующем варианте закона в качестве возможных источников рублевых доходов значатся и территории бывших союзных республик.

внешнеэкономических операциях^{**} и размещать их на специальных счетах в Центральном банке России и других уполномоченных на то банках. Средства с вышеуказанных счетов могут расходоваться исключительно для целей приватизации. Иностранные инвесторы имеют право реконвертировать неизрасходованный остаток с указанных счетов в иностранную валюту.

Закон об иностранных инвестициях России содержит еще целый ряд принципиальных положений. Так, предоставление иностранным инвесторам и предприятиям с иностранными инвестициями прав пользования землей, включая ее аренду, и иными природными ресурсами регулируется Земельным кодексом России и другими законодательными актами, действующими на территории Российской Федерации.

Сдача имущества в аренду иностранным инвесторам и предприятиям с иностранными инвестициями осуществляется арендодателями на основании договоров аренды в соответствии с действующим на территории Российской Федерации законодательством. Сдача в аренду имущества, находящегося в федеральной собственности России, стоимостью свыше 100 миллионов рублей, осуществляется с разрешения государственного органа, уполномоченного управлять этим имуществом.

Предоставление иностранным инвесторам прав на разработку и освоение возобновляемых и невозобновляемых природных ресурсов и проведение хозяйственной деятельности, связанной с использованием объектов, находящихся в государственной собственности, но не переданных предприятиям, учреждениям, организациям в полное хозяйственное ведение или оперативное управление, осуществляется на основании концессионных договоров, заключаемых с иностранными инвесторами Советом Министров РФ или иным уполномоченным на то государственным органом в порядке, установленном законодательством России о концессиях^{**}.

Срок действия концессионного договора определяется в зависимости от характера и условий концессии, но не может быть согласно статье 40 Закона более 50 лет.

Одностороннее изменение условий концессионного договора не допускается, если иное не оговорено в договоре.

Концессионные договоры могут содержать изъятия из действующего на территории России законодательства. В этом случае они подлежат утверждению Верховным Советом РФ.

Хотя в отличие от ряда бывших республик Союза (Украина, Казахстан) в России пока еще нет специального закона о свободных экономических зонах, некоторые законодательные нормы на этот счет

* Именно так гласит эта норма в ныне действующем варианте закона России об иностранных инвестициях (см. ст. 37).

** На апрель 1993 г. закон о концессиях еще не был принят Верховным Советом РФ, хотя был обсужден в первом чтении.

имеются в законе об иностранных инвестициях. Им посвящена глава 7 Закона.

В этой главе, в частности, сказано, что в целях привлечения иностранного капитала, передовой зарубежной техники, технологий и управленческого опыта, развития экспортного потенциала России на ее территории создаются свободные экономические зоны*. В свободных экономических зонах устанавливается льготный, по сравнению с общим, режим хозяйственной деятельности для иностранных инвесторов и предприятий с иностранными инвестициями.

Иностранным инвесторам и предприятиям с иностранными инвестициями, согласно статьи 42 рассматриваемого Закона, помимо прав и гарантий, предусмотренных действующим на территории России законодательством, в свободных экономических зонах могут предоставляться следующие дополнительные льготы:

- упрощенный порядок регистрации предприятий с иностранными инвестициями; предприятия с объемом иностранных инвестиций до 75 миллионов рублей подлежат регистрации в уполномоченных на то органах непосредственно в свободной экономической зоне**;

- льготный налоговый режим; иностранные инвесторы и предприятия с иностранными инвестициями облагаются налогами по пониженным ставкам, включая налог на переводимую за границу прибыль. При этом ставки налогов не могут составлять менее 50 процентов действующих на территории России налоговых ставок для иностранных инвесторов и предприятий с иностранными инвестициями;

- пониженные ставки платы за пользование землей и иными природными ресурсами; предоставление прав на долгосрочную аренду сроком до 70 лет с правом субаренды;

- особый таможенный режим, включающий пониженные таможенные пошлины на ввоз и вывоз товаров, упрощенный порядок пересечения границы;

- упрощенный порядок въезда и выезда иностранных граждан, в том числе и безвизовый.

Виды и размеры льгот на территории свободных экономических зон устанавливаются Советом Министров Российской Федерации и утверждаются Верховным Советом Республики.

В настоящее время в Верховном Совете Российской Федерации проводится работа по совершенствованию закона об иностранных инвестициях; хотелось бы надеяться, что этот закон не только вберет в себя все то новое, что диктуется изменившимися обстоятельствами, но и будет

*Заметим, что на территории Украины для свободных экономических зон принято несколько иное официальное название, а именно: "специальные (свободные) экономические зоны".

**Без каких-либо дополнительных объяснений ясно, что это положение рассматриваемого Закона к настоящему времени слишком устарело.

более либеральным, более привлекательным для потенциальных партнеров по сотрудничеству.

В связи с этим необходимо заметить, что, по нашему мнению, многие россияне склонны переоценивать свой рынок для потенциальных иностранных инвесторов. Хорошо зная нашу историю после Октября 1917 года, многие иностранцы вполне резонно рассчитывают на более надежные гарантии.

Совершенно ясно и то, что западные капиталы потекут в Россию только в том случае, если рентабельность иностранных капиталовложений в нашей стране будет существенно выше, чем в каком-либо другом месте. На альтруизм рассчитывать не приходится, хотя, конечно, нельзя сбрасывать со счета стремление Запада, исходя из своих собственных долговременных интересов, поддержать экономические преобразования в России, движение нашей страны к свободным рыночным отношениям.

На этом пути России и другим странам СНГ придется преодолевать определенные противоречия не только общего, но и регионального характера. Дело в том, что при наличии правовых основ для сотрудничества в области иностранных инвестиций практически на всей территории СНГ инвестиционно-производственная деятельность иностранных инвесторов из стран Дальнего Востока и Азиатско-Тихоокеанского региона объективно тяготеет, по транспортным причинам, к районам российского Дальнего Востока, а также к восточному Казахстану. Об этом говорилось уже в начале данной статьи. Но все дело в том, что именно восточные районы бывшего СССР представляют собой районы с наиболее низкой эффективностью капитальных затрат.

Поэтому, не отрицая возможности обоюдовыгодного инвестиционного сотрудничества на Востоке России и Казахстана, связанного с производственной деятельностью и массовыми перевозками, считали бы необходимым подчеркнуть перспективность использования капиталовложений стран Дальнего Востока и Азиатско-Тихоокеанского региона на всей территории стран СНГ, прежде всего к западу от Урала, в чисто инвестиционных проектах, без обязательных последующих перемещений грузов на Восток.

БОРЬБА В ВКП(б) И КОМИНТЕРНЕ ПО ВОПРОСАМ ПОЛИТИКИ В КИТАЕ (1926-1927 ГГ.)

А. Григорьев

Тема, вынесенная в заголовок статьи, до сих пор - одно из "белых пятен" в отечественных исследованиях истории ВКП(б) и Коминтерна. Хотя некоторые эпизоды борьбы в руководстве ВКП(б) и Коминтерна в годы революции 1925-1927 гг. в Китае по вопросам "китайской политики" освещались в общих и специальных работах по истории КПСС, Коминтерна, истории КПК и китайской революции, но в силу идейно-политических ограничений и невозможности использования необходимых документов и материалов, многие существенные аспекты этой темы остаются до сих пор не раскрытыми. А между тем "китайская тема", особенно с весны 1927 г., во многом определяла платформу и тактику "объединенной оппозиции", содержание заключительного этапа борьбы с ней в ВКП(б) и Коминтерне. Выступления ее лидеров, их заявления, направлявшиеся в руководящие органы ВКП(б) и Коминтерна, в органы печати (хотя ни одно из них в то время не было опубликовано), оказывали определенное влияние - и прямое, и косвенное, - на позиции лидеров большинства и соответственно на политику ВКП(б) и Коминтерна в Китае. В итоге борьба по этим вопросам в ВКП(б) и Коминтерне оказала серьезное негативное влияние на КПК, усилила дезориентацию ее руководства в критический период революции 1925-1927 гг. и последующий период поисков выхода из кризиса после тяжелого поражения летом 1927 г.

Ведущими фигурами в этой полемике со стороны "большинства" в руководстве ВКП(б) были его лидеры И. Сталин и Н. Бухарин - "главные конструкторы" китайской политики тех лет ВКП(б) и Коминтерна, выступавшие практически по всем основным вопросам политики в Китае с общих позиций. Главными идеологами оппозиции были ее лидеры Л. Троцкий, Г. Зиновьев и К. Радек, во взглядах которых имелись существенные различия. Но в результате "табу" на использование архивных или опубликованных ранее в нашей стране и за рубежом работ других ведущих участников полемики в нашей литературе до сих пор не представлены с достаточной полнотой позиции и лидеров большинства, и лидеров оппозиции. Даже в специальных работах по Китаю анализ

Григорьев Александр Миронович, доктор исторических наук, руководитель Центра исторических и политических исследований Китая ИДВ РАН.

содержания полемики ограничивался освещением расхождений, связанных с требованиями оппозиции выхода КПК из Гоминьдана (ГМД) и создания советов, что оставляло вне поля зрения другие важные аспекты позиций сторон (оценки социально-экономического строя Китая, аграрная проблема и др.). Следует особо отметить, что в большинстве работ подчеркивались прежде всего различия в платформах большинства и оппозиции¹, что оставляло "в тени" проблему сходства основных подходов и общности идейно-политических основ их платформ и отраженного в них опыта - прежде всего опыта российских революций.

Наконец, под влиянием охранительно-апологетического подхода к освещению деятельности Коминтерна не раскрыты последствия этой борьбы в ВКП(б) и Коминтерне, ее влияние не только на политику в Китае, но - в более широком плане - на поворот Коминтерна "влево", определившийся летом 1927 г.².

Впервые разногласия по вопросам "китайской политики" в руководстве ВКП(б) возникли в апреле-мае 1926 г. в период временного спада национальной революции 1925-1927 гг. в Китае, совпавшим со временем формирования "объединенной оппозиции". Этот спад означал завершение первого этапа революции и реализации в ее ходе коминтерновской политики единого фронта между КПК и ГМД³. Разработка и осуществление этой политики вплоть до середины марта 1926 г., как показывают, в частности, материалы VI расширенного пленума ИККИ (17.П.-15.Ш.1926), проходившего под председательством Г.Зиновьева, не вызвала сколько-нибудь существенных расхождений между главными фигурами будущей дискуссии. Вопреки позднейшим утверждениям Л.Троцкого о том, что он с "самого начала" был против вступления КПК в ГМД⁴, материалы руководящих органов Коминтерна, заседаний политбюро и ЦК ВКП(б) не содержат упоминаний об этом. Не обнаружено следов особой позиции Л.Троцкого в эти годы и в его архиве⁵.

Политика Коминтерна в Китае в этот период со времени установления связей между суньятсеновским ГМД и Советским правительством и вступления в 1923 г. КПК в ГМД, проводилась на основе и в развитие идей II и IV конгрессов Коминтерна о задачах взаимодействия Советской России и партий Коминтерна с национально-революционным движением на Востоке и решения IV конгресса о политике единого антиимпериалистического фронта. Помощь ГМД со стороны СССР и вступление в него КПК преследовали двусмысленную цель: превратить ГМД в ходе его реорганизации - организационной и идейно-политической - в главную (или одну из главных), мощную в военно-политическом отношении дружественную Советскому Союзу национально-революционную силу на основе расширения массовой базы (в значительной мере с помощью КПК) и создания (с помощью СССР и КПК) взамен наемных армий, контролируемых милитаристами, новой "политической" (политизированной) армии, контролируемой через систему политорганов и политучебы партией. Вступление малочисленной КПК в ГМД

рассматривалось как средство быстрого роста партии, расширения ее собственной массовой базы и левого крыла в ГМД, а в перспективе - приобретения решающего влияния в этой партии в целом. Реорганизация ГМД на принципах, сходных с принципами построения ВКП(б), должна была сопровождаться радикализацией программных и тактических установок ГМД - известных "трех принципов" Сунь Ятсена.

Позиция ИККИ в этом вопросе была выражена уже в самом начале сотрудничества с ГМД в "Резолюции президиума ИККИ по вопросу о национально-освободительном движении в Китае и о партии Гоминьдан", принятой в ноябре 1923 г. и переданной делегации ГМД во главе с Чан Кайши, находившейся в то время в Москве. В этой резолюции ИККИ настоятельно рекомендовал ГМД "три народных принципа" интерпретировать "в духе современности", а практически в духе программы-минимум коммунистов с элементами и более высоких требований: предлагалось интерпретировать "принцип государственного социализма" ("народного благоденствия") как требование национализации не только иностранных предприятий, банков и средств сообщения, но и распространить его на национальную китайскую промышленность; выдвинуть лозунг "непосредственной передачи земли тем, кто в ней трудится, уничтожив институт крупных и многочисленных средних и мелких землевладельцев...". В документе выражалась уверенность, что ГМД "будет все больше учитывать растущее движение рабочего класса в Китае", "всемерно поддерживая" профсоюзы и КПК. Со своей стороны, Коминтерн обязывался "указывать" компартии Китая "на необходимость всемерной поддержки гоминьдана"⁶. Другими словами, ставилась задача трансформации ГМД из реформистской мелкобуржуазной партии, какой ее считали тогда в ИККИ, в радикальную партию рабочих, крестьян и городской мелкой буржуазии. Принятие части рекомендаций ИККИ руководством ГМД (за исключением аграрных требований) и включение их в принятую на I конгрессе ГМД в январе 1924 г. его новую программу (хотя и в значительно смягченном виде)⁷ при всем значении этого события вызвали у руководства ИККИ завышенные ожидания относительно реальных возможностей радикализации этой организации.

Это обстоятельство, заметные успехи в развитии КПК, известный рост рабочего движения в Китае (и Индии) стали почвой для усиления "левых" тенденций в руководстве Коминтерна. Известно, что в период У конгресса Коминтерна при обсуждении проекта резолюции по Индии И.Сталин выступил с заявлением о необходимости "разбить соглашательскую буржуазию"⁸. Эти тенденции закрепились в 1925 г., когда в связи с выдвинутой У пленумом ИККИ (март-апрель 1925 г.) идеей создания рабоче-крестьянских партий И.Сталин говорил о ГМД как именно о такой партии и утверждал, что "в странах, вроде Китая и Индии,.. коммунисты уже не могут ставить себе целью образование единого национального фронта против империализма", а должны перейти "к политике революционного блока рабочих и мелкой буржуазии", который может принять форму единой

рабоче-крестьянской партии - блока компартии и партии революционной мелкой буржуазии⁹.

В Китае эти оценки и расчеты на дальнейшее усиление в ГМД левого крыла связывались с расширением влияния на него КПК и массового движения, и с тактикой постепенного "отсечения", "выталкивания" из ГМД группировок, находившихся в правой части его политического спектра.

В качестве важнейшего средства реализации этого плана рассматривался и фактор, который позднее на VIII пленуме ИККИ Н.Бухарин определил как "давление пролетарского государства". Речь шла о связях ГМД с СССР по государственной линии, о материальной и военной помощи СССР ГМД и его правительству в Кантоне в создании собственной армии, о роли, которую играли в этом и в организации деятельности ГМД и его правительства советские военные и политические советники. В оценке перспектив роста влияния КПК в ГМД существенное место занимали и расчеты на то, что его лидеры, идя на блок с КПК, учитывали не только ее возможности расширения массовой базы ГМД, но и ее связи с ВКП(б) и Коминтерном, понимали, что от характера отношений между КПК и ГМД в огромной мере зависит характер связей последнего с Советским Союзом.

Известную роль в формировании завышенных ожиданий играли и неоднократные заявления многих видных его представителей о важности изучения "русского опыта", филиппики против "корыстной и контрреволюционной буржуазии", заявления о признании Коминтерна "штабом мировой революции"¹⁰. Многие заявления такого рода (и в Коминтерне трезво оценивали это) носили "дипломатический" характер, делались в расчете на более щедрую помощь, личную поддержку. Вместе с тем, в ряде случаев за ними стоял и реальный интерес определенных групп в ГМД к некоторым сторонам деятельности СССР и ВКП(б) - к созданию сильной партии и армии, к роли государства в успешном осуществлении НЭПа ("командные высоты"), идеям плановой экономики. В ГМД действительно формировалось левое крыло, представленное в основном различными группами и течениями, поддерживавшими наряду с "тремя принципами" "три основные политические установки" (союз с СССР, союз с КПК, поддержка рабочих и крестьян). Часть левых, относительно небольшая, становилась коммунистами либо принимала отдельные моменты программы-минимум КПК, предлагала более радикальные интерпретации некоторых пунктов программы суньятсенизма. Однако подавляющая часть левых оставалась на позициях национал-реформизма различных оттенков, с недоверием либо отрицательно относилась к идеям классовой борьбы и аграрной революции. Расчет Коминтерна на то, что ход событий и влияние КПК приведут к образованию в ГМД влиятельных и массовых групп "китайских якобинцев" или "китайских эсеров", навеянный аналогиями с французской и русской революциями, не оправдался. Исходя из этих критериев "подлинных левых", представители Коминтерна и КПК постоянно отмечали в это время крайнюю слабость собственно гоминьдановского левого

крыла. По этим критериям "подлинно левыми" в ГМД были в основном сами коммунисты.

Невозможность в этих условиях действовать через левых, а также стремление форсировать усиление влияния КПК на политику ГМД определили тактику овладения аппаратом ГМД "изнутри" путем продвижения коммунистов на ключевые посты в местных и центральных органах ГМД, а также курс на установление "особых отношений" с отдельными радикальными лидерами партии, используя при этом и межгрупповые трения в ГМД, личные, "вождистские" претензии этих фигур, с расчетом радикализировать курс партии и армии "сверху". Известные успехи этой тактики обозначились в начале 1926 г.: П конгресс ГМД (январь 1926 г.) прошел под знаком значительного полесения (ряд лидеров ГМД и среди них Ван Цзинвэй и Чан Кайши выступали с более "левыми" заявлениями, чем иные коммунисты), а по итогам выборов коммунисты получили значительное число мест в ЦИК ГМД и важные посты в его аппарате, что стало еще одним источником завышенных оценок характера ГМД и возможностей в нем КПК.

С началом революции 1925-1927 гг. в обстановке национального подъема наметились контуры конкретных политических и военно-политических действий. В результате укрепления Гуандунской базы национально-революционных сил созданное здесь в июле правительство, в котором преобладали левые, объявило себя национальным и приняло разработанные советскими советниками во главе с В.К.Блюхером планы похода "на север" - для объединения страны. Одновременно во второй половине 1925 г. в Северном Китае активизировалась деятельность объявивших себя сторонниками национальной революции лидеров "национальных армий" (Фэн Юйсян и др.)¹¹, занимавших районы на подступах к Пекину. Эти армии, установившие контакты с представителями СССР в начале 1925 г., также получили значительную материальную и военную помощь от Советского Союза, в них работала большая группа советских военных советников. В осуществлении контактов с Фэн Юйсяном и другими командующими национальных армий важную роль играли организации КПК Севера Китая и советское полпредство в Пекине, возглавлявшееся Л.Караханом. В конце 1925 - начале 1926 г. возможностям этих армий придавалось особое внимание ввиду их близости к столице Китая и острым конфликтам с главными противниками национально-революционного движения: с У Пэйфу, контролировавшим Центральный Китай - главным противником южан, и с Чжан Цзолинем, контролировавшим Маньчжурию и претендовавшим на преобладание в Пекине.

Общая в то время для всех групп в руководстве ВКП(б) и Коминтерна оценка ситуации в Китае и ее перспектив нашла отражение в решениях VI пленума ИККИ, специально рассматривавшего "китайский

вопрос". Факт общности позиций в это время и позднее активно использовался И.Сталиным и Н.Бухариным против оппозиции.

Отмечая, что шанхайская и гонконг-кантонская забастовки, начавшиеся летом 1925 г., стали исходным пунктом общенародного движения, авторы резолюции, явно принимая желательное за действительное, утверждали, что рабочий класс, "организованный в классовые профсоюзы и руководимый КПК, выявился как застрельщик и главный борец за независимость страны и установление народной власти". Именно влиянием этих событий в резолюции объяснялось "дальнейшее развитие и укрепление всех революционно-демократических организаций страны" и, в первую очередь, ГМД и его правительства в Кантоне. Впервые в документах ИККИ ГМД назывался не национально-революционной, а "народно-революционной партией". В духе высказываний И.Сталина в 1925 г. ГМД определялся как "революционный блок рабочих, крестьян, интеллигенции и городской демократии на почве общности классовых интересов этих слоев в борьбе против империалистов и всего военно-феодалного уклада жизни, за независимость страны и единую революционно-демократическую власть"¹². Хотя в другой части резолюции говорилось о задаче противопоставить империализму "единый национальный фронт самых широких слоев населения (рабочих, крестьян, буржуазии) под руководством революционно-демократических организаций"¹³. Туманное понятие "городская демократия" в общем контексте всего определения ГМД свидетельствовало о том, что к "буржуазии" относили здесь (как и в упомянутом высказывании И.Сталина) революционную городскую мелкую буржуазию. Столь же высоко оценивалось и кантонское правительство ("успело связаться с самыми широкими массами рабочих крестьян и городской демократии...")¹⁴.

Поскольку к марту 1926 г., когда принимались резолюции по Китаю, наметился спад революции, в частности, потерпели поражение "национальные армии" в Северном Китае (в начале 1926 г. Фэн Юйсян оставил армии и выехал в Советский Союз, куда прибыл в мае), ситуация в Китае определялась как "некоторая передышка в развитии массового национально-освободительного движения"¹⁵. Вместе с тем ряд положений резолюции свидетельствовал о намерении вернуться к военно-политическим планам конца 1925 - начала 1926 гг.: "Образование народных¹⁶ армий на Севере Китая... вместе с кантонской армией служит базой для образования национальной революционно-демократической армии Китая". КПК и ГМД рекомендовалось решительно поддерживать формирование "военных сил демократической революции", ведя дело к их революционизации¹⁷.

В опубликованной резолюции пленума отмечалось "значительное продвижение" процесса "политического самоопределения" КПК (хотя здесь же указывалось, что "организационное оформление партии еще далеко не завершено")¹⁸. Вместе с тем в принятых в закрытом порядке "Тезисах по китайскому вопросу" (в качестве директивы КПК) перед партией ставилась

задача готовиться к борьбе за гегемонию пролетариата¹⁹. КПК предостерегалась от двух уклонов: правого ликвидаторства (игнорирование самостоятельных классовых задач пролетариата, ведущее к бесформенному слиянию с общим демократическим национальным движением) и ультралевых настроений (стремление "перескочить через революционно-демократический этап движения непосредственно к задачам пролетарской диктатуры и советской власти, забывая о крестьянстве, этом основном и решающем факторе китайского национально-освободительного движения")²⁰. Как явствует из последнего положения ближайший этап движения мыслился не как "общенациональный" (согласно позднейшим утверждениям И. Сталина), а как революционно-демократический.

В резолюции и тезисах особо отмечалось, что "основным вопросом" освободительного движения в Китае "является крестьянский вопрос", что от вовлечения крестьян в революционную борьбу "зависит победа революционно-демократической тенденции" (при этом считалось, что "внедрение в страну иностранного капитала подорвало патриархальные отношения в деревне")²¹.

В целом почти по всем линиям эти позиции воспроизводили основные идеи тактики большевиков в революции 1905-1907 гг., о чем, кстати, прямо говорилось в резолюции: "Тактические проблемы китайского национально-революционного движения при всей особенности обстановки очень близко подходят к проблемам, стоявшим перед русским пролетариатом в период русской первой революции 1905 года"²².

Этот подход отражал и свойственное тогда Коминтерну перенесение на процессы в городе и деревне Китая "по аналогии" реалий российской действительности, тенденцию абсолютизации опыта ВКП(б) как "образца тактики для всех". Жизнь вскоре показала, насколько завышенными и нереалистическими оказались оценки на VI пленуме ИККИ расстановки сил, ситуации в ГМД, уровня массового движения и возможностей КПК. Гораздо больше времени потребовалось, чтобы осознать коренные отличия ситуации в странах Востока, в том числе и в Китае, от европейско-русских "образцов".

Теоретически почти все основные моменты "китайской политики" Коминтерна, начиная с 1923 г. - со времени вступления КПК в Гоминьдан, в том числе и решения VI пленума ИККИ, могли рассматриваться (и рассматривались тогда) как применение либо как развитие в условиях Китая решений II и IV Конгрессов Коминтерна: "Дополнительных тезисов" ("тезисов Роя") II Конгресса (которые тогда единодушно считались предназначенными для стран "типа Китая и Индии") и тезисов "Восточный вопрос", в которых обосновывалась тактика единого антиимпериалистического фронта на IV конгрессе.

В "китайской политике" и ее аргументации сохранялись берущие свое начало от документов II и IV конгрессов тенденции завышения уровня капиталистического развития Китая (и Индии), трактовка значения, а

главное - путей разрешения аграрно-крестьянского вопроса, идея о том, что "объективные задачи колониальной революции выходят за рамки буржуазной демократии"²³ и связанные с ней курс на форсированное продвижение социальных требований в рамках национального движения, установка на то, что рабочий класс и его партии с первых шагов движения должны готовить себя (прежде всего в ходе борьбы за крестьянство) к роли руководителя освободительной борьбы, к борьбе против "буржуазной демократии"²⁴; резко отрицательное отношение ко всем течениям реформизма. Даже явный левацкий крен, начиная с 1924 г., в политике в отношении буржуазии и единого фронта, представлявшийся в нашей литературе как игнорирование положений IV Конгресса о том, что политика единого фронта выдвигалась в связи с "перспективой длительной и затяжной борьбы с мировым империализмом", находил свое "оправдание" в трактовке в том же решении IV Конгресса политики единого фронта не как стратегии, а как вынужденной и временной тактики, как средства "разоблачения колебаний и шатаний отдельных групп буржуазного национализма"²⁵.

Столь же хрупким препятствием на пути левизны были и положения II и IV Конгрессов о том, что для завоевания гегемонии пролетариату Востока нужно пройти "целый исторический этап". Но как определить временные рамки этапа? Разве период нескольких месяцев "от февраля к октябрю" в 1917 г. не был в представлении лидеров Коминтерна таким историческим этапом? Эти и последующие решения Коминтерна по Китаю показали, что при всех расхождениях его руководители сходились в том, что уже в середине 20-х годов этот "исторический этап" либо завершился, либо близок к завершению.

Предложения представителей оппозиции о пересмотре одного из центральных положений политики Коминтерна в Китае - о вхождении КПК в ГМД (а затем и предложение о передаче китайской стороне КВЖД), положившие начало дискуссии, впервые были выдвинуты в апреле и мае 1926 г. в обстановке, когда под влиянием событий в Китае руководство ВКП(б) и ИККИ было вынуждено начать пересмотр прежних оптимистических оценок ситуации в ГМД и в Китае. К этому времени выявилось поражение "национальных армий" на Севере и начала поступать информация о перевороте Чан Кайши 20 марта 1926 г., когда он, стремясь ограничить растущее влияние коммунистов в ГМД и укрепить свои позиции, арестовал (на короткое время) ряд коммунистов, работавших в ЦИК ГМД и его армии, а затем на пленуме ЦИК ГМД в мае провел решение об ограничении деятельности КПК в ГМД (коммунистам не разрешалось занимать ключевые посты в аппарате ЦИК и армии, запрещалась критика суньятсенизма)²⁶.

В известной мере иные, чем на IV пленуме ИККИ, более осторожные оценки ситуации в Китае нашли отражение в резолюции Политбюро ЦК ВКП(б) от 1 апреля 1926 г. о политике в отношении Китая и Японии, принятой по докладу комиссии, возглавлявшейся Л.Троцким, в которой отмечался "медленный темп" развития революционного движения в Китае²⁷

и намечался ряд мер, главным образом по линии внешней политики, показывавших, что руководство ВКП(б) в тот момент рассматривало и иные, чем ранее, варианты развития событий в Китае, в том числе и на юге страны. В резолюции нет упоминаний о перевороте Чан Кайши. Вместе с тем в ней говорилось, что Кантон приходится рассматривать не только как временный революционный плацдарм, но и как "огромную страну", вынужденную установить "модус вивенди с иностранными государствами". В развитие этого тезиса в проект резолюции была внесена поправка И.Сталина, согласно которой кантонскому правительству предлагалось "сосредоточить свои усилия на внутреннем укреплении республики" путем проведения аграрных, финансовых и политических реформ и укрепления обороноспособности. "Правительство Кантона, - говорилось далее в поправке, - должно в нынешний период решительно отклонять мысль о внешних экспедициях наступательного характера и вообще о таких действиях, которые могли бы толкнуть империалистов на путь внешней интервенции". О возможности иных, чем в 1925 г., планов и действий свидетельствовало и положение резолюции о том, что "если бы выяснилось, что народные армии ("национальные армии" Севера. - А.Г.) надолго сдают позицию У Пэйфу, могло бы оказаться целесообразным искать соглашения с этим последним, чтобы ослабить его зависимость от Англии"²⁸. Эти и другие положения резолюции дают некоторое представление и о внешнеполитических мотивах "китайской политики" ВКП(б) и Коминтерна, и, прежде всего, о формировании представления о том, что к этому времени международная обстановка для китайской революции "стала несравненно трудней в связи с известной стабилизацией Европы... и - особенно - с постановкой империалистами китайской проблемы в полном объеме"²⁹. Как явствует из документа, речь шла о складывании единого фронта империалистических стран против Китая³⁰, а косвенно - об "увязке" в пропаганде и политике этих стран событий китайской революции с действиями СССР и Коминтерна. В резолюции предлагалось дать отпор кампании в китайской и зарубежной реакционной печати за отзыв советского полпреда Л.Карахана³¹, "гласно заявить", что наша политика сочувствия "к борьбе народа Китая за единое независимое государство и демократию" не допускает "мысль каких бы то ни было внешних интервенций с нашей стороны"³². Другими словами, речь шла о понятных опасениях угрозы интервенции держав в Китае, а возможно, и против СССР, которые оказывали заметное влияние на "китайскую политику" ВКП(б) и Коминтерна в 1926-1927 гг. В этой связи в документе революционным силам Китая предлагалась тактика маневрирования с целью предотвращения единого фронта держав, политика временных уступок, в частности, Японии, для изоляции Англии, которая рассматривалась как главный враг независимости Китая³³. Укрепление "южнокитайской республики", хотя об этом не упоминалось в документе, всеми в руководстве ВКП(б) и Коминтерна тогда рассматривалось и как средство ослабления

(“разбрасывания”, как позднее говорил И.Сталин³⁴) сил империализма и прежде всего Англии.

В нормальных условиях предложения - сначала в апреле Л.Троцкого, а затем Г.Зиновьева - о выходе КПК из ГМД и предложение в мае 1926 г. Л.Троцкого о передаче КВЖД могли бы рассматриваться как моменты рабочей дискуссии, тем более что выдвигались они в то время “по ходу” обсуждения без развернутой аргументации и разъяснений, как конкретно реализовать эти предложения в условиях Китая. Г.Зиновьев, кроме того, видимо, связанный прежней позицией, не ставил вопрос о немедленном выходе КПК из ГМД, рассматривая возможность ее “эмансипации” де-факто в духе одного из вариантов действий, обсуждавшихся после “событий 20 марта” в КПК и Дальбюро ИККИ³⁵ (хотя впоследствии и он, и особенно Л.Троцкий, ссылались на то, что они “давно ставили” этот вопрос).

Первое предложение Л.Троцкого и реакция на него других членов Политбюро (позднее И.Сталин говорил, что “Политбюро его отвергло”)³⁶, в протоколах Политбюро не зафиксировано. Возможно, это был просто обмен мнениями. Но после выступления с этим же предложением в конце апреля Г.Зиновьева в ситуации, когда после апрельского (1926 г.) пленума ЦК ВКП(б) дело шло к созданию объединенной оппозиции, политбюро ЦК 29 апреля приняло по этому поводу решение с “жесткими” формулировками. В нем, в частности, говорилось: “...в) Признать вопрос о разрыве между гоминьданом и компартией имеющим первостепенное политическое значение. Считать такой разрыв совершенно недопустимым. Признать необходимым вести линию на сохранение компартии в составе гоминьдана”. В то же время вопрос этот в принципе не снимался. В решении далее говорилось: “...г) Считать поэтому, что во всяком случае до очередного конгресса Коминтерна производить какие-либо изменения организационных отношений было бы недопустимо и опасно как для гоминьдана, так и для компартии”³⁷.

Острота обсуждения этого вопроса в 1926 г. достигла пика на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в июле, когда объединенная оппозиция в документе на имя пленума вновь выдвинула это предложение, сопроводив его также предложениями передать КВЖД и отозвать из Китая Л.Карахана. В сочетании с критикой позиций лидеров большинства по вопросу об англо-русском комитете (АРК) на пленуме это выглядело как наступление на политику И.Сталина и Н.Бухарина в Коминтерне “по всем азимутам”.

Особую остроту “китайской проблеме” на пленуме придало и то обстоятельство, что к началу июля 1926 г., несмотря на попытки КПК и советских представителей в Кантоне “сдержать” Северный поход, Чан Кайши, завершив подготовку, практически начал выступление. В этой ситуации руководство ИККИ и прежде всего И.Сталин и Н.Бухарин взяли курс на поддержку Северного похода, рассчитывая, что сохранение КПК в составе ГМД по мере развития массового движения на новых территориях создаст новые условия для усиления роли коммунистов в массовых

организациях, в самом ГМД и его армии. По-прежнему важная роль в этих расчетах отводилась заинтересованности руководства ГМД и лично Чан Кайши в советской материальной и военной помощи, политических и военных советниках. Наконец, важная роль отводилась и восстановлению "национальных" армий Фэн Юйсяна, который вновь получил значительные средства и готовился выехать из СССР в Китай³⁸. В целом, это было возвращение (в новых условиях) к планам "образца" второй половины 1925 - начала 1926 гг., хотя в их обоснование вносились определенные изменения. Предложения оппозиции в этой ситуации можно было представить как неверие в эти планы, в национально-революционное движение, как отход от собственных прежних позиций.

Аргументация оппозиции в пользу своих предложений на июльском пленуме нам известна в основном в изложении Н.Бухарина. Линию оппозиции он определил как "предложения об уступках правого толка" перед лицом ряда неудач в Китае, которые он характеризовал и как "частичные", и как "довольно крупные" ("оттесненное положение народных армий", попытки "правой части ГМД взорвать кантонское правительство и дезорганизовать национально-революционное движение")³⁹. Предложение "разделаться с КВЖД из-за трудностей и провокаций" Н.Бухарин считал неприемлемым, ибо речь шла, по его словам, "о железнодорожной линии, которая является главной стратегической жилой, которая является нашим революционным пальцем, запущенным в Китай". Предложение "отозвать Карахана из-за кампании против него в прессе" перевести его в Японию, а Коппа из Японии перевести в Китай отвергалось на том основании, что последний известен "скептическим отношением ко всякому национально-революционному движению", а "Карахан воплощает собой нашу линию ориентации на национально-революционное движение"⁴⁰.

И наконец, предложение, в интерпретации Н.Бухарина, "порвать с Гоминьданом", которое он считал глубоко ошибочным, поскольку "...мы должны ориентироваться на широкое национально-революционное движение, в котором участвуют и мелкобуржуазные элементы. Гоминьдан и является своеобразной партией, не похожей на западно-европейские партии". И далее: "Мы в этом Гоминьдане играем руководящую роль, осуществляем гегемонию нашей партии во всем национально-революционном движении, которое охватывает и мелкобуржуазные элементы"⁴¹. Эта явно нереалистическая оценка ГМД, особенно после "событий 20 марта" и информации, имевшейся в ВКП(б) и в ИККИ о ситуации в ГМД, может быть объяснена лишь стремлением найти "аргументы" против противников "покрепче": иметь в своих руках гегемонию - заветную цель - и самим от нее отказаться - это ли не "правое" капитулянтство? Именно так по предложению С.Кирова была квалифицирована платформа оппозиции по Китаю в резолюции пленума. Резолюция одобряла деятельность ПБ и делегации ВКП(б) в Коминтерне в китайском вопросе и констатировала "явно оппортунистические и отчасти

прямо капитулянтские предложения оппозиции"; отмечала, что "взятые в целом, они выражают собой недопустимое пораженчество"⁴².

При всей слабости приведенной аргументации против предложений оппозиции⁴³ вопрос о выходе КПК из ГМД действительно имел "первостепенное политическое значение". Последствия отказа от этого шага и возможные варианты развития событий в случае, будь он сделан, обсуждались и обсуждаются в литературе до сих пор. Вел ли выход КПК из ГМД к тому, что, как полагает ряд наших авторов, она была бы немедленно разгромлена в Гуандуне реакционными гоминьдановцами и милитаристами? Вероятно, да, если бы к тому же Коминтерн и Советский Союз попытались направлять средства на создание ее собственных вооруженных сил, о чем ставили тогда вопрос некоторые работники КПК (хотя, особенно после событий 20 марта, неясно, как можно было это сделать даже чисто "технически"). К тому же сама партия была тогда крайне малочисленна. Смогла бы партия вне ГМД так быстро вырасти и численно, и политически, как это произошло в ходе Северного похода, не имея возможности пользоваться "законной крышей" гоминьдановских властей в своей работе в деревне и в городе? Скорее всего в тех условиях - нет. Возможно, КПК могла без больших потерь уйти из ГМД, не создавая своих вооруженных сил и не претендуя на руководство национально-революционным движением, выполняя роль радикальной демократической легальной оппозиции Гоминьдану, блокируясь с его левыми группами. Но, как показал опыт, такие партии, не обладавшие "базой" в виде вооруженных сил, в условиях Китая оставались относительно малочисленными и маловлиятельными группировками. Каким оказался бы тогда ход освободительного движения в Китае - это отдельный вопрос. Оппозиция же полагала (в полном отрыве от реальности), что КПК была способна самостоятельно организовать и возглавить и притом в близкой перспективе мощное рабочее и массовое движение.

После июля 1926 г. в активности оппозиции на "китайском направлении" наступил длительный спад. Видимо, в обстановке впечатляющих успехов Северного похода (к концу 1926 г. его части вышли к р.Янцзы и захватили крупный центр г.Ухань), роста массового движения и КПК ее лидеры не видели способа "спросецировать" вопросы политики в Китае на другие позиции своей платформы. К.Радек в одном из выступлений в это время назвал Северный поход "блестящим революционным актом". Сказывались и тяжелые удары, нанесенные оппозиции в конце 1926 г. (в октябре Л.Троцкий и Л.Каменев были исключены из Политбюро, Г.Зиновьев - официально отстранен от работы в ИККИ), поражения на ХУ партконференции ВКП(б) и УП пленуме ИККИ, где ее платформа была квалифицирована как "социал-демократический уклон". "Уже к началу 1927 г., - писал Л.Троцкий, - Зиновьев был готов капитулировать..."⁴⁴. Кроме того, внутри оппозиции были разногласия и шли острые споры по вопросам оценки ситуации и политики в Китае.

Активность, хотя и ограниченную, проявил лишь К. Радек, который в июле, а затем в сентябре 1926 г. обращался с письмами в Политбюро ЦК ВКП(б) (как ректор Университета им. Сунь Ятсена) с просьбой "дать разъяснения" прежде всего по следующим вопросам: как "относиться" к военной диктатуре Чан Кайши в ситуации, когда он является главой ГМД и М. Бородин его "формально поддерживает", как относиться к работе ГМД среди крестьян, должен ли ГМД работать среди рабочих, как поддерживать левых в ГМД⁴⁵. Позднее обвинения в своем длительном молчании оппозиция пыталась отвести ссылками на эти письма Радека.

Подтекст писем К. Радека был ясен⁴⁶. Но помимо негативного отношения к идее выхода КПК из ГМД, у руководства ВКП(б) и Коминтерна тогда не было готовых ответов на эти действительно центральные вопросы политики в Китае. После 20 марта в острых дискуссиях в КПК, в ИККИ, между его представителями шел поиск их решения. Его итоги были подведены на УП пленуме ИККИ (ноябрь-декабрь 1926 г.).

Проблему "военной диктатуры" в Москве по-прежнему рассчитывали решить путем изменения соотношения сил в ГМД в результате создания в нем влиятельного левого крыла и усиления позиций КПК в профсоюзах и крестьянских союзах на основе развертывания массового движения, нараставшего по мере продвижения войск Северного похода. Эти общие установки сочетались с планами противодействия диктатуре Чан Кайши "сверху": КПК и левые гоминьдановцы начали кампанию за возвращение в Китай главного соперника Чан Кайши в руководстве партии - лидера левых Ван Цзинвэя, вынужденного после событий 20 марта 1926 г. уехать в Европу. В армии в качестве "противовеса" Чан Кайши выдвигался генерал Тан Шэнчжи, с которым М. Бородин установил особые отношения. Кроме того, намечалось направить основные силы Северного похода на Ухань, а затем в обход шанхайского района, где у Чан Кайши были старые связи, далее на север - на соединение с Фэн Юйсяном, который мог стать еще одним противовесом диктатору. Расчеты на усиление левого крыла в ГМД подтолкнули события в самом ГМД и его правительстве, где с уходом Чан Кайши и его армий в поход активизировались левые деятели, поддержанные частью военных, недовольных усилением позиций Чан Кайши⁴⁷.

Эти же вопросы активно обсуждались в КПК. Поддерживая в целом планы ИККИ, руководство КПК занимало более осторожную (и реальную) позицию в оценке перспектив дальнейшей эволюции левых в ГМД, указывая, что таких левых, какими их хотели бы видеть представители ИККИ и, прежде всего - готовых на радикальное решение аграрного вопроса, в ГМД нет. В ряде статей осенью - зимой, а затем и на совещании ЦК КПК в декабре 1926 г. Чэнь Дусю развивал мысль о том, что успех национальной революции означал бы создание революционно-демократической власти, правительства, контролируемого лидерами нынешних левых в ГМД, власть которых коммунисты на этом этапе не должны оспаривать⁴⁸. Экономический строй, который будет создавать эта власть, будет многоукладной экономикой,

включающей сектор госкапитализма, сектор частного капитала, который приобретет, пройдя революцию, черты "национально-демократического капитализма". Это государство Чэнь Дэсю называл "демократической диктатурой всех угнетенных классов". В целом при всех различиях, в этих "набросках" просматривались некоторые черты концепции "новой демократии"⁴⁹. Ход событий показал, что такую перспективу левые в ГМД не могли "удержать" ни в блоке с коммунистами, ни порвав с ними. Однако УП пленум ИККИ (ноябрь-декабрь 1926 г.) в оценке перспектив революции и задач КПК "поднял планку" еще выше.

Окончание следует

-
- ¹ Следует указать, что в работах В.И.Глунина 60-70-х годов обращалось внимание на сходство в ряде вопросов позиций И.Сталина и Л.Троцкого в 1927 г. - См., например: Коминтерн и Восток. - М., 1969. - С. 292-296.
 - ² На это обстоятельство обращено внимание в некоторых последних публикациях. См.: В.И.Глунин, А.М.Григорьев. Коминтерн и китайская революция // Проблемы Дальнего Востока. - 1989. - N 1. - С. 101-102.
 - ³ О революции 1925-1927 гг. и политике Коминтерна в Китае в этот период см.: М.Ф.Юрьев. Революция в 1925-1927 гг. в Китае. М., 1968; В.И.Глунин. Коммунистическая партия Китая накануне и во время национальной революции (1921-1927 гг.). М., 1975. Кн. 1-2 (далее в тексте: В.И.Глунин. Коммунистическая партия Китая...; Новейшая история Китая. 1917-1927. М., 1983; А.С.Костяева, Л.П.Делюсин. Революция 1925-1927 гг. в Китае: проблемы и оценки. М., 1985 и др.
 - ⁴ Leon Trotsky on China. N.Y., 1976. P. 490 (Письмо М.Шахтману 30.12.1930). В этом письме Л.Троцкий утверждал, что был против этой политики с 1923 г., а в книге "Моя жизнь" писал: "с 1925 г. я требовал выхода коммунистов из Гоминьдана" (Л.Троцкий. Моя жизнь. Т. 2. Берлин, 1930. - С. 275).
 - ⁵ Его биограф И.Дойчер писал в этой связи, что тезис об особой позиции Л.Троцкого по Китаю "с самого начала" - это "легенда вульгарного троцкизма" (Deutscher, 1. The prophet unarmed. 1921-1929. L., 1959. P. 321).
 - ⁶ Коммунист. - 1969. - N 4. - С. 13-14.
 - ⁷ См.: Новейшая история Китая. С. 146-153.
 - ⁸ Коминтерн и Восток. М., 1969. С. 139.
 - ⁹ Сталин И.В. Сочинения. - Т. 7. - М., 1952. - С. 146-147.
 - ¹⁰ В ходе У1 пленума ИККИ присутствовавший на нем деятель ГМД Ху Ханьминь поставил вопрос о приеме ГМД в Коминтерн. При обсуждении этого вопроса на Политбюро ЦК ВКП(б) (докладчик И.Сталин) было принято решение "убедить" представителей ГМД не ставить этот вопрос (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, ед.хр. 548 и 549).
 - ¹¹ О национальных армиях см.: Новейшая история Китая. - С. 188-192, 231-232.
 - ¹² Китайский вопрос // Коминтерн в резолюциях. - М., 1933. - С. 619.

- 13 Там же. - С. 621.
- 14 Там же. - С. 619.
- 15 Там же. - С. 621.
- 16 В материалах тех лет эти армии назывались иногда народными, иногда национальными.
- 17 Коминтерн в резолюциях. - С. 620.
- 18 Там же. - С. 621.
- 19 Материалы и документы Коминтерна по проблемам китайской революции. - Пекин, 1990. - Т. 3. - С. 121-137 (на кит.яз.).
- 20 Коминтерн в резолюциях. - С. 621.
- 21 Там же. - С. 622-623.
- 22 Там же. - С. 621. Из такого подхода также следовало, что блокирование либо создание единого фронта с "либеральной" (в условиях Китая с крупной и средней национальной) буржуазией было недопустимо.
- 23 Восточный вопрос. Тезисы. // Коминтерн в документах. - С. 321.
- 24 Дополнительные тезисы. // Коминтерн в документах. - С. 131-132.
- 25 Восточный вопрос // Коминтерн в документах. - С. 322.
- 26 Подробно о перевороте 20 марта 1926 г., его последствиях и оценках в Коминтерне и КПК см.: В.И.Глунин. Коммунистическая партия Китая... Кн. 2. - С. 45-82.
- 27 Вопросы нашей политики в отношении Китая и Японии. // Коммунистическая оппозиция в СССР. - Т. 1. - С. 179. (В ряде публикаций она называлась "резолюцией ИККИ". См.: А.Айхенвальд. О тактической линии Коминтерна в Китае. - М; Л., 1927. - С. 21-22).
- 28 Там же.
- 29 Там же. - С. 175.
- 30 Там же. - С. 180.
- 31 Там же. - С. 176.
- 32 Там же. - С. 179.
- 33 Там же.
- 34 И.В.Сталин. Сочинения. - Т. 10. - С. 16.
- 35 Отсутствие стенограмм заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) не позволяет в деталях установить ход обсуждения. Это же обстоятельство позволило в ходе полемики различным сторонам толковать характер этих предложений по-разному. И.Сталин и Н.Бухарин истолковывали их как "требования немедленного выхода", а позицию Г.Зиновьева - как отказ от него и "резервирование" возможности "гибкого" толкования своей позиции (См.: Н.Бухарин. Речь на Объединенном июльско-августовском (1927 г.) пленуме ЦК и ЦИК ВКП(б). Стенографический отчет. Ч. 1. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 2, д. 317, л. 40).
- 36 Выступление И.Сталина на июльском (1926 г.) Объединенном пленуме ЦК и ЦИК ВКП(б). Стенографический отчет. Вып. 1. - С. 69 (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 2, д. 246).
- 37 Цит. по: Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). 14-23 июля 1926 г. Вып. 1. - С. 15 (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 2, д. 246).
- 38 О позициях Коминтерна и КПК в этот период подробно см.: В.И.Глунин. Коммунистическая партия Китая... Ч. 2. - С. 94-118.

- 39 Объединенный пленум ЦК и ЦИК ВКП(б). 14-23 июля 1926 г. Стенографический отчет. Вып. 1. - С. 15.
- 40 Там же.
- 41 Там же.
- 42 См.: Коминтерн и Восток. - М., 1969. - С. 294. Г.Зиновьев в заявлении на пленуме вновь подчеркивал, что считал возможным выход из ГМД в "крайнем случае", полагая, что "нам выход из Гоминьдана сейчас нежелателен", хотя и не исключал, что такой момент настанет по мере роста КПК (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 2, д. 696, л. 44-45). ✓
- 43 Отметим что два первых предложения принципиального значения не имели: КВЖД роли "революционного пальца" не сыграла, в конце концов, ее пришлось продать в 1934 г.
- 44 Л.Троцкий. Моя жизнь. - Т. 2. - С. 274.
- 45 The problems of the Chinese revolution. N.Y., 1932. P. 384-385.
- 46 Судя по письму Л.Троцкого К.Радеку от 30 августа 1926 г., его заметкам о КПК и ГМД и наброску тезисов платформы к ХУ партконференции (См.: Коммунистическая оппозиция. - Т. 2. - С. 57, 83-103 и 103-108) он, возможно, хотел, чтобы оппозиция вновь подняла вопрос о выходе КПК из ГМД на ХУ партконференции ВКП(б), но этого не произошло.
- 47 В октябре 1926 г. конференция представителей организаций ГМД приняла решения, в которых содержались призывы к демократизации партии, осуждались поползновения к военной диктатуре, а также решения о возвращении Ван Цзинвэя и о снижении арендной платы в деревне.
- 48 Жэнь Цзяньшу. Биография Чэнь Дусю. Т. 1. - Шанхай, 1989. - С. 335 (на кит. яз.).
- 49 Подробно см.: В.И.Глунин. Коммунистическая партия Китая... Кн. 2. - С. 173-180.

ПРИНЦ-ПАССИОНАРИЙ (СУДЬБА ФУМИМАРО КОНОЭ)

В. Молодяков

"Пассионарность - органическая способность организма абсорбировать энергию внешней среды и выдавать ее в виде работы... способность и стремление к изменению окружения... Пассионарность может проявляться в самых различных чертах характера, с равной легкостью порождая подвиги и преступления, созидание, благо и зло, но не оставляя места бездействию и покойному равнодушию."

Лев Гумилев.

Принц Фумимаро Коноэ (1891-1945), волею судьбы вознесенный на самую вершину японского политического Олимпа, и по сей день вызывает ожесточенные споры апологетов и врагов. Американский исследователь Ч.Джонсон назвал его "вероятно, наиболее загадочным из государственных деятелей Японии времен войны"¹, с чем трудно не согласиться даже сейчас, когда миновал столетний юбилей принца (никем, кстати, не отмеченный), а скоро исполнится и полвека с того дня, когда он принял яд в своей токийской вилле, не желая сдаваться оккупационным властям. "Загадка Коноэ" волновала его современников, как восхищавшихся масштабами его стратегических замыслов, так и тех, кто считал его пустым мечтателем и слабовольным человеком, "который в армии едва ли дослужился бы до майора", как однажды сказал о нем адмирал Сигэёси Иноуэ.

Потомок старинного аристократического рода, игравшего видную роль при дворе еще в X веке, в расцвет хэйанской эпохи, Коноэ получил блестящее образование сначала дома, а затем в Киотосском университете. Воспитание молодого принца сочетало и верность традиции, и увлечение западными новациями, и патриотизм, и либерализм. Молодой, широко образованный и оригинально мыслящий аристократ привлек внимание патриарха японской политики тех лет, последнего из назначенных в 1876 году пожизненных советников императора (*эйро*) Киммоти Сайондзи (1849-1940), который уже подумывал о своем возможном преемнике, т.к. ему было под семьдесят. Сайондзи фактически обладал монопольным правом назначать премьер-министров, хотя номинально он лишь "рекомендовал" их императору. Разумеется, власть его была не безграничной (Сайондзи

Молодяков Василий Элигарович - сотрудник Международного института геополитики.

конфликтовал с армейскими кругами), но политическое могущество дополнялось нравственным и, так сказать, историческим авторитетом "старшего", который признавался практически бесспорно.

Сайондзи, приблизив к себе молодого принца, которого, несмотря на огромную разницу в возрасте, называл исключительно "Ваше высочество", направил его интересы на политику и государственную деятельность и включил в состав делегации на Парижскую мирную конференцию, которую лично возглавлял. Однако первые шаги способного ученика должны были бы насторожить старого учителя.

Уже в декабре 1918 г. Коноэ опубликовал свое первое политическое сочинение "Отказ от мира с англо-американской ориентацией"², в котором совершенно определенно изложена вся его геополитическая философия, не претерпевшая в дальнейшем существенных изменений. Коноэ расценивал заявления представителей англо-американского блока о стремлении "сохранить мир" - только как направленные на сохранение выгодного им статус-кво итогов несправедливого передела мира, в ходе которого Япония оказалась обделенной. Коноэ едва ли был знаком с русскими геополитическими идеями, но его точка зрения относительно Японии и Германии как держав, опоздавших на "мировое состязанье", полностью совпадает с высказываниями как В.И.Ленина, так и В.Я.Брюсова³. Признавая Германию виновником войны, Коноэ осторожно оправдывает ее действия и проводит аналогию между положением Германии перед мировой войной с положением Японии после войны. О японо-германском союзе здесь нет еще ни слова, но именно ориентация на Германию (и в меньшей степени на СССР) ляжет в основу внешней политики кабинетов Коноэ во второй половине 30-х - начале 40-х годов. Существенно и то, что Коноэ уже на раннем этапе своей политической карьеры исходил из необходимости учитывать угрозу экономического империализма англо-американского блока для Азии, представлять интересы которой претендовала Япония.

По возвращении из Европы Коноэ становится "восходящей звездой на политическом небосклоне Японии", по выражению его биографа Ока Еситакэ⁴. Отказавшись от чиновничьей, бюрократической службы, он делает карьеру через парламент, став в тридцать лет (неслыханно рано для Японии!) председателем верхней палаты и одним из наиболее влиятельных парламентариев. Однако парламентская деятельность в рамках существовавших фракций и партий не приносила желаемых плодов. Коноэ подумывал о создании новой партии, более молодой и мобильной, и занялся подысканием союзников и помощников.

Здесь необходимо сказать об одной исключительно важной черте Коноэ-человека и Коноэ-политика. Он был тем "королем", про которого говорят, что его "играет свита". Обладая поистине планетарным кругозором и способностью к глобальному миропониманию, он отличался невниманием к "мелочам", забывая, что в политической практике "мелочи" могут оказаться решающими. Он предпочитал "давать" идеи своим советникам и

помощникам, которые доводили их до конкретных документов, меморандумов или программ. Коноэ умел подбирать надежных друзей и соратников, которые были способны оценить масштаб и значение его идей и брали на себя всю черновую работу, а в нужный момент также поддерживали волю и настроение принца, склонного предаваться "духу уныния и празднословия" при неудачах или заминках в реализации его планов и идей.

Ближайшее окружение принца составляла молодая интеллектуальная элита Японии, разделявшая его взгляды на мир и его геополитическую ориентацию. Некоторые из них занимали видные государственные посты, другие предпочитали неофициальные должности "советников" - но все они собирались в гостеприимном доме супругов Коноэ, где за традиционным японским обедом обсуждались важнейшие политические и экономические проблемы страны, региона и мира в целом. Среди этих людей, создавших неофициальное "Общество вторника" (каёкай), т.к. они собирались раз в две недели по вторникам, необходимо назвать маркиза Коити Кидо (1889-1977), Акира Кадзами (1886-1961), Кэн Инукаи (1896-1960) и, наконец, Ходзуми Одзаки (1901-1944).

Коити Кидо, осторожный прагматик и царедворец, пользовался не только большим влиянием при дворе, но и близостью к императору. В кабинетах Коноэ и Хиранума в 1937-39 гг. он занимал посты министров здравоохранения, просвещения и внутренних дел, а в 1940-1945 гг. был лордом-хранителем печати, фактически унаследовав привилегии Сайондзи в назначении премьеров. В 1945 г., после капитуляции, кандидатура Кидо на пост премьера называлась наряду с кандидатурой Коноэ как наиболее вероятная, но вместо назначения последовал приказ генерала Макартура об аресте обоих друзей. Кидо отправился в тюрьму Сугамо, а затем на скамью подсудимых Токийского процесса, где был приговорен к пожизненному заключению. Выйдя из тюрьмы по амнистии, он опубликовал свой знаменитый дневник предвоенных и военных лет, но от встреч с журналистами уклонялся.

Акира Кадзами был секретарем первого кабинета Коноэ и министром юстиции во втором, а после войны написал замечательную книгу "Кабинет Коноэ"⁵, удачно сочетавшую историко-политологическое исследование с весьма объективными и достоверными воспоминаниями. Кэн Инукаи, сын премьер-министра Кинкацу Сайондзи, внук последнего "гэнро", и Ходзуми Одзаки, непревзойденный специалист по проблемам Китая и ближайший соратник Рихарда Зорге, составляли дружеское окружение принца, влиявшее на его политику не менее ощутимо, чем чиновные друзья и сослуживцы. Среди людей, достаточно близких к Коноэ по своим взглядам, следует назвать и Хатино Арита (1884-1965), кадрового дипломата, неоднократно занимавшего пост главы внешнеполитического ведомства.

Именно в этом кругу вызревали и обрели плоть главные глобальные проекты Коноэ - "новая структура" для Японии, "сфера процветания Великой Восточной Азии" как глобальная задача Японии в АТР, военный

союз с Германией и дружественный нейтралитет с СССР во внешней политике. Собирая вокруг себя профессионалов и прагматиков, Коноэ одухотворял их своим пассионарным гением, если воспользоваться термином Льва Гумилева, своим, порой почти бессознательным стремлением сделать Японию мировой политической державой. Примечательно, что в начале тридцатых годов Коноэ на некоторое время сблизился с группой "молодых офицеров" во главе с тогдашним военным министром генералом Садао Араки (1877-1966), наиболее воинственно настроенной частью офицерства сухопутных войск, вообще отличавшихся большим экстремизмом и самурайским романтизмом, нежели офицеры флота, интеллектуалы и прагматики. Армия как политическая сила часто противостояла флоту, настаивая на войне с СССР и США и отвергая дипломатические пути разрешения конфликтов. Вторая половина тридцатых - время усиления именно армии, фактически поставившей под свой контроль формирование кабинетов, и в то же время период явного отхода Коноэ от генералов-сухопутчиков. Ради осуществления своих глобальных проектов, принцу приходилось идти на компромиссы с ними, но эти компромиссы оказались губительны как для его планов, так и для него самого.

Коноэ трижды формировал кабинет - в июне 1937 (до января 1939) после отставки кабинета адмирала Ёнаи и в июле 1941, когда кабинет был просто реформирован, чтобы исключить из него министра иностранных дел Ёсукэ Мацуока (1880-1946), внешнеполитическая линия которого на обострение отношений с США шла вразрез с планами Коноэ. Время пребывания у власти первого кабинета Коноэ - это активизация войны в Китае, который рассматривался им как основное направление японской империалистической экспансии. Будучи сторонником ее "южного варианта" (Китай-Индокитай-Филиппины-Океания), а не "северного" (Монголия-СССР), Коноэ фактически привел к власти правительство Ван Цзинвэя и стремился ориентировать внешнюю экспансию Японии не на завоевание и разграбление, а на интеграцию и объединение, не забывая при этом, разумеется, и об интересах Японии, бедной стратегическими ресурсами. В отличие от Германии, элемент пассионарности в японском проникновении в мир был в целом значительно меньше, уступая чисто практическим интересам ВПК и монополий, но сбрасывать его со счетов было бы несправедливо. Именно Коноэ суждено было воплотить как стремление японского этноса к единению, так и вторую после Реставрации Мэйдзи вспышку пассионарности после двухсот лет добровольной автаркии в состоянии "сакоку" (закрытие страны).

Разрабатывая концепцию "новой структуры" для японского общества, Коноэ стремился объединить его и преодолеть барьеры партий, сословий и классов. Он, отказавшись от идеи создания собственной политической организации, призывал к самороспуску всех политических партий. Коноэ предложил ликвидировать профсоюзы, создав вместо них "комитеты управления", в которые входили бы представители рабочих, управляющих и

предпринимателей. Это, кстати, было учтено как менеджментом, так и профсоюзами в послевоенной Японии. Он пропагандировал идею "служения отечеству" и "помощи трону" в качестве объединяющей силы общества, призванного сплотиться вокруг своего харизматического лидера - императора Сёва.

Летом 1940 г. Коноэ был как никогда близок к реализации своих проектов, хотя натолкнулся на сопротивление даже таких, казалось бы близких ему по взглядам политиков, как адмирал Ёнаи, противника идей командования сухопутных войск и сторонник "южного варианта". Осуществление концепции "новой структуры" было невозможно без участия армии и репрессивных органов, которые в свою очередь требовали фактической монополии на власть в "новой структуре", предоставляя императору лишь сакральные функции и делая парламент и правительство заложником своих военноэкспансионистских планов. Проект "новой структуры" предусматривал добровольное объединение политических и интеллектуальных сил всех ориентаций (кроме, разумеется, коммунистов) на платформе единства национальных интересов, как понимал их Коноэ. Создание Ассоциации помощи трону и ее местных отделений по всей Японии осенью 1940 г. приблизило мечту Коноэ к жизни, но фактически с самого начала руководство в ней захватили наиболее агрессивные представители армии и ВПК.

Разумеется, ни сам Коноэ, ни его ближайшее окружение не были ни демократами, ни пацифистами. Речь шла только о разных взглядах на приоритеты во внешней политике, о расхождениях в методах и подходах. Коноэ был типичным империалистом евразийской ориентации и считал врагом номер один западный атлантистский блок, т.е. Англию и Соединенные Штаты. Он положительно воспринимал глобальный проект Оси Берлин-Москва-Токио, выдвинутый немецким геополитиком Карлом Хаусхофером (1869-1946) и дошедший до окружения Коноэ прежде всего через "связку" Зорге-Одзаки. Зорге был активным корреспондентом издаваемых Хаусхофером бюллетеней. Союз с Германией Коноэ воспринимал как глобальный баланс антиатлантического Запада и антиатлантического Востока, хотя сам не слишком доверял Гитлеру и не одобрял его политический курс. Будучи антикоммунистом, Коноэ был сторонником Антикоминтерновского пакта, но войны с СССР не желал по многим причинам. Еще в период своего первого кабинета он говорил: "Нет необходимости лишней раз повторять, что Япония и Советский Союз являются соседями на Дальнем Востоке и поэтому должны строить свои дружеские отношения на прочной основе"⁶. Пакт о ненападении между СССР и Германией и особенно сокрушительное поражение на реке Халхин-Гол остудили самые горячие головы из числа сухопутных генералов, желавший "скрестить мечи с Россией на полях Северной Маньчжурии" (расхожая пропагандистская формула тех лет) еще со времен неудачной попытки закрепиться в Приморье во время интервенции

1918-1920 гг. и "меморандума Танака". В том, что Япония не начала войну против СССР - во многом историческая заслуга принца Коноэ.

При всем при том принц-пассиснарий пользовался известной популярностью в армейских кругах, чего нельзя сказать о людях из его окружения. Коноэ считали слабым политиком, которым можно манипулировать, как это пытался, к сожалению, безуспешно, сделать генерал Хидэки Тодзио (1884-1948), военный министр во втором и третьем кабинетах Коноэ и его преемник на посту главы правительства. Осенью 1941г. отношения Коноэ и Тодзио накалились до предела, потому что Коноэ пытался предотвратить войну с США. Японские милитаристы рвались в бой. Хотя, как считают многие историки, Рузвельт и Хэлл также считали войну неизбежной и только ждали начала агрессии со стороны Японии, чтобы не принимать на себя ответственность за развязывание войны⁷. Отставка кабинета Коноэ 18 октября 1941 г. и его последующий уход с политической арены стали концом и его проектов, реализация которых начиналась достаточно успешно. В тот же день по приказу Тодзио был арестован Рихард Зорге, в тюрьме оказались сначала Одзаки, а потом и многие интеллектуалы из окружения Коноэ, как Тэйкити Каваи и Кинкацу Сайондзи. Коноэ считал, что "дело Зорге" - не что иное как провокация милитаристов, направленная лично против него⁸. Наиболее оголтелые противники принца требовали его немедленного ареста как государственного изменника. Любопытно, что уже после войны эти обвинения повторил заклятый враг Коноэ, глава проамериканского лобби в тогдашнем Токио Мамору Сигэмицу⁹, который только благодаря давлению американской стороны получил на Токийском процессе минимальный срок заключения.

Бойна на Тихом океане против США и Англии, а также бессмысленные зверства и жестокости японской армии навсегда похоронили надежду на создание "сферы сопроцветания Великой Восточной Азии", в которой Коноэ видел историческую миссию Японии как защитника и объединителя Азии против экономической и политической экспансии "белого империализма". "Доктрина Монро для азиатов", как назвал ее близкий к окружению принца философ Киеси Мики¹⁰, была официально выдвинута в качестве программы второго кабинета Коноэ в первой же правительственной декларации¹¹, а сам термин был употреблен в последовавшем за ней заявлении министра иностранных дел Мацуока¹². Традиционным идеологическим обеспечением новой доктрины стал лозунг "хакко итиу" ("восемь углов под одной крышей"), предусматривавший объединение Азии под верховенством Японии и создание Тихоокеанской империи. первыми звеньями которой должны были стать Япония, Китай Ван Цзинвэя и Манчжоу-го.

Внутренняя и внешняя политика Коноэ были тесно увязаны друг с другом. Близкий к правительственным кругам журнал "Кайдзо" в 1940 г. отмечал: "Новая политическая структура является внутренней подготовкой страны к новому порядку во всем мире, к новому порядку в Восточной

Азии"¹³. Примечательно, что сам термин "новый порядок" был введен именно окружением принца, а потом уже использован германской пропагандой. Коноэ видел единую сильную Японию во главе объединенной Азии, в которой всячески поддерживал таких антиевропейски ориентированных политиков как Ван Цзинвэй в Китае и Субхас Чандра Бос в Индии.

Тройственный пакт, заключенный Японией во время второго кабинета Коноэ, провозгласил в преамбуле одной из своих главных целей "создание и поддержание нового порядка, необходимого для того, чтобы народы в соответствующих районах Великой Восточной Азии и Европы могли пожинать плоды сосуществования и взаимного процветания", а вторая статья гласила: "Германия и Италия признают и уважают руководящее положение Японии в установлении нового порядка в Великой Восточной Азии"¹⁴. Чем это закончилось на практике, хорошо известно.

Политика компромиссов, на которую пошел Коноэ ради осуществления своих замыслов, оказалась порочной. Militarистские круги армии и тесно связанная с ними финансовая олигархия не разделяла планов принца, предпочитая уничтожать и грабить. Известно, что Коноэ сам порекомендовал генерала Тодзио в качестве своего преемника, но не от большой любви к этому человеку, прозванному сослуживцами "бритвой", а потому, что понимал безвыходность сложившегося положения. Армия жаждала войны, и остановить ее не мог уже никто. Так что не коварство и не корысть двигали принцем, а создание собственной беспомощности перед надвигающейся грозой.

Годы войны Коноэ провел вдали от большой политики и решил вернуться в нее только в начале 1945 г., когда поражение Японии стало уже очевидным. Смена руководства страны началась отстранением от власти Тодзио летом 1944 г., которого сменил кабинет генерала Койсо с адмиралом Ёнаи, также вернувшимся в политику после четырех лет пребывания на покое, в качестве морского министра и вице-премьера. Коноэ не претендовал на министерские посты, но 14 февраля 1945 г. во время аудиенции представил императору доклад о... коммунистической опасности в Японии, которая якобы исходила от высшего военного руководства¹⁵. Этот странный документ начал последний этап его политической карьеры, который Еситаке Ока справедливо называл "последнее поражение Коноэ"¹⁶. Окончательно сломленный и лишенный своего бывшего окружения, принц потерял ориентиры, странным образом сомкнувшись со своими злейшими врагами вроде Сигэмицу.

В августе он согласился войти в "капитуляционный" кабинет принца Хигасикуни в качестве министра без портфеля, де-факто выполняя обязанности вице-премьера. Однако император, озабоченный спасением нации, не поддержал его проектов, и Коноэ решил искать поддержки у Макартура, с которым он несколько раз встречался. После отставки кабинета Хигасикуни Коноэ рассчитывал занять пост премьер-министра обновленной Японии,

но оккупационные власти предпочли ему своих старых агентов влияния Кидзюро Сидохара и Сигэру Ёсида. Коноэ попытался возглавить комиссию парламента по выработке новой конституции, но победители не доверяли ему. "Нью-Йорк таймс" прямо писала, что если Коноэ будет поручено составлять проект новой, демократической конституции, то это будет так же странно, как сделать Квислинга королем Норвегии, Лавала - президентом Франции, а Геринга - главнокомандующим союзными войсками. 29 октября перевод статьи появился в крупнейших токийских газетах, а десять дней спустя Макартур издал приказ об аресте Коноэ и Кидо. Не персизбиравшийся с довоенных пор парламент со слезами на глазах, но единогласно "сдал" обоих, лишив их депутатской неприкосновенности.

Накануне определенного ему дня явки в тюрьму Сугамо он провел вечер с немногочисленными друзьями, а затем, поднявшись к себе, вручил старшему сыну свои предсмертные записки и несколько часов говорил ему о своей политической карьере, планах, успехах и неудачах. Откровенно говоря, Коноэ был сломлен зрелищем того, во что на самом деле превратились его глобальные проекты. Еситаке Ока применяет к его судьбе известную формулу "так проходит мирская слава". Пожалуй, это верно. Жизнь разбила все его иллюзии - а ведь еще летом 1945 г; он надеялся на личную встречу со Сталиным, надеялся убедить СССР выступить гарантом японских условий капитуляции. Так же летом 1941 г. он надеялся на личную встречу с Рузвельтом. Оба не захотели принять его. Принц-пассионарий слишком верил в силы и возможности отдельных людей, но ошибался, меряя все своей меркой. Он был романтиком, а политика особенно жестока к таким людям.

В ночь с 15 на 16 декабря Коноэ принял яд в своей спальне. Для многих его самоубийство стало неожиданностью, но один из секретарей принца позднее говорил: "Теперь, когда я оглядываюсь назад, для меня становится очевидным, что принц Коноэ никогда не собирался отдать себя в руки американских властей"¹⁷.

В предсмертных записках Коноэ пытался сложить с себя ответственность за войну с США, за агрессию в Китае, стремясь хоть как-то облегчить свою посмертную участь в условиях американской оккупации. Впрочем тогда же он сказал своему другу Томита: "Я готов подождать вердикта истории еще и следующую сотню лет"¹⁸.

¹ Johnson Ch. An instance of treason. Ozaki Hisumi and the Sorge spy ring. Tokyo, 1977, p. 114.

² "Нихон оеби нихондзин", 1918, 15.12.

³ См. его статьи "Новая эпоха во всемирной истории" ("Русская мысль", 1913, N 6) и "Война вне Европы" (Там же, 1914, N 8-9).

⁴ Oka Yoshitake. Konoe Fumimaro. A political biography. Lanham-N.Y.-London, 1992, p. 21.

⁵ Кадзэми Акира. Коноэ найкаку (Кабинет Коноэ). Токио, 1951.

⁶ Цит. по : Axelbank A. Black star over Japan. Rising forces of militarist. Tokyo, 1988, p. 191.

- Более точно источник цитаты установить не удалось.
- 7 Minear R.H. *Victors justice. The Tokyo war crimes trial*. Tokyo, 1984, p. 144-159.
 - 8 Johnson Ch. *An instance of treason*, p. 179-180.
 - 9 Сигэмицу Мамору. "Сева-но доран" (Потрясения эры Сева). Токио. 1952. т.2, с; 92-98.
Те же оценки повторены и в сокращенном английском варианте: Shigemitsu M. *Japan and her destiny*. London, 1958, p. 157,245.
 - 10 Johnson Ch. *Ibid*, p. 119.
 - 11 "Домэй дзюмпо", 1940, N 22.
 - 12 Там же.
 - 13 "Кайдзо, 1940, N 17. Цит. по: Латышев И.А. *Внутренняя политика японского империализма накануне войны на Тихом океане; 1931-1941*. М., 1955, с. 118.
 - 14 *История войны на Тихом океане*. Т.III. М., 1958, с. 363-364.
 - 15 *История войны на Тихом океане*. Т. IV. М., 1958, с. 252-258.
 - 16 Ока Yoshitake. *Ibid*, p. 215.
 - 17 Томиита Кэндзи. Хайсэн Нихон но утигава; Коноэ ко но омондэ (Проигравшая Япония изнутри. Воспоминания о принце Коноэ). Токио, 1962, с. 307.
 - 18 Цит. по: Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. *Суд в Токио*; М., 1980, с. 52. Более точно источник цитаты установить не удалось.

СЛОВАРЬ КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРЫ

Знакомство с иной культурой - это всегда погружение в сферу непривычных образов и понятий. Если их содержание адекватно истолковано, они становятся окном в духовный мир другого народа. Поэтому энциклопедическим словарям в межкультурном общении принадлежит не меньшая роль, чем словарям языковым. Скажем, русско-китайским.

Смысловое содержание образов и понятий китайской культуры отличается одной особенностью: в своей основе оно тождественно терминологии классической китайской философии. Ее концепции служили в Китае, странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии универсальным средством объяснения природных и социальных явлений, обоснования практической деятельности в любых областях. Поэтому толковый словарь по китайской философии одновременно становится компендиумом основ китайской и даже восточноазиатской региональной культуры.

Это обстоятельство стремились максимально учесть создатели словаря "Философская и общественно-политическая мысль Китая", подготовка которого к изданию завершена в Институте Дальнего Востока АН СССР под руководством директора института, доктора философских наук М.Л.Титаренко. В написании статей для словаря участвовали десятки китаеведов из разных научных учреждений и учебных заведений страны, а также зарубежные ученые, прежде всего специалисты Института философии АОН Китая (Пекин) и Университета Фудань (Шанхай). Словарь формировался таким образом, чтобы дать по возможности целостную картину развития философской мысли в Китае, показать ее связи с формированием традиционной науки, этико-политических и социальных доктрин, китайской культуры в целом. Эта картина, сложившаяся в результате известного компромисса между мнениями разных специалистов и историко-философских школ, вероятно, во многом несовершенна. Но в целом она объективно отражает историю развития философских идей, питавших культуру Китая.

Научная объективность в освещении китайской культуры приобрела особую важность в наши дни. Рыночная конъюнктура дала толчок активному тиражированию современных мифов, подогнанных под предрассудки "массового" сознания: от фантастических рассказов о "Книге перемен" до бесшабашного сочинения версий "философии боевых искусств Востока". В результате обилие информации парадоксальным образом ведет к сужению реального пространства межкультурного контакта Восток - Запад: подлинные достижения восточных цивилизаций заслоняются легендами - понятными,

доступными и потому легко принимаемыми на веру, но не всегда духовно и нравственно безобидными.

Серия публикаций под рубрикой "Словарь китайской философии и культуры" будет основана на журнальных вариантах статей словаря "Философская и общественно-политическая мысль Китая". Акцент предполагается сделать на освещении категорий классической китайской философии. Объяснение возникновения и процесса развития основных для культуры Китая понятий даст читателю возможность убедиться в том, насколько ошибочен может быть подход к культуре другого народа с мерками своего культурного опыта. И в том, что древность - отнюдь не синоним примитивности, а понятие, обозначенное одним иероглифом, подчас вмещает в себя столетия живой истории человеческой мысли. Раскрытие смыслового содержания основ китайской философии, науки и культуры облегчит понимание специфики различных философских школ и взглядов их ведущих мыслителей, роли наиболее известных письменных памятников в культуре Китая.

Но любой разговор об истоках и тенденциях развития философии Китая невозможен без указания на те основные русла, в которых это развитие протекало. В условиях Китая ими стали "три учения" (сань цзяо): конфуцианство, даосизм и буддизм. Они отличались крайним внутренним многообразием, остро конкурировали, но и тесно взаимодействовали, пересекались и даже сливались. Они выступали в качестве и идеологических доктрин, и религиозных систем, и комплексов мировоззренческих установок, неодинаково воспринимавшихся и по-разному функционировавших на разных уровнях китайской культуры, в те или иные эпохи. Основные черты, тенденции и особенности взаимодействия "трех учений" показаны в ниже публикуемых статьях, открывающих новую рубрику.

А.Юркевич, ответственный секретарь редколлегии словаря

Конфуцианство

Кит. жу цзя (цзяо) - "школа ученых-интеллектуалов". Древнейшая философская система и одно из трех главных этико-религиозных учений Дальнего Востока (наряду с даосизмом и буддизмом). Возникло в Китае на рубеже VI-V вв. до н.э. В оригинальном наименовании К. (жу) отсутствует указание на имя его создателя - Конфуция (VI-V вв. до н.э.), что соответствует исходной установке последнего - "передавать, а не создавать, верить древности и любить ее". Свое качественно новое, этико-философское учение Конфуций подчеркнуто идентифицировал с мудростью "святых-совершенномудрых" правителей полумифической древности, выраженной главным образом в историко-дидактических и художественных произведениях, древнейшие и авторитетнейшие из которых - восходящие к

концу II - первой половине I тысячелетия до н.э. каноны "Шу цзин" и "Ши цзин". Эта изначальная ориентация сделала опирающуюся на исторический прецедент нормативность и сообразуемую с канонами беллетризованность фундаментальными характеристиками всего К. Хранителям древней мудрости во времена Конфуция (VI-V вв. до н.э.) были отставленные от кормила власти ученые-интеллектуалы, специализировавшиеся в "культурной" (вэнь) деятельности, т.е. хранении и воспроизводстве письменных памятников и протонаучных штудиях, главным образом астрономо-астрологических (семантика "культуры"-вэнь охватывает и письменность, и астрономо-метеорологические явления). Они концентрировались в районе царства Лу, родины Конфуция (современная пров. Шаньдун), и, возможно, являлись потомками правящей верхушки государства Шан-Инь, покоренного в XII-XI вв. до н.э. племенным союзом Чжоу, находившимся на менее высоком уровне культурного развития. Видимо, их социальное падение отразилось в этимологическом значении термина жу - "слабый". Конфуций считал эту социальную слабость несовместимой с их культурно-интеллектуальной силой и выдвинул идеал государственного устройства, в котором при наличии сакрально вознесенного, но практически почти бездействующего правителя реальная власть принадлежит жу, соединяющим в себе свойства философов, литераторов, ученых и чиновников. С самого своего рождения К. отличалось осознанной социально-этической направленностью и стремлением к слиянию с государственным аппаратом.

Этому стремлению соответствовало теоретическое истолкование и государственной, и божественной ("небесной") власти в семейно-родственных категориях: "государство - одна семья", государь - "сын Неба" и одновременно "отец и мать народа". Государство отождествлялось с обществом, социальные связи - с межличностными, основа которых усматривалась в семейной структуре. Последняя же выводилась из отношений между отцом и сыном. С точки зрения К. отец считался Небом в той же мере, в какой Небо - отцом. Поэтому "сыновья почтительность" (сяо) в специально посвященном ей каноническом трактате "Сяо цзин" была возведена в ранг "корня благодати-добродетели (дэ)".

Развиваясь в виде своего рода социально-этической антропологии, К. сосредоточило свое внимание на человеке, проблемах его врожденной природы и приобретаемых качеств, положения в мире и обществе, способностей к знанию и действию и т.п. Воздерживаясь от собственных суждений о сверхъестественном, Конфуций формально одобрил традиционную веру в безразличное, божественно-натуралистичное, "судьбоносное" Небо и посредничающих с ним духов предков, что в дальнейшем во многом обусловило обретение К. социальных функций религии. Вместе с тем всю относящуюся к сфере Неба (Тянь) сакральную и онтолого-космическую проблематику Конфуций рассматривал с точки зрения значимости для человека и общества. Фокусом своего учения он сделал анализ взаимодействия "внутренних" импульсов человеческой природы, в идеале

охватываемых понятием "гуманность" (жэнь), и "внешних" социализирующих факторов, в идеале охватываемых понятием "этико-ритуальная благопристойность" (ли). Нормативный тип человека, по Конфуцию, - "благородный муж" (цзюнь цзы), познавший небесное "предопределение" (мин) и "гуманный", сочетающий в себе идеальные духовно-моральные качества с правом на высокий социальный статус. Соблюдение этико-ритуальной нормы ли Конфуций сделал также высшим гносеопраксеологическим принципом: "Не следует ни смотреть, ни слушать, ни говорить несоответствующее ли"; "Расширяя (свои) познания в культуре и стяживая их с помощью ли, можно избежать нарушений". Как этика, так и гносеопраксеология Конфуция зиждутся на общей идее универсального баланса и взаимосоответствия, в первом случае выливающейся в "золотое правило" морали (шу - "взаимность"), во втором - требование соответствия номинального и реального, слова и дела (чжэнь мин - "выправление имен"). Смысл человеческого существования, по Конфуцию, - утверждение в Поднебесной высшей и всеобщей формы социально-этического порядка - "Пути" (Дао), важнейшее проявление которого суть "гуманность", "должная справедливость" (и), "взаимность", "разумность" (чжи), "мужество" (юнь), "уважительная осторожность" (цзин), "сыновняя почтительность" (сяо), "братская любовь" (ди), "собственное достоинство", "верность" (чжун), "милостивость" (шу) и др. Конкретным воплощением Дао в каждом отдельном существе и явлении выступает "благодать-добродетель" (дэ). Иерархизированная гармония всех индивидуальных дэ образует вселенское Дао.

После смерти Конфуция его многочисленные ученики и последователи образовали различные направления, которых к III в. до н.э. было уже не менее восьми. Они развивали и эксплицитные этико-социальные представления Конфуция. Две целостные и противоположные друг другу, а потому впоследствии признанные ортодоксальной и неортодоксальной соответственно интерпретации К. в IV-III вв. до н.э. предложили Мэн-цзы и Сюнь-цзы. Первый из них выдвинул тезис об изначальной "доброте" человеческой природы (син), которой "гуманность", "должная справедливость", "благопристойность" и "разумность" присущи так же, как человеку - четыре конечности. Согласно второму, человеческая природа изначальна зла, т.е. от рождения стремится к выгоде и плотским наслаждениям, поэтому указанные благие качества должны быть привиты ей извне путем постоянного обучения. В соответствии со своим исходным постулатом Мэн-цзы сосредоточился на исследовании морально-психологической, а Сюнь-цзы - социальной и гносеопраксеологической стороны человеческого существования. Это расхождение сказалось и в их взглядах на общество: Мэн-цзы сформулировал теорию "гуманного управления" (жэнь чжэнь), основанную на приоритете народа над духами и правителем, включая право подданных свергать порочного государя; Сюнь-цзы сравнивал правителя с корнем, а народ - с листьями и считал задачей

идеального государя "завоевание" своего народа. Во II в. до н.э. в эпоху Хань, К. обрело статус официальной идеологии, победив главного конкурента в области социально-политической теории - легизм, и в то же время интегрировало ряд его кардинальных идей, в частности признало компромиссное сочетание этико-ритуальных норм ("благопристойности") и административно-юридических законов (фа). К. обрело черты всеобъемлющей системы благодаря усилиям "Конфуция эпохи Хань" - Дун Чжуншу, который, используя соответствующие концепции даосизма и школы инь ян цзя, детально разработал онтологическую доктрину К. и придал ему некоторые религиозные функции (учение о духе и "воле Неба"), необходимые для официальной идеологии централизованной империи. В целом в эпоху Хань (конец III в. до н.э. - начало III в. н.э.) было создано "ханьское К.", основное достижение которого - систематизация идей, рожденных "золотым веком" китайской философии (V-III вв. до н.э.), и текстолого-комментаторская обработка конфуцианской и конфуцианизированной классики. Реакцией на проникновение в Китай буддизма в первые века н.э. и связанное с этим оживление даосизма стал даосско-конфуцианский синтез в "учении о сокровенном" (сюань сюэ). Постепенное нарастание как идейного, так и социального влияния буддизма и даосизма вызвало стремление к восстановлению престижа К. Провозвестниками этого движения, вылившегося в создание неоконфуцианства, явились Ван Тун (конец VI - начало VII вв.), Хань Юй и Ли Ао (VIII-IX вв.). Возникшее в XI в. неоконфуцианство поставило перед собой две главные и взаимосвязанные задачи: восстановление аутентичного К. и решение с его помощью на основе усовершенствованной нумерологической методологии комплекса новых проблем, выдвинутых буддизмом и даосизмом. В предельно компактной форме эти задачи первым решил Чжоу Дуньи (XI в.), идеи которого через столетие получили всесторонне развернутую интерпретацию в творчестве Чжу Си. Его учение, поначалу считавшееся неортодоксальным и даже подвергшееся запрету, в XIV в. получило официальное признание и стало основой понимания конфуцианской классики в системе государственных экзаменов вплоть до начала XX в. Чжусианская трактовка К. доминировала в сопредельных Китае странах - Корее, Японии, Вьетнаме. Основную конкуренцию чжусианству в период правления династии Мин (XIV-XVII вв.) составила школа Лу Цзююаня - Ван Янмина, идейно господствовавшая в Китае в XVI-XVII вв. и также получившая распространение в сопредельных странах. В борьбе этих школ на новом теоретическом уровне возродилась исходная для К. оппозиция экстернализма (Сюнь-цзы - Чжу Си; последний лишь формально канонизировал Мэн-цзы) и интернализма (Мэн-цзы - Ван Янмин), в неоконфуцианстве оформившаяся в противоположные ориентации на объект или субъект, внешний мир или внутреннюю природу человека как источник постижения "принципов" (ли) всего сущего, в том числе и моральных норм. В XVII-XIX вв. оба ведущих учения - Чжу Си и Ван

Янмина - подверглись критике со стороны эмпирического направления (пу сюэ - "учение о естестве", или "конкретная философия") во главе с Дай Чжэнем. Оно сконцентрировалось на опытном исследовании природы и научно-критическом изучении конфуцианской классики, взяв себе за образец текстологию ханьского К. С конца XIX в. развитие К. в Китае так или иначе связано с попытками ассимиляции западных идей и возвращением от абстрактных проблем сунско-минского неоконфуцианства и цинско-ханьской текстологии к конкретной этико-социальной тематике первоначального К. В середине XX в. в учениях Фэн Юланя и Сюн Шили конфуцианская позиция экстернализма и интернализма соответственно возродилась на более высоком теоретическом уровне, сочетающем неоконфуцианские и отчасти буддийские категории со знанием европейской и индийской философии. Современные неоконфуцианцы (Моу Цзунсань, Ду Вэймин и др.) в этическом универсализме К., трактуящего любой пласт бытия в моральном аспекте и породившего "моральную метафизику" неоконфуцианства, усматривают идеальное сочетание философской и религиозной мысли. В Китае К. было официальной идеологией до 1912 г. и духовно доминировало до 1949 г.; ныне подобное положение сохранилось на Тайване и в Сингапуре.

А.И. Соболев - по С.И. М.

Даосизм

Термин западной науки, обозначающий одно из главных направлений китайской философии и традиционную религию Китая. В конфуцианской традиции утвердилось противопоставление философского Д. (дао цзя - "школа Дао") и религиозного (дао цзяо - "учение Дао", "почитание Дао"). Эта трактовка была воспринята европейской синологией XIX в. и легла в основу интерпретации истории Д. как постепенной деградации философского учения, а также обусловила жесткое разграничение философских и религиозных аспектов Д. Однако в даосских текстах термины дао цзя и дао цзяо употребляются как взаимозаменяемые, а первый из них в библиографических разделах раннесредневековых династийных историй обозначал рубрику, в которую их составители включали все известные им даосские сочинения без выделения "религиозных". Философские построения, составившие фундамент даосского религиозного учения, в средние века продолжали развиваться в его русле.

Важнейшим в даосской философии является учение о Дао, интерпретирующее одну из основных категорий китайской культуры. Дао в Д. выступает как субстантивированная закономерность всего сущего, закон спонтанного бытия космоса, человека и общества; порождающее начало, генетически предшествующее миру вещей (у); принцип циклического времени; "путь", образ жизни подвижника, стремящегося к единению с Дао как онтологической сутью мира. Дао присуща благая сила дэ (досл. "добродетель"), посредством которой оно проявляет себя, причем конечные

"вещи" выступают как воплощение или "оформление" Дао. Оно может выступать и синонимом единого мирового целого (Да куай - "Великий ком"), или "изначальной пневмы" (юань ци). К ведущим даосским концепциям относятся также принципы цзы жань ("естественность", спонтанность Дао) и у вэй ("недеяние", или отсутствие произвольной целеполагающей деятельности, не согласной с естественным миропорядком, основанным на спонтанности, беспредпосылочности Дао). На принципе "недеяния" должно быть основано и совершенное правление. Мудрый правитель следует Дао, опираясь на естественные свойства вещей, и не пытается "упорядочить Поднебесную" посредством искусственных способов. Таким образом восстанавливается изначальное "сокровенное единение" (сюань тун) и равенство всего сущего, тогда как отступление от Дао и "недеяния" приводит к преждевременной гибели людей, нарушению космической гармонии и смуте. Из учения об управлении на основе "естественности" и "недеяния" некоторые даосские мыслители, например Бао Цзиньянь (IV в.), делали радикальные выводы, утверждая несосместимость с Дао сословного деления и даже наличия государя, хотя ортодоксальный Д. никогда не подвергал сомнению сакральный характер императорской власти.

Согласно учению Д., эгоистические устремления и отступление от Дао порождают заблуждения у людей, которые начинают членить мир на отдельные вещи, понимаемые как самосушие единичности. Однако Дао не имеет никаких границ и разделений: в Дао-вселенной все уравнено и объединено в единое и нечленимое целое. Все противоречия гармонизированы, субъект и объект не противопоставлены, различия не имеют сущностного характера и не принадлежат объектам самим по себе. Отсюда вытекает своеобразный релятивизм даосской философии. Для мудреца, постигшего истину и обретшего единение с Дао-космосом, не существует представления о противоположности жизни и смерти, которое заменяется учением о всеобщности метаморфоз-трансформаций (хуа). С их потоком и объединяется мудрец, что дарует ему, по религиозной доктрине Д., бессмертие. "Учение об обретении бессмертия" является основой сотериологической доктрины Д. Для него характерно представление о подобии микро- и макрокосма. Человек рассматривается как единое психосоматическое целое, не членимое на духовную (душа) и материальную (тело) составляющие. Духовное начало - "дух" (шэнь) - трактуется лишь как "утонченное" состояние квазиматериальной субстанции - "пневмы" (ци). "Дух" гибнет со смертью тела и растворяется в мировой "пневме", но Дао-универсум вечен, следовательно, вечным может быть и подобный ему человек. Бессмертие достигается путем уподобления Дао, слияния с ним как источником жизни посредством религиозного созерцания, дыхательного и гимнастического тренинга, сексуальной гигиены, алхимии и т.п. Тело адепта, "достигшего бессмертия" (сянь), приобретает ряд сверхъестественных качеств и "одухотворяется".

История Д. может быть разделена на два этапа: зарождение и формирование (до II в.); развитие сформировавшегося направления.

Предпосылки к возникновению Д. коренились в религиозных представлениях древности. Возможно, что его истоки связаны с шаманскими верованиями царства Чу (бассейн р.Янцзы) и учениями магов (фанши) северо-восточных царств Ци и Янь периода Чжаньго ("Сражающихся царств", - V-III вв. до н.э.). В IV-III вв. до н.э. в результате философской рефлексии на стихийно сформировавшиеся в предыдущую эпоху представления возникает учение, сторонники которого отнесены в историографических сочинениях II-I вв. до н.э. к "школе Дао и дэ" (Дао дэ цзя). Это учение представлено в таких памятниках, как приписываемый полубогородному мудрецу Лао-цзы "Дао дэ цзин" и излагающий взгляды философа IV-III вв. до н.э. Чжуан Чжоу трактат "Чжуан-цзы". Однако авторы данных текстов еще не пользовались никаким самоназванием. Это может рассматриваться как свидетельство того, что появление "учения о Дао и дэ" еще не означало возникновения целостной идеологической системы. Из других крупных мыслителей древности к основоположникам философии Д. относят Ле Юйкоу (Ле-цзы, ок. IV-III вв. до н.э.) и склонного к эклектизму Лю Аня (Хуайнань-цзы, II в. до н.э.).

Д. как религиозно-философская система формируется на рубеже н.э. в результате синтеза учения Лао-цзы - Чжуан-цзы; доктрин натурфилософов (иньян цзя); концепции "духа" как предельного выражения процесса изменений, описанного в "Книге перемен" ("Чжоу и"); верований шаманов и магов; представлений о "бессмертных святых" (сянь, шэнь сянь). Даосы считают, что их учение восходит к глубокой древности, когда его тайны были открыты мифическому Желтому императору (Хуан-ди). Поэтому иногда Д. именуется учением Хуан-ди - Лао-цзы. Во II в. обожествляется и сам Лао-цзы, именуемый Лао-цзюнь (Государь Лао) и рассматриваемый как "воплощение", или "тело Дао" (Дао чжи шэнь, Дао чжи ти, Дао чжи син). Возникновение развитого Д. отмечено началом процесса его организационного оформления. Во II в. появляется первое институционализированное даосское направление - Тяньши дао ("Путь Небесных наставников"), другие названия Чжэнь дао ("Путь Истинного единства"), Удоуми дао ("Путь пяти мер риса"). Первым ее патриархом (Небесным наставником) считается Чжан Даолин (I-II вв.), якобы получивший откровение от обожествленного Лао-цзы и право быть его заместителем на земле. Титул Небесного наставника передается в роду Чжан по наследству до настоящего времени. В IV в. возникают два даосских направления - школа Маошань (топоним), или Шанцин ("Высшей чистоты") и Линбао ("Духовной драгоценности"). Они стремились совместить символический ритуализм "Небесных наставников" с оккультно-алхимической традицией южнокитайского Д. и уделяли значительное внимание приемам медитативного созерцания. Тогда же начинает формироваться собрание даосской литературы - "Дао цзан", впоследствии

объединившее огромное количество сочинений по различным вопросам даосской философии и культовой практики.

В VII-VIII вв. под влиянием буддизма возникают институт даосского монашества и монастыри, а в религиозной практике Д. начинают преобладать психотехнические методы (медитация), основное внимание уделяется приемам внутреннего самосовершенствования. Эта тенденция привела к появлению в XII в. в Сев. Китае новых даосских школ, важнейшая из которых - Цюаньчжэнь цзяо ("Учение Совершенной истины") - вплоть до настоящего времени является ведущим даосским направлением. Основное внимание эта школа уделяет нравственному совершенствованию и практике религиозного созерцания; для нее также характерно требование обязательного принятия монашества для духовенства (дао ши). К XII в. завершается и формирование даосского пантеона. В центре его находится "Триада чистых" (Сань цин), или "Небесные достопочтенные" (Тянь цзунь) - персонификации аспектов Дао, а также божества - его эманации, соответствующие последовательным этапам космогонического процесса, рассматривавшегося даосами как "саморазвертывание" Дао. В средние века в ходе формирования китайского религиозного синкретизма Д. становится одной из составляющих идеологического комплекса сань цзяо ("три учения") наряду с конфуцианством и буддизмом. Материал для своих религиозных концепций и пантеона он активно черпал из народных верований, в то же время оказывая на них огромное влияние: например, "учение о бессмертии" выступает там в виде культа долголетия, а доктрина Дао как источника жизни - в форме культа многодетности, богатства и т.п. Хотя даосские направления имели равный статус и обычно не противопоставлялись по принципу "ортодоксия - ересь", на основе Д. возникали религиозные секты, с которыми ортодоксальные школы вели такую же непримиримую борьбу, как и конфуцианство. "Ереси" (се цзяо) даосского толка часто становились идеологической базой антиправительственных тайных обществ (Тайпин дао - "Путь Великого равенства", Байлянь цзяо - "Учение Белого лотоса" и др.) и крестьянских выступлений (например, восстание "Желтых повязок" в 184 г., сокрушившее империю Хань).

Самыми видными представителями средневековой даосской мысли были Гэ Хун (IV в.) Ван Сюаньлань (VII в.), Ли Цюань (VIII в.), Тань Цяо (Тань Цзиншэн, X в.), Чжан Бодуань (XI в.). Предположительно в VIII в. создан трактат "Гуань Инь-цзы", приписываемый традицией ученику Лао-цзы Инь Си и почитаемый даосами. Конфуциански образованная интеллектуальная элита нередко проявляла интерес к философии Д., абстрагируя ее от религиозного контекста. Наиболее интенсивным было внимание к нему в III-IV вв., после падения династии Хань и определенной дискредитации ее официальной идеологии - конфуцианства. В то время даосские идеи активно использовались мыслителями направления сюань сюэ, иногда некорректно именуемого в западной научной литературе "неодаосизмом", хотя его проблематика и содержание во многом имели

конфуцианский характер. Восприняв некоторые существенные элементы философии и культовой практики буддизма (отдельные методы психотехники, религиозные символы, обряды, сутры и церковную организацию), Да. в свою очередь способствовал его адаптации на китайской почве, предоставив ему терминологический аппарат для перевода буддийских понятий с санскрита и философские концепции, облегчавшие изложение буддийского учения в привычных китайцам формах. Д., как и буддизм, воздействовал на формирование и развитие неоконфуцианства, подвергнувшего ряд даосских понятий и философских доктрин (преимущественно в трактовке сюань сюэ) этической интерпретации.

Д. оказывал сильное и постоянное влияние на литературу, искусство и другие аспекты китайской культуры, на развитие традиционных форм научного знания в средневековом Китае. В частности, занятия даосской алхимией способствовали накоплению богатого эмпирического материала в области химии. Воздействие Д. сказалось на традиционной медицине как в сфере теории (учение о подобии человеческого тела и Вселенной, взгляды на функционирование и строение организма), так и практики (иглотерапия, фармакология). Вместе с тем элементы научного знания были тесно связаны с религиозно-мистической доктриной Д. и вне ее не привлекали интереса его адептов.

На протяжении своей истории Д. временами пользовался покровительством властей - при династиях Цинь (221-207 гг. до н.э.), Ранняя (Западная) Хань (конец III в. до н.э. - начало I в. н.э.), в период Северных и Южных династий (V-VI вв.), в эпохи Тан (VII-X вв.) и Северная Сун (X-XIII вв.), - но иногда подвергался гонениям - при монгольской династии Юань (XIII-XIV вв.) и маньчжурской династии Цин (1644-1911 гг.). В КНР существует Ассоциация последователей Д., которую в 1980 г. возглавил Ли Юньхан, священнослужитель школы Цюаньчжэнь цзяо. Д. популярен на Тайване и в Сянгане (Гонконге), а также среди китайских общин в эмиграции.

Е.Торчинов

Буддизм

Философско-религиозное течение, начавшее проникать в Китай на рубеже н.э. из Индии. Процесс адаптации Б. к китайской культуре продолжался несколько столетий и привел к возникновению самобытных форм буддийской философии и культовой практики.

Согласно традиции, основателем Б. считается индийский принц Сиддхартха Гаутама (VI-V вв. до н.э.) из племени шакья (сакья), впоследствии получивший имя Будды - "Просветленный". Б. зародился в Индии как ответвление от брахманизма или, по другой версии, в противовес ему в среде добрахманистской культуры. В противоположность брахманизму

Б. декларировал равенство людей независимо от сословной и кастовой принадлежности, а также выступал против доктрины атмана - субстантивированного "Я", "души", всепроникающего и постоянного духовного начала. Вместо него Б. рассматривает поток последовательных состояний как источник иллюзии постоянной души. Предмет буддийской философии изначально составила психология, или теория сознания. Она опосредовала онтологическую проблематику Б., в котором мир предстает как отраженный в сознании психокосм. Главной целью Б. полагает выход из круга сансары (луньхуэй) - цепи смертей-рождений, в которой статус живого существа при каждом следующем рождении определяется соотношением положительной и отрицательной активности в предыдущем существовании - кармой (е). "Спасение" мыслится как погружение в нирвану - "состояние Будды", абсолютного покоя, освобождения от страстей и желаний, а потому от имманентных им страданий. Нравственный идеал Б. - ахимса, абсолютное непричинение вреда окружающему. Философская проблематика Б. в целом сводится к анализу психики в связи с обоснованием путей "спасения", а религиозная практика - к их осуществлению.

В I-III вв. до н.э. Б. разделился на два основных направления: хинаяну и махаяну. Хинаяна (кит. чэн - "малая колесница") - ортодоксальное буддийское течение, сторонники которого называют его тхеравада ("учение старейших"). Хинаяна нацеливает на индивидуальный монастырский путь спасения. Она рассматривает нирвану как абсолютную статику "непроявленного" состояния бытия, когда прекращается "волнение" реальных психофизич. элементов - дхарм, череда комбинаций которых образует нереальные "Я" и мир в "проявленном" состоянии бытия. Наибольшее распространение получили в Китае школы махаяны (да чэн - "великой колесницы"), предполагающей возможность спасения в миру с помощью божеств - будд и бодхисатв. В одном из главных направлений махаяны - мадхьямике (шуньяваде) - Вселенная предстает как целостность, в которой наличествует только "пустота" - шунья. Шуньявада утверждает в качестве сущности дхарм "пустотность" - шуньяту, которая выступает в роли абсолюта и отождествляется с мистическим "телом Будды", или "телом Закона" (санскр. дхармакайя, кит. фа шэнь). "Тело Закона" в свою очередь объявляется тождественным нирване. Тезис о тождестве "проявленного" (сансара) и "непроявленного" (нирвана) бытия подкрепляет учение махаяны о необходимости положительной активности как деятельного служения, о бодхисатвах - потенциальных буддах, отказывающихся от нирваны, чтобы помочь другим в ее обретении.

Буддийские проповедники проникли в Китай по Великому шелковому пути, видимо, из Кушанского царства (на стыке Северной Индии и Средней Азии). Традиция считает первым центром Б. монастырь Баймасы близ Лояна (пров. Хэнань). Первым переводчиком буддийских текстов на китайский язык, имя которого сохранила история, был Ань Шигао, прибывший из Парфии в 148 г. Посвящения китайских послушников в монахи стали

регулярными в III в. в монастыре Баймасы при Дхармакале - виднейшем деятеле китайского Б. того времени. С конца III в. крупным центром Б. стал Чанъань - резиденция Дхармаракиши, выходца из Восточного Туркестана, переводчика и организатора перевода важнейших текстов махаяны. В IV - начале V в. при Кумарадживе переводческая деятельность иностранных миссионеров достигла пика и в ней уже широко участвовали буддисты-китайцы.

В условиях раздробленности страны и междоусобиц, уменьшения авторитета конфуцианства внимание образованных слоев общества в значительной степени переключилось на даосские и буддийские доктрины. Росту влияния Б. в народной среде способствовала его религиозно-магическая практика. Кроме того, в обстановке политической неустойчивости и смут буддийские монастыри могли обеспечить защиту членам монашеской общины - сангхи, крестьянам, обрабатывавшим монастырские земли и нередко отдававшим свои наделы монастырю в обмен на его покровительство.

Расцвет Б. в Китае приходится на VI-VIII вв., когда там насчитывалось несколько десятков тысяч монастырей, миллионы монахов и послушников. Важнейшими социальными функциями Б., сохранившимися в последующие столетия, стали обеспечение погребальных церемоний, поминовение душ усопших, благотворительность - помощь голодающим, больным и т.п.

Первоначально Б. воспринимался в Китае как одна из форм даосизма. Б. и даосизм выполняли сходные социальные функции (помощь в достижении идеала спасения или освобождения, ритуально-магическое "обеспечение" повседневной жизни и т.п.), ставили близкие философские проблемы и приходили к похожим решениям (невозможность выражения и описания истинносущего, негативная оценка привязанности к профаническим объектам и т.п.), использовали психотехнику для достижения измененных состояний сознания, определяемых традицией как "совершенные". При переводе буддийских текстов использовались главным образом термины даосизма, например категория дхарма как "доктрина" передавалась терминами дао или фа (закон) и т.д. Только с начала V в. во многом благодаря Даоаню и Кумарадживе метод толкования буддийских доктрин через реалии китайской философии стал уступать место попыткам выражения исходного содержания санскритских терминов, данных в транскрипции, или созданию китайских неологизмов. Среди первых китайских буддистов получила распространение доктрина "просвещения варваров", согласно которой Б. был проповедан в Индии прибывшим туда Лао-цзы. Позднее эта доктрина была заимствована даосами и стала средством критики самостоятельной ценности Б.

Примерно с III в. начало становится все более явным расхождение ряда буддийских и присущих китайской культуре установок. Например, общепринятое в Китае отношение к жизни как высшему благу, дарованному человеку Небом, затрудняло восприятие буддийской доктрины сансары с ее отношением к жизни как цели страданий. Исходный акцент Б. на улучшение

личной кармы противоречил установке на процветание прежде всего семьи, рода, культу предков. В III-VI вв. одним из важным пунктов обвинений в адрес Б. была проповедь им аскетизма, в которой конфуцианские идеологи усматривали небрежение телом, дарованным человеку предками, и, таким образом, неуважение к ним, к задаче продолжения рода как социальному долгу. В вину Б. ставилась также несостоятельность буддийских доктрин познания, в которых конфуцианцы видели проповедь субъективизма и произвола, абсолютизацию роли индивидуального сознания - "сердца" (синь).

Стержнем полемики представителей раннего китайского Б. со сторонниками других идейных течений стала проблема "неуничтожимости души (духа)" (шэнь бу ме). Она стала следствием онтологизации проблематики Б. в Китае, результатом взаимопроникновения доктрин кармы, сансары и китайских представлений о субстанциальности явленного и неявленного мира. Трактую психику как субстанциальный дух (шэнь), а череду психических состояний - как неизменную духовную сущность наподобие брахманистского атмана, китайский Б. фактически встал на защиту отвергнутого индийскими буддистами учения о неизменности, вечности и самотождественности психики. Это встретило отпор со стороны конфуцианских мыслителей (например, Фань Чжэня, V - начало VI в.), не допускавших мысли о посмертном существовании индивидуального духовного "Я" вне индивидуального психосоматического единства. Онтологизация буддийской философии в Китае проявилась также в обретении субстанциальности "пустотностью"-шуньятай (кун): она стала рассматриваться в качестве "неоформленного" бытия, предшествующего миру "оформленных" вещей. В китайском Б. появились пантеистические мотивы: Будда в аспекте дхармакайа ("тело Закона") начал восприниматься как субстанция и основа всего сущего, источник и конечная цель мира. Напр., Сунь Чо (IV в.) определил Будду как "воплотившееся Дао".

"Китаизация" буддийских доктрин привела к возникновению самобытных школ Б., крупнейшие из которых развивали традиции различных направлений махаяны. Например, школа Саньлунь, основателями которой считаются Саньлань (VI в.) и Цзицан (VI - нач. VII в.), продолжила учение мадхьямики, наиболее радикально отрицающее реальность и внешнего, и внутреннего мира. Учение школы Вэйши восходит к реформированной в VII в. Сюаньцаном и его учеником Куйцзи традиции виджнянавады (йога-чары), в отличие от мадхьямики признающей реальность внутреннего мира. Ряд школ китайского Б. махаяны, например Хуаянь, Чань и Тяньтай, не имеют индийских аналогов. Школа Хуаянь, основы учения которой заложены Душунем (VI-VII вв.) и систематизированы Фацзаном (VII - начало VIII в.), сочетала положения мадхьямики и виджнянавады, рассматривая мир как универсум, полностью присутствующий в каждом из составляющих его элементов. Хуаянь, акцентировавшая разработку философских проблем бытия, дополняла и подкрепляла теоретические основания школы Чань, делавшей упор на практику постижения высшей истины посредством

интуитивного озарения. Ее создание приписывается полуполюгендарному индийскому миссионеру Бодхидхарме (конец V - начало VI в.), а оформление ее основных доктрин связывается главным образом с именем Хуэйцэна (VII в.). Одно из крупнейших ранних течений китайского Б. школа Тяньтай, основные доктрины которой разработал Чжи (VI в.), стремилась к синтезу учений других направлений махаяны, настаивала на идее присутствия "природы Будды" в любой вещи.

Проникал в Китай и тантрический Б. ваджраяны, наиболее тесно связанный с магической практикой и учениями о половых энергетических началах. Он был представлен школой Мицзун, не выдержавшей конкуренции с даосской магией, но оказавшей глубокое влияние на культовую практику, психотехнику, иконографию даосизма и китайского Б.

Особое место в китайском Б. занимает школа Цзинту, возникновение которой связывают с именем Хуэйюаня (конец IV - начало V в.). Популярная в народе идея "счастливой земли", где обитают божества и "святыс-бессмертные", была сопряжена со схожими буддийскими представлениями и культом будды Запада Амитабхи (амидизмом), нацеливавшим адептов на возрождение в "Западном рае", или "Чистой земле" (Цзинту). В сочетании с культом Матрени - будды грядущего - амидизм лег в основание миллениаристской идеологии многих народных сект буддийского толка и тайных обществ.

Китайский Б. способствовал усилению проидеалистических тенденций в китайской философии, проявившихся в проблематике и понятийном аппарате даосизма и неоконфуцианства. Например, в даосизме появились креационистские идеи, не свойственные ни китайской традиции, ни индийскому Б.; центральные в неоконфуцианстве категории ли ("принцип") и синь ("сердце") были разработаны при участии буддийской мысли и т.п.

Некоторые даосские и конфуцианские мыслители сознательно обращались к буддийским идеям (например, Сунь Чо, IV в.; Ван Янмин, конец XV - начало XVI в.; Ван Тинсян, XVII в.), но по преимуществу воздействие буддийских доктрин на китайскую идеологию проходило опосредованно и стихийно по мере адаптации Б. к китайской культуре. На уровне "книжной" культуры дистанция между Б. и его идеологическими оппонентами неизменно сохранялась.

Б. периодически подвергался гонениям, наиболее сильным - в середине IX в., во времена правления императора Уцзуна. Особенно пострадали школы Хуаянь и Тяньтай. В последующие годы, особенно в эпохи Юань (XIII-XIV вв.) и Мин (XIV-XVII вв.), Б. не раз переживал полосы расцвета, однако его школы уже никогда не достигали такого мощного интеллектуального подъема, как в VI-VIII вв. Развитие теоретического наследия школ китайского Б. нашло продолжение в Японии и Корее. В Тибете и Внутренней Монголии преобладает Б. так называемого ламаистского толка (тибето-монгольская версия поздней индийской традиции махаяны).

К началу XX в. Б. в Китае почти полностью растворился в синкретической народной религии. Однако начавшееся в конце XIX - начале XX в. обновленческое движение в Б. приостановило этот процесс. "Обновленцы" ставили перед собой задачу возрождения Б. в "первоначальной чистоте" и в то же время его модернизации, с тем чтобы его идеология и практика больше соответствовали текущим потребностям страны. В 1912 г. была создана Ассоциация китайских буддистов, затем подобные организации возникли в различных городах и провинциях Китая. Все они преследовали цели защиты собственности буддийских общин, объединения последователей Б., усиления его влияния на общественно-политическую жизнь страны. Однако острые разногласия между их лидерами помешали ассоциации стать значительной общественной силой. Ассоциация китайских буддистов была воссоздана в 1953 г.

Е. Торчинов, А. Юркевич, Л. Янгутов

ТРАДИЦИИ И ОБЫЧАИ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КИТАЙСКИХ БОГОВ БОГАТСТВА

В. Малявин

В обширном и пестром пантеоне традиционной народной религии китайцев одними из самых своеобразных и примечательных персонажей являются так называемые боги богатства (цай шэнь), т.е. божества, распоряджающиеся богатствами мира и дарующие их своим приверженцам. Культ этих богов - явление настолько же уникальное для Китая, неизвестное у других народов Восточной Азии, насколько и популярное в старом китайском обществе. По этой же причине исследование богов богатства - их происхождения, эволюции, социальной роли и т.д. - весьма важно для понимания характера и особенностей традиционной китайской культуры.

Китайские боги богатства в том виде, в каком они сформировались в последние столетия существования императорского Китая и стали доступными этнографическому наблюдению - это многочисленная категория божеств весьма разных по своим историческим и культурным истокам, облику и характеру, со своими устойчивыми атрибутами и символами. Обращаясь к обрядам и верованиям, касающимся богов богатства, мы сталкиваемся, в сущности, не только и даже не столько с культом определенного божества, сколько с различными преломлениями фундаментальной идеи китайской религии - идеи о том, что почитание божеств имеет целью преуспевание и благоденствие в этом мире. А достижимо ли благоденствие в этой жизни без обладания богатством?

Мечта об обогащении пронизывает все стороны религиозности китайцев и с большей или меньшей очевидностью заявляет о себе в самых разных религиозных представлениях и обрядах китайцев. На завершающей стадии развития китайской религии, в эпоху царствования династии Цин (1644-1911), когда под воздействием городской культуры сложился как бы синтетически-обобщенный образ китайской культурной традиции, бог богатства был известен более всего по его лубочным изображениям. На народных лубках он изображался в виде чиновника, носящего титул "Небесный чиновник, дарующий счастье". Бог богатства обычно восседал у

Малявин Владимир Вячеславович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

чайного столика в окружении помощников: "Отрока, привлекающего богатства", и "Божественного чиновника прибыльной торговли". Известны и другие прозвища того же божества, например: "Бог богатства, распоряжающийся счастьем", "Приносящий счастье бог богатства и драгоценностей" и проч. Большой популярностью пользовались изображения богов богатства в костюмах гражданских и военных чиновников, причем в этом качестве они часто появлялись на воротах домов в Новый год, выполняя обязанности такой специфически китайской группы божеств, как "дух-стражи ворот" (мэнь шэнь). Как "воснный" бог, божественный распорядитель богатства отождествлялся в китайском фольклоре с богом Гуань-ди - обожествленным полководцем Гуань Юем, а как "гражданский" - с божественным покровителем учености Вэньчаном. В Южном Китае существовали боги богатства из разряда божественных правителей той или иной местности; в этом качестве его именовали "Истинным богом счастья и добродетели" (Фудэ чжэншэнь). Наконец, нередко были изображения бога богатства в обществе его супруги - так называемой "Матушки богатства" (цай му).

В позднем китайском фольклоре бог богатства обзавелся свитой и устойчивым набором аксессуаров. Помимо уже названных слуг бога богатства, его постоянными спутниками стали небожитель Лю Хай с трехлапой жабой, заглатывающей монету, бессмертные двойники Хэ=Хэ, резвящиеся мальчишки, дракон, составленный из монет или монеты изрыгающий, так называемая "драгоценная лошадь", навьюченная тюками с сокровищами. Постоянными атрибутами бога богатства стали "таз, в котором скапливаются сокровища" (цзюйбаопэнь), "дерево, с которого трясут деньги" (яоцянъшу), ветки кораллов, жемчуг и проч.

По всему Китаю чествование бога богатства были приурочено к новогодним празднествам, что и не удивительно, ведь в народном сознании китайцев встреча Нового года давала надежду и на приход нового богатства. Недаром новогоднее поздравление у китайцев еще и в наши дни гласит: "почтительно желаю радоваться и богатеть". В описании календарных обрядов жителей г.Сучжоу, составленном в первой половине XIX в. ученым Гу Лу, рассказывается о том, как в Новый год (точнее, утром пятого дня нового года) сучжоусцы совершали поклонение богу богатства, известному под именем Бог Пяти дорог: "Рано утром люди бьют в гонги, поджигают пороховые хлопушки и выставляют на домашнем алтаре жертвенное мясо и вино, желая завладеть прибылью в торговых делах. Почтить бога нужно как можно раньше"¹. Не обходилось и без попыток особым образом задобрить божество. Многие жители Сучжоу клали на жертвенный столик нож и посыпали последний солью, что называлось "давать в руку"². Существовал обычай в этот день дарить родственникам и друзьям овощи, завернутые в красную бумагу, ибо слово овощи в китайском языке является омонимом слова "богатство"³. В Шаньдуне в жертву богу богатства следовало приносить в первую очередь пельмени - главную обрядовую еду Новогоднего

праздника⁴. В провинции Аньхой богу богатства подносили рыбу голову, клубни стрелолоста, сладкий картофель и просили его придти "угоститься вином"⁵. В Чжэцзяне богу богатства жертвовали горку рисовых пирожных⁶. Чествование бога богатства повсюду сопровождалось сожжением жертвенных бумажных денег.

Поклонения богам богатства и фольклорные представления об этих богах при всех их локальных особенностях вполне вписываются в общекитайский стереотип религиозного культа. Нельзя сказать, однако, чтобы эта категория божеств полностью растворялась в массе безликих "небесных чиновников" и "бодхисатв", из которых состоит пантеон народной религии Китая. Наиболее популярные боги богатства имели свои безошибочно узнаваемые отличительные черты. Это относится прежде всего к двум их разновидностям: божеству, известному под именем Воеводы Чжао (Чжао-юаньшуай), или Воеводы Чжао Северного алтаря, и уже упоминавшемуся Божеству Пяти дорог (У-лу шэнь). Именно в этих двух обликах бога богатства почитали по всему Китаю.

Согласно устойчивой иконографической традиции, воеводу Чжао изображали сидящим верхом на тигре (реже драконе) с "железной плетью" в руке. Впрочем, на лубочных картинках Воевода Чжао часто сидит за жертвенным столом, на котором стоит большая курильница и разложены слитки серебра. Но самый важный признак Воеводы Чжао - устрашающее темное лицо, которое подтверждает его звание бога "темного алтаря". Воеводу Чжао также легко узнать по его густой бороде и всклокоченным волосам.

В официальной биографии Воеводы Чжао в "Полном своде разысканий о происхождении богов трех религий" (XV в.), отразившем стремление ученой элиты средневекового Китая к кодификации генеалогий персонажей народного пантеона, сообщается, что Воевода Чжао носил имя Гунмин и при жизни был высококравным отшельником эпохи Цинь (III в. до н.э.), в конце концов достигшим бессмертия, а на небесах ведавшим "инспектированием пяти сторон света"⁷. В народе же Воевода Чжао слыл выходцем из китайских мусульман, отчего его часто изображали в одежде мусульманского купца, сопровождаемого "лошадью с драгоценностями". По этой причине обычай запрещал приносить в жертву Воеводе Чжао свинину⁸. Заметим, что идея владычества над "пятью сторонами" мироздания (имеются в виду четыре стороны света и центр) сформировала и фольклорное представление о богах богатства как божествах "пяти дорог".

Прежде чем рассмотреть вопрос о происхождении богов богатства с их специфическими качествами, нельзя не сказать несколько слов о социальной и культурной специфике китайских народных культов и верований. Как известно, в китайской религии сверхъестественные существа разделялись на три категории: предки (цзу), божества (шэнь) и демоны (гуй). В отличие от культов предков, ограниченных рамками кровнородственных групп, боги и демоны имели публичное значение. В свою очередь отношение людей к

божествам и демонам в китайской религии было различным: богов старались умилостивить, добываясь их покровительства, от демонов же в лучшем случае откупались или чаще их изгоняли. На практике, однако, границы между тремя названными категориями обитателей потустороннего мира не были совершенно незыблемыми. Американский этнограф С.Хэррелл, занимаясь изучением современной религии китайцев Тайваня, пришел к выводу о том, что, несмотря на существование четких различий между божествами и демонами, в религиозных представлениях китайцев "некоторые духи имеют переходный статус. Будучи изначально демонами, они при известных обстоятельствах приобретают черты божеств, нередко соединяя в себе элементы и богов, и демонов, а со временем могут даже полностью изменить свою природу и стать полноценными богами"⁹. С.Хэррелл отмечает также, что к таким духам "теснее всего привязаны люди с сомнительным социальным статусом, как-то: грабители, игроки или проститутки"¹⁰.

Замечания С.Хэррелла справедливы и в отношении традиционного Китая. Более того, есть основания утверждать, что описанная С.Хэрреллом эволюция локальных культов определила историческую динамику китайской религии в целом. Ведь публичную, коммунальную значимость в традиционном китайском обществе имели как раз находящиеся вне сферы культа предков, лишенные потомков, "неуспокоенные" и опасные в равной мере для всех жителей округа души умерших. Негативная сакральность, ориентированность на "периферийные культы" (пользуясь терминологией И.Льюиса¹¹) - отличительные черты именно неофициальных форм народной религии китайцев, что и побуждало правящие верхи китайской империи причислять большую часть фольклорной религиозной обрядности к так называемым "непристойным культам" (инь сы), представляющим собой, по сути дела, "поклонение чужим духам"¹². Как правило, культ локального божества (т.е. выделение последнего из темной и аморфной массы демонов) зачислялся отдельными лицами или семьями. Нередко, не явив миру свидетельств своей божественной силы, вновь возникший культ угасал и стирался в народной памяти. Если же он обнаруживал свою эффективность, он получал всеобщее признание сначала среди местных жителей, затем в целой провинции или в регионе, а в отдельных случаях - и в масштабах всего государства. Тем не менее грань между богами и демонами оставалась неустранимой, и этим обстоятельством во многом обусловлен разрыв между фольклорным и официальным (обычно сфабрикованным позднее) образами того или иного божества. Другими словами, персонажи официального пантеона в Китае имели свою фольклорную предисторию, свое "темное прошлое", подспудно, порой незаметно для народного сознания несли в себе демонические, разрушительные импульсы.

Мы встречаем фундаментальный для фольклорной религии Китая мотив обожествления чужака и в народном предании, отождествляющим Воеводу Чжао с мусульманским купцом из Западного края, и в таком характерном элементе иконографии этого божества, как демонически-

устрашающий лик. Весьма примечательно и такое обстоятельство, как темное лицо Воеводы Чжао. В китайском фольклоре нынешнего столетия темный лик обычно считался признаком не демонизма, а эмоционально интенсивного, героического состояния. Однако нельзя не видеть, что культ героя - угрожающего общественному порядку, но одновременно и полезного обществу - являет собой характерное выражение двусмысленного или, по слову С.Хэррелла, "переходного" статуса локальных богов. Надо сказать, что в юго-восточном Китае, где культ Воеводы Чжао пользовался широкой популярностью, темное лицо еще в прошлом столетии воспринималось как принадлежность высохшего трупа, атрибут демонического божества¹³.

Важные сведения о предистории культа Воеводы Чжао содержатся в средневековых источниках по юго-западному Китаю, где этот культ распространился ранее всего. В начале XVII в. ученый Ли Ши сообщал о существовании в Сычуани культа божества по имени Тяньло-гун - Господина алтаря. Этот бог имел темное лицо, в одной руке держал топор, в другой - охотничий рог. Изображение Тяньло-гуна вешали в северо-западном углу главного зала дома. В Новый год ему приносили животные (по-видимому, кровавые) жертвы, совершали же поклонение медиумы, которые, погружившись в транс, плясали, пели и изрекали предсказания¹⁴. Тот же Тяньло-гун был известен в юго-западном Китае под сокращенным именем Тянь-гун - Алтарный господин. Его звали также божеством Черного тигра и Темного алтаря¹⁵. Как явствует из ряда других источников, знак "ло" в имени Тяньло-гун указывал на некитайское происхождение темнолицего хозяина богатств. Ученый цинского времени сообщает, что "черные мань" (так именуются в китайских источниках некоторые некитайские народности Сычуани и Юаньнани), поклонялись демонам "ло" или "черным демонам". Этим демоническим (в глазах китайской элиты) божествам "поклонялись и в городах, и в деревнях, но не в семьях ученых мужей"¹⁶. Сходство бога Тяньло-гуна с темнолицым божеством темного (т.е. северного) алтаря слишком велико, чтобы его можно было считать случайным. Японский исследователь М.Савада приводит популярную в юго-западных провинциях легенду о водяном змее, который по ночам превращался в красивого юношу и соблазнял девиц. Змея этого называли Чжао Цзяло - имя, являющееся, очевидно, китайской транскрипцией санскритского "кала". И, подобно брахманистскому Махакале, Чжао Цзяло имел темное лицо. Его так и называли: "черный бог"¹⁷. Та же легенда гласит, что змея-искусителя победил монах по имени Ацзялия (т.е. Акарья) - знаток тантристской магии. Добавим, что само имя Чжао Гунмин впервые упоминается в книге "Записки о поисках духов" (IV в.) и в даосском компендиуме "Подлинные наставления" (VI в.), где Чжао Гунмин фигурирует в роли полководца загробного царства, предводителя войска демонов, тащивших души умерших в присподнюю. Его причисляли к демоническим "божествам эпидемических болезней" и кроме того называли "богом пяти сторон мироздания"¹⁸.

Таким образом, при ближайшем рассмотрении в генеалогии бога Чжао Гунмина явственно проглядывает его демоническая предистория: свою божественную карьеру Чжао Гунмин начинал как свирепый повелитель адского воинства и как наследник отвергавшегося китайской элитой "черного демона", чтимого аборигенными народностями Юго-Запада. В окончательном же виде демонический субстрат культа Воеводы Чжао предстает сильно трансформированным, присмелом для официальной религии: "варварское" прошлое божества и его связь с северо-западной стороной света просцируются на купцов с северо-запада, приносящих в Китай богатства, темный лик становится знаком героического духа, а его власть в загробном мире регулируется распорядком бюрократической машины.

Не меньший интерес представляет генеалогия другой популярной разновидности бога богатства - Бога Пяти дорог, или Пяти направлений. Культ этого божества был в особенности распространен в районах среднего и нижнего течения Янцзы, в провинциях Цзянси и Чжэцзян. История его для Китая очень коротка: она насчитывает не более трех столетий. Довольно скуден и относящийся к нему фольклор. Ученые люди считали Бога Пяти дорог преемником древнего "божества путешествий" (син шэнь), не смущаясь тем фактом, что культ Бога Пяти дорог появился, по крайней мере, спустя полтора тысячелетия после того, как Бог Путешествий исчез из народного пантеона. Так, поэт цинской эпохи Жу Цюши посвятил Богу Пяти дорог стихи, которые начинаются словами: "Нынче все помешались на прибылях//Только и думают что о выгодах.// Бог дорог в старину был бог путешествий,// А теперь встал в ряд богов богатства"¹⁹. В "Описании уезда Уси", восходящем к XVIII в., сообщается, что Бог Пяти дорог в бытность свою человеком (в китайской религии все божества происходят из людей) жил в конце правления династии Юань (XIV в.), носил имя Хэ Улу, т.е. Хэ-Пять дорог, и был убит японскими пиратами²⁰.

Возможно, ссылка на разбойников-чужеземцев - единственное смутное напоминание о действительной предистории бога богатства, столь часто противоречившей официальным нормам и ценностям. Об этой предистории более откровенно свидетельствуют образы ряда других божеств, послуживших фольклорными прототипами богов богатства. В именах всех этих божеств фигурировала цифра 5, и сами они предстают в народной иконографии как пятерка персонажей, обычно родных братьев. Но в действительности пятерика в данном случае являлась собирательным названием, будучи близким по смыслу понятиям "разные", "все"²¹.

Среди этих прототипов богов богатства мы встречаем так называемых "Пятерых всемогущих" (Утуншэнь), "Пятерых славных" (Усяньшэнь), "Пятерых мудрых" (У шэн), "Пятерых молодцов" (Уланшэнь). Все эти божества издавна были популярны на юге провинции Цзянсу, в Чжэцзяне и Цзянси, хотя ученая элита империи относилась к ним по большей части с подозрением и причисляла их к демонам. Так, в 1687 г. наместник Цзянсу Тан Бинь повелел разрушить все храмы и кумирни этих богов в нижнем

течении Янцзы и строго запретил поклоняться им впредь. В специальном докладе двору Тан Бинь оправдывал свой запрет в следующих словах: "Среди непристойных культов района Сучжоу и Сунцзяна, - писал Тан Бинь, - есть такие, которые посвящены Пятерым Всемогущим, Пятерым достойным и Мудрецам пяти сторон мироздания. Все эти божества - вздорные выдумки, не подтверждаемые каноническими книгами. В домах же простого люда им непременно поклоняются всякий раз, когда надо пить и есть. А нечестивые колдуны сочиняют о них всякие вздорные небылицы, невежественные мужчины и женщины верят им, и нет возможности рассеять их заблуждения. В десяти ли к западу от Сучжоу есть гора Ланцзяшань, именуемая в просторечии Шанфаншань. Там уже несколько сот лет совершают поклонения Пятерым Всемогущим, и люди отовсюду стекаются туда. Там приносят в жертву мясо и вино, раздаются звуки свирелей и песен, там день и ночь, шум и суета, и мужчины мешаются с женщинами. Так продолжается круглый год, и потому могут ли ежегодные траты паломников не превышать миллионов монет? Торговые люди утверждают, что, взяв займы у тамошних богов, можно разбогатеть, и если честно возместить долг, бог обязательно отблагодарит за это с лихвой. В народе ту гору называют Яшмовой горой, а пруд у ее подножия - Винным морем. Разжигаются людские желания, но скудеют богатства людей. Особенно же возбуждает негодование то, что, если молодая красивая девушка заболевает вдруг лихорадкой, то все говорят: "Пятеро Всемогущих взяли ее себе в жены". А эта девица в помрачении или во сне якобы встречается с теми богами и оттого чахнет и умирает. Родственники же ее не только не скорбят, но даже похваляются этим. Каждый год такое случается в десятках семей..."²².

Инвектива Тан Биня не оставляет сомнения в том, что уже в XVI в. Утуншэнь выступали в Сучжоу в роли богов богатства. Еще и в нашем столетии обычай "брать займы" у бога богатства, возвращая ему долг с процентами, составлял характерную черту культу этого божества по всему Китаю. Прочие особенности культа Утуншэнь вполне согласуются с традиционным для Китая образом так называемого "непристойного культа" (инь сы), т.е. культа, несанкционированного канонической традицией и неприемлемого для правящих верхов. Это относится прежде всего к медиумному, экстатическому характеру культа, столь явно угрожавшему официальной патриархальной морали китайского общества. Мотив одержимости и общение с богами через посредничество медиумов с древности являлись главным отличительным признаком "непристойного культа"²³.

Чтобы лучше понять исторические истоки культа Утуншэнь, нужно обратиться к еще более ранним свидетельствам. За пять с половиной веков до Тан Бина литератор Хун Май в своем сборнике рассказов о чудесах не раз упоминает о демонических божествах по имени Пятеро Всемогущих. Один из сюжетов, посвященный этим богам, начинается следующими словами:

"К югу от Большой реки (Янцзы. - В.М.) много гор, люди поклоняются демонам, и боги их очень удивительны и необычны на вид.

Часто у больших камней и деревьев имеются лесные кумиры. Такие есть в каждой деревне. В Чжэцзяне чествуемых в них духов именуют Пятью Всемогущими, в Цзянси и Фуцзяни - Тремя молодцами под деревом или Древесными гостями; тех, у кого одна нога, называют Пятью одноногими оборотнями. Хотя имена у них разные, по сути это одни и те же духи. Если справиться в преданиях и хрониках, то окажется, что это - оборотни деревьев и камней, горные демоны. Они могут менять свой облик и вводить в соблазн. В общем, они подобны лисам-оборотням Севера. Некоторые из них могут внезапно сделать человека богачом, поэтому мелкий люд чтит их и молит их даровать преуспевание". Эти демоны, сообщает далее Хун Май, "любят блуд, порой принимают облик красивого юноши из служилой семьи и вообще берут себе такое обличье, которое людям больше всего нравится и соблазняет их. А те, кто видели их подлинный облик, сталкивались с драконом, обезьяной, лягушкой... Женщины, которых они преследуют, терпят от них жестокие муки и нестерпимые страдания, тех же из них, которые становятся одержимыми этими духами, люди считают блаженными"²⁴. Подтверждение экстатического характера "лесных культов" даже вне связи с культом богов богатства мы находим в книге одного цинского литератора XIX в., который отмечал: "В Хэнане много кумирен лесных культов, и при них всегда находятся женщины-колдуньи. У них нет отбоя от посетителей, и доходы они получают немалые"²⁵.

В процитированном фрагменте из книги Хун Мая роль Утуншэнь как богов богатства еще отодвинута как бы на второй план. Однако ее нельзя недооценивать. Тот же Хун Май отзывается об Утуншэнь в следующих словах: "В местечке Шуйдун области Линьчуань простолудин по имен У-второй чтит Пятерых Всемогущих, и те выказывали божественные способности, тайком наперед сообщали ему, умножится ли или оскудеет его богатство..."²⁶.

Таким образом, уже в эпоху Сун (X-XIII вв.), когда в источниках появляются упоминания о демонических божествах Утуншэнь, связь сверхъестественных хранителей богатства с демонической стихией представлялась вполне отчетливо. Но каких демонов имел в виду Хун Май, говоря о проделках Утуншэнь? В "Записях о календарных обрядах области Цзин-Чу" (VI в.), касающихся района среднего течения Янцзы, говорится, что в новогоднюю ночь во дворах домов зажигали костры из бамбуковых стволов, ибо треск горящего бамбука, по местному поверью, отгонял горных демонов²⁷. В "Расширенных записях о необычном", созданных в эпоху Тан (VII-IX вв.), сообщается, что на крайнем юге Китая, в провинции Гуандун, "водятся горные демоны. У них одна нога с вывернутой назад ступней, на руках и ногах по три пальца. Женские особи среди них любят пудриться. Живут они в гнездах на больших деревьях. Каждый год они берутся возделывать поля вместе с людьми. По натуре они бескорыстны и честны и, деля урожай с людьми, не берут больше того, что было условлено. Люди тоже

не смеют брать себе больше того, что им положено, а если все же берут, то заболевают лихорадкой"²⁸.

Сходные сведения о горных демонах встречаются и в более ранних источниках. Так, в "Книге божественных чудес", составленной, по-видимому, в IV в., говорится: "Далеко в горах Запада водятся человекоподобные существа. Ростом они чуть выше аршина, тело их покрыто панцирем, как у креветки. Они также любят есть креветок, для чего воруют у людей соль". Там же сообщается, что эти горные демоны могут насыпать на людей лихорадку²⁹. Впрочем, упоминание о горных демонах "с лицом человека и телом обезьяны" встречается еще в древнем памятнике "Речи царств" (III в. до н.э.). Однако поверья о горных демонах принадлежат в Китае отнюдь не только старине. Еще в XVIII в. ученый Янь Баоай из Чжэцзяна отмечал популярность на юго-востоке Китая веры в горных демонов, которых представляли ростом в "три аршина", с темными лицами и ушами "большими, как блюдца"; по-прежнему держалось поверье о том, что горные демоны насылают лихорадку. В уезде Фуян, отмечал тот же автор, горных демонов называли "одноногими небожителями" и поклонялись им. Местные жители верили, что эти существа обитали в гнездах на деревьях и убивали всякого, кто будет с ними неподчителен³⁰.

Перед нами, очевидно, одно из самых древних народных поверий китайцев и вместе с тем одно из самых устойчивых. Добавим, что Утуншэнь роднят с горными демонами не только места их обитания, но и оборотничество, и, конечно, тот способ экстатического общения с людьми, который выражается в психических расстройствах и болезнях, являющихся знаками одержимости. В фольклоре северных китайцев аналогами горных демонов выступают некоторые виды диких животных, прежде всего лисы, которых считали оборотнями и хозяевами кладов и называли "божественными лисами" (ху сянь). В начале XVII в. ученый из Фуцзяни Се Чжаочжэ отмечал: "К северу от реки много лиц-демонов, к югу от реки много горных демонов"³¹. В XIX в. литератор Сюэ Фучэн отмечал, что крестьяне равнины Хуанхэ не смеют убивать лис, лягушек, змей и волков как богов богатства и верят, что эти существа способны лишить человека сил³².

Одна из отличительных черт культа Утуншэнь - его связь с культом деревьев, что отразилось и в популярном наименовании этих демонических божеств "Древесные гости" и в самом названии культа, получившем эпитет "лесной". Эта связь сохранялась вплоть до XX в. Вот лишь несколько свидетельств тому. Ученый цинского времени Хо Хао отмечал: "Нынче в деревнях на больших деревьях всюду имеются кумирни богов, и зовут их "Пятеро Мудрых верхушки дерева"³³. В "Описании уезда Гуйань" читаем: "В обычаях озерных людей больше всего веровать в Пятеро Мудрых. Предание гласит, что эти боги любят низкие и узкие залы, поэтому их кумирни в высоту и в ширину не превышают трех-четырех локтей. Поклоняются им повсюду на пустырях, у карнизов домов или под большими

деревьями"³⁴. По сообщению автора XVIII в. Цянь Сияня, жители Сучжоу верили, что Пятеро Мудрых часто спускаются с карнизов крыши, так что в народе их часто называли "Пятью мудрыми с карниза"³⁵. По свидетельству того же Цянь Сияня, крестьяне, выращивавшие на продажу свиней, ставили перед хлебом маленькое дерево и совершали подношения Пятерым Мудрым, моля их о преуспевании в торговле³⁶.

В рамках статьи невозможно рассмотреть все аспекты темы дерева в китайском фольклоре. Отметим три обстоятельства. Во-первых, алтари божества плодородия (шэ) с древности устраивали под высокими деревьями, и еще в средневековье китайцы верили, что боги, покровительствующие деревне, спускались по этим деревьям с небес³⁷. Во-вторых, издревле существовала связь между деревом и богатством: достаточно вспомнить "дерево, с которого трясут деньги". Изображения этого мифического дерева известны, по крайней мере, с эпохи Хань (II в. до н.э. - II в. н.э.). В-третьих, дерево в фольклоре китайцев, как и многих других народов, тесно связано с культом хтонических божеств, часто представляющих в образе живущих на дереве змей, обезьян и других существ. Таким образом, дерево являлось одним из тех многозначных и фундаментальных в своей многозначности образов фольклора, которых делал возможным отмеченное выше взаимопроникновение мира богов и мира демонов, преобразование демонов в персонажей божественной иерархии.

Прежде чем перейти к анализу культа Утуншэнь, рассмотрим вкратце особенности родственных ему культов Пяти славных (Усяньшэнь) и Пяти Мудрых (У шэн). Поздние предания связывали возникновение этих культов с именем основателя минской династии Чжу Юаньчжана. По рассказу историка XIX в. Чжао И, однажды к Чжу Юаньчжану во сне явились толпы павших в сражениях воинов, которые попросили императора учредить для них жертвоприношения. "Вас чересчур много, и установить имя каждого из вас невозможно", - ответил император. - Но если вы разобьетесь на пятерки, вам всюду можно будет приносить кровавые жертвы"³⁸. В действительности культы Усяньшэнь и У шэн намного старше минской династии. Они существовали и, более того, получили официальное признание уже в эпоху Сун. В "Полном описании провинции Цзянси" от XVII в. записано, что в храмах Пятерых Мудрых чествуют богов некоей горы, которые в царствование династии Суй (VI-VII вв.) указали одному охотнику местонахождение пещеры с сокровищами³⁹. Сохранились легенды, где человеческими прототипами Усяньшэнь оказываются пятеро братьев-удальцов, которые "могли обуздать нечисть, защитить от напастей". Этих героев считали современниками эпохи Южных династий (V-VI вв.)⁴⁰.

Прототипы богов Усяньшэнь и У шэн в своем роде традиционны для китайской религии. Культ героев, который занимал одно из центральных мест в народной религии китайцев, был в своей основе культом удальцов, погибших в бою. По сути, он был попыткой стать сопричастным божественной силе героя, заключенной в его доблести. Такое понимание

святости, восходившее к оргазму архаической религии, решительно отвергалось официальной идеологией китайской империи, в том числе официальным буддизмом и даосизмом⁴¹. Столь же традиционной чертой культа героев как демонических божеств было принесение в жертву "кровой пищи" (сюэ ши).

Особый интерес представляет фольклорная атрибуция богов Усяньшэнь и У шэн к эпохе Южных династий. Как явствует из литературных материалов, именно в то время в среднем и нижнем течении Янцзы распространились культы полководцев, соединявших в себе божественные и демонические черты. Одним из них был У Цзысюй, восначальник древнего южнокитайского царства У⁴². С IV в. в тех же районах "к югу от реки" приобрел широкий размах культ Сян Юя (III в. до н.э.) - знаменитого предводителя восстания против Цинь Шихуанди. Свойственная герою агрессивность составила едва ли не главную отличительную черту обожествленного Сян Юя. Его так и называли: "Гневливый владыка"⁴³. Вместе с Сян Юем в южнокитайских царствах того времени почитался некто Цзянь Цзывэнь, который, подобно Сян Юю, в своей земной карьере был воинственным военачальником из числа китайцев-южан. Со временем Цзянь Цзывэнь, изначально являвшийся локальным духом горы, даже получил признание царствующих домов⁴⁴. Популярность указанных культов в эпоху Южных династий объявлялась, по-видимому, тем, что они освящали политические амбиции китайцев-южан⁴⁵. А вот правящие верхи танской империи, созданной северянами, объявили этим культам войну, и со временем последние были вытеснены героями нового типа, такими как полководец южносунского царства Юэ Фэй и др.

В позднесредневековую эпоху мы сталкиваемся с обработками и перетолкованиями фольклорных культов в соответствии с представлениями и интересами верхов средневекового китайского общества. Так, распространилось мнение, по которому пятерка храбрых братьев на самом деле символизировала пять стихий и пять сторон мироздания - неизбежная в китайской цивилизации дань традиционной космологии. Подверглись эти культы и буддийскому влиянию: возникла легенда, уподоблявшая братьев буддийскому святому Муляню - общезвестному образцу буддийской "великой сыновней почтительности"⁴⁶. Божество Усяньшэнь отождествляли также с буддой Хуагуан⁴⁷.

Посмотрим теперь, как традиционные мотивы культов демонических божеств преломились в позднем китайском фольклоре. Одна из самых обширных подборок материалов об Утуншэнь, или Уланшэнь, содержится в книге сучжоуского литератора Цянь Сияня "Сад злодейства". Цянь Сиянь записал 19 рассказов об Утуншэнь, почерпнутых им из городского фольклора Сучжоу. За единичными исключениями эти рассказы можно разделить на четыре группы. Наиболее многочисленную из них (в общей сложности 12 рассказов) составляют истории о преследовании божественной пятеркой женщин разного положения - незамужних девиц, наложниц и даже законных

жен (правда, лишь в том случае, если эти жены и до замужества имели связь с демонами или же лишились внимания мужа). Заметим, что уже у Хун Мая все рассказы о проделках Утуншэнь касаются случаев одержимости женщин демонами. Таким образом, незаконная связь между мужчиной и женщиной, подрывавшая устои семьи - главный признак демонизма Утуншэнь, что и неудивительно, принимая во внимание значение патриархальной семьи как основы традиционного китайского общества. В некоторых сюжетах из этой категории тема одержимости получает некоторое уточнение: связь божества с женщиной способствует притоку богатства в дом.

Вторая группа рассказов иллюстрирует роль Утуншэнь как хранителей и распределителей богатства в мире. Сюда следует отнести истории о том, что Пятеро молодых одаривают кого-нибудь богатством. Счастливчиком всегда бывает случайный прохожий, а богатство оказывается украденным у другого лица. Рассказы третьей группы повествуют, напротив, о том, как Пятеро молодых отбирают богатства. Таковы истории о том, как некие молодые повесы кутят, сами не догадываясь о том, с демонами и в одну ночь теряют все свое состояние.

Особое место занимают рассказы, в которых повествуется о столкновениях между своенравными богами и имперскими чиновниками. У Цянь Сияня приводятся две истории такого рода. В одной из них рассказывается о том, как Уланшэнь требовал превратить здание местной школы в храм, ему посвященный, и, пытаясь добиться своего, "творил бесчинства". Однако правитель города ему отказал и посоветовал обосноваться на горе Шанфан шань. Бог подчинился и сделал своими медиумами членов одной семьи, жившей у подножия Шанфаншань. В другом случае, чиновник, ставший благодаря чудодейственному снадобью ясновидцем, видит, как на Новый год в один из домов спускаются духи в императорских одеждах и приказывает сжечь тот дом. В Сучжоу бытовала также легенда о том, что служащие областной управы, разрушавшие по приказу Тан Бина храм Утуншэнь на горе Шанфаншань, не могли сбросить статуи богов, и только самому наместнику удалось это сделать⁴⁸. Подобные анекдоты на уровне фольклора удостоверяют превосходство этико-религиозной системы империи над локальными культурами, превосходства, отнюдь не отменявшего ни преобладающего влияния локальных культов в создании простого народа, ни преемственности между официальной и народной религией. Ниспровержение локальных божеств имперскими чиновниками с древности имело следствием обожествление самих чиновников. Известно, что, по крайней мере, в одной местности, в уезде Чунмин пров. Цзянсу, статуя Тан Бина заменила в храме Утуншэнь прежние статуи богов⁴⁹.

Мы видим, как в фольклоре об Утуншэнь и родственных ему богах драматизируется одно из важных противоречий в традиционной китайской цивилизации: богатство является чем-то необходимым и желательным, но его приобретение сопряжено с нарушениями справедливости и даже подрывом

общественной морали. Более того, платой за обогащение часто оказывается бесчестье женщин (впрочем, по правилам традиционной патриархальной морали, неспособных к полному самоконтролю и потому лишенных "лица"). За подобным отношением к богатству просматривается характерная для всех крестьянских цивилизаций идея "ограниченного блага", требующая признать, что все богатства на земле уже распределены, и преуспевание одного человека предполагает обнищание другого⁵⁰. Те же легенды о "демонических женихах", приносящих своим избранницам богатые дары, служат одной из форм артикуляции фольклорного представления о женщинах как о товаре и о браке - как торговой сделке. Наконец, как показал И.Льюис, экстатические культы часто служили защите интересов женщин.

Еще одно важное противоречие, запечатлевшееся в образе предшественников богов богатства, касается взаимоотношений между официальными и оппозиционными аспектами общественного сознания. Мы видели, что культ Утуншэнь, или Уланшэнь, не мог получить официального признания. Позднейший бог богатства как "небесный чиновник" - продукт синтеза официальной и фольклорной религиозности, ставшего возможным благодаря интеграции городского общества в имперский строй. Однако мотив противостояния официального и оппозиционного в интересующем нас культе не исчез, а лишь принял иные формы. Например, появилось разделение между богами богатства, ведавшими "регулярными", законными каналами обогащения, и такими, которые дарили богатство наудачу, как бы вслепую, поскольку, как считалось, они не обладали чувством справедливости.

Любопытным свидетельством сохранения в культе богов богатства оппозиционного начала является появление в свите этих божеств явно демонических персонажей. Так, в XVIII в. в числе подчиненных Уланшэня в Сучжоу уже фигурировал некий Советник Сун, о котором говорили, что он "заведовал убийствами"⁵¹. Тогда же в Сучжоу существовал культ "Господина Ма, усеянного цветами"; этого бога звали также "Главный распорядитель счастья Ма". Легенда о нем вобрала в себя типичные для образа демонического божества черты: Господин Ма при жизни был торговцем водяными орехами и поклонялся Советнику Суну. Однажды он был жестоко избит в драке, после чего утопился перед храмом Советника Суна. Сучжоуские торговцы держали иконку Господина Ма на домашнем алтаре и делали ему подношения перед открытием лавки. Общение с Господином Ма осуществлялось через медиумов⁵².

Запрет Тан Бином локальных культов демонических божеств, с одной стороны, и процветание городов в нижнем течении Янцзы, с другой, стимулировали трансформацию коварного распорядителя богатств, каковым были боги Утуншэнь и родственные им божества, в уважаемого богачина. В новых условиях недвусмысленная связь между обогащением и "выдачей" женщин оказалась разрушенной. Впрочем, отдельные аспекты распавшегося культа, как и свойственный ему драматизм, не исчезли совершенно. Его демонические импульсы перешли на некоторых персонажей

свиты бога богатства. Сохранился и мотив незаконной любовной связи. После разрушения кумирен Утуншэня гора Шанфаншань стала местом поклонения некоей девице Чэнь, которая, по преданию, потеряла честь до замужества, а когда отец узнал о ее позоре, утопилась⁵³. Легенда вполне подходящая для рассказов о проделках демонического бога с той лишь разницей, что соблазнитель в данном случае остается неизвестным, и героем истории становится сама соблазненная женщина. Автор данной статьи, посетивший гору Шанфаншань в марте 1989 г., мог убедиться в том, что культ женского божества в роли чадоподательницы и поныне пользуется огромной популярностью у местных жителей.

В заключение отметим, что культ святой распутницы-самоубийцы на свой лад воспроизводил амбивалентную природу локальных культов в Китае⁵⁴. С одной стороны, он представлял женщину силой, угрожавшей общественным устоям и потому - как искупительную жертву. С другой стороны, как всякий периферийный культ, он до некоторой степени служил интересам женщин, что отобразилось в самом факте поклонения утопившейся девице как чадоподательнице, покровительнице женского счастья.

-
- ¹ Гу Лу. Цин цзя лу (Записи о чистом и прекрасном). Нанкин, 1985. С. 22.
 - ² Лоу Цзыкуан. Чжунго синьнянь фэнсу чжи (Описание обычаев празднования Нового года в Китае). Шанхай, 1932. С. 50.
 - ³ Шаньдун миньсу (народные обычаи провинции Шаньдун). Цзинань, 1988. С. 11.
 - ⁴ Нагао Р. Сина миндзоку си (Описание народных обычаев в Китае). Т. 2, Токио, 1973, С. 176.
 - ⁵ Чэнь Пиншань. Чжунго шэньмин гайлунь (Очерк китайских богов). Тайбэй, 1979. С. 103.
 - ⁶ Нагао Р., ук.соч. С. 173.
 - ⁷ Хуэйту саньцзяо юаньлю соушэнь дацюань (Полный свод разысканий о богах трех религий с иллюстрациями). Тайбэй, 1980. С. 142.
 - ⁸ Гу Лу, ук.соч., С. 82.
 - ⁹ S.Harrell. When a Chost becomes a Ctod. - Religion and Ritual in Chinese Society. Stanford, 1974.
 - ¹⁰ Там же.
 - ¹¹ См. Baily Ph. Religion in a Chinese . Taipei, 1975. З. 235.
 - ¹² О "непристойных культах" см. подробнее: Малявин В.В. К определению понятия народной религии в традиционной цивилизации (на примере Китая). - "Советская этнография". 1988, N1.
 - ¹³ Lewis I.M. Ecstatic Religion. L., 1971. P. 32.
 - ¹⁴ Савада М. Тюгоку-но минкан синко (Народные верования Китая), Токио, 1982. С. 111.
 - ¹⁵ Чжунго миньцзянь чжущэнь (Народные боги Китая). Шицзячжуан, 1987, С. 629.
 - ¹⁶ Там же.
 - ¹⁷ Савада М. Ук.соч., С. 111.

- 18 Гань Бао. Соу шэнь цзи (Записки о поисках духов). Пекин, 1989, С. 63-64.
- 19 Цит. по: Ван Шичжэнь. Чжунго Шэньхуа (Китайские мифы). Тайбэй, 1981, С. 62.
- 20 Гу Лу, ук.соч., С. 22.
- 21 Ср. принятые в китайском языке выражения "у сэ" (пять цветов), "у гу" (пять хлебов) и т.д.
- 22 Сучжоу фу чжи (Описание области Сучжоу). Тайбэй, 1975, С. 57.
- 23 См. Малявин В.В. О религиозном аспекте народной (локальной) культуры в Китае). - XII научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и доклады. Ч. 1, М., 1981. Stein R.A. Religions Taoism and Popular Religion from the 2nd to the 7th Centuries. - Facets of Taoism. New Haven.L., 1979.
- 24 Хун Май. Ицзянь чжи (Рассказы Ицзяня). Тайбэй, 1982, С. 695.
- 25 Цюйюань цзюйши. Ютай сяньгуань бици (Записки из Павильона бессмертных Правой террасы). Сер "Бици сяошо дагуань". Вып. 16. Тайбэй, 1978, С. 4561.
- 26 Хун Май, ук. соч., С. 667.
- 27 Кэй-Сё сайдзи ки (Записи о календарных обрядах области Цзин-Чу). Токио, 1978, С. 7.
- 28 Тайпин гуанцзи (Расширенный свод записей эры Тайпин). Пекин, 1959 С. 3480.
- 29 Шэнь и цзин (Книга божественных чудес). - Серия "Шоку". Ханчжоу, 1986, С. 4а.
- 30 Янь Баодай. Жигуаньюань цзаци (Разные заметки из сада Жигуаньюань). - Серия "Бици сяошо дагуань". Вып. 3. Тайбэй, 1978, С. 6721.
- 31 Се Чаоцжэ. У ца цзу (Пять собраний всякой всячины). Шанхай, 1958, С. 442.
- 32 Сюэ Фучэн. Юньань бици (Заметки из скита). - Серия "Бици сяошо дагуань". Вып. 1, Тайбэй, 1978. С. 6510.
- 33 Чжунго миньцзянь чжушэнь, С. 652.
- 34 Там же.
- 35 Цянь Сиянь. Куай юань (Сад злодейства). /Б.м./, 1974, цз. 12, С. 13а.
- 36 Там же.
- 37 Канаи Н. Содай-но сонся то сонсин (Деревенские культовые общины и культообщинные божества в эпоху Сун). - Тоёси кэнкю. Т. 38. 1979, N. 2.
- 38 Чжао И. Гайюй цункао (Собрание заметок, написанных в разное время). Шанхай, 1957, С. 215.
- 39 Гуцзинь тушу цзичэн (Собрание книг и рисунков всех времен). Шанхай, 1934. Кн. 493. С. 506.
- 40 Чжунго миньцзянь чжушэнь, С. 642.
- 41 См. Малявин В.В.К определению понятия народной религии..., С. 34.
- 42 См. там же, С. 36.
- 43 Миякава Х. Рикутё сюкё си (История религий в эпоху Шести Династий). Токио, 1974, с. 206-212.
- 44 Там же, С. 216-228.
- 45 Там же, С. 207, 212.
- 46 Гуцзинь тушу цзичэн, кн. 495, цз 54, С. 10а.
- 47 Там же. Кн. 493, цз 51, С. 506.

- 48 Цянь Юнцзи. Люй юань цунхуа (Собрание разговоров во время прогулок по саду). - Серия "Бинци сяошо дагуань", Вып. 1, Тайбэй, 1975, С. 4378.
- 49 Ян Чжунь. Эр ю (Слышанное). - Серия "Бинци сяошо дагуань" вып. 1. Тайбэй, 1975. С. 4214.
- 50 См. Stover L. The Cultural Ecology of Chinese Civilization. N.Y., 1974, P. 20.
- 51 Цянь Сянь, ук.соч., цз. 12, С. 14а.
- 52 Там же.
- 53 Савада М., ук. соч., С. 509.
- 54 Подробный анализ этой категории культов осуществлен французской исследовательницей Б.Бертье. См. Berthier B. La Damedu-Bord - de- Lean. P., 1988.

РОССИЯ И АТР: МАТЕРИАЛЫ СИМПОЗИУМА

А.Виноградов, А.Свешников

30 ноября 1992 г. в рамках заседания научного совета РАН "История международных отношений и внешней политики России", прошедшего под председательством академика С.Л.Тихвинского в Институте Российской истории РАН, состоялся симпозиум "Россия и страны АТР. История, современность, задачи исследования". В ходе работы симпозиума, в котором приняли участие около сорока представителей российских научных и практических организаций, прозвучало 18 докладов и сообщений. С главным докладом выступил член-корреспондент РАН В.С.Мясников.

Участники симпозиума подняли широкий круг вопросов, к главным из которых можно отнести следующие: глобальная ситуация в мире; современное положение России на международной арене и концепции ее внешней политики; общая обстановка в АТР, роль, задачи и возможности России в этом регионе; взаимоотношения России с различными странами и группами стран АТР. В некоторых выступлениях серьезное внимание было также уделено проблемам истории и традиций российской дипломатии на дальневосточном направлении, а также вопросам историографии и научного обеспечения исследований в данной области.

Этот широкий и разноплановый спектр вопросов связывала одна общая центральная проблема - "Россия и АТР". Согласно выводам ряда выступавших, относительный рост значения дальневосточного направления российской политики является объективно предreshенным фактом. Мир стоит на пороге наступления века Азиатско-тихоокеанского региона, что обуславливается удельным снижением значения в структуре мировых экономических связей традиционного атлантического центра (включающего европейские страны и восточные районы Северной Америки) и быстрого подъема стран Тихоокеанского бассейна.

Впечатляющие темпы экономического развития региона совпадают, как было отмечено в одном из докладов, с "наступлением после многих лет холодной войны периода стабильности и примирения в АТР". В основе этой тенденции лежит большое число реальных фактов, которые включают: разрядку в советско-американских отношениях; улучшение советско-китайских и китайско-индийских отношений; нормализацию отношений Китая с Вьетнамом и Индонезией; установление дипломатических отношений Республики Корея с Советским Союзом и Китаем; развитие миротворческого процесса на корейском полуострове и одновременное вступление двух

корейских государств в ООН; активизацию шагов по преодолению кризисной ситуации в Камбодже и др.

В настоящий момент в Тихоокеанском бассейне быстрыми темпами идет оформление экономической архитектуры региона, в ходе которого каждая из стран стремится занять наиболее благоприятное место в грядущем региональном экономическом порядке. Вопрос же о том, какую нишу в экономической структуре АТР предостит занять России, остается открытым и продолжает вызывать серьезное беспокойство.

На протяжении последних десятилетий Советский Союз, правопреемницей которого является Российская Федерация, был одним из главных действующих лиц в регионе, однако его роль в основном сводилась к сфере военно-политического противостояния с Соединенными Штатами. Начавшееся во второй половине восьмидесятых годов ослабление военно-политической напряженности в АТР можно определить как начало широкомасштабного ухода нашей страны из Восточной и Центральной Азии, так как этот поворот практически не сопровождался разработкой компенсационных (в первую очередь экономических) мер.

Как было отмечено в одном из выступлений, "в географическом отношении Россия является державой АТР, в экономическом же - участие России практически равно нулю". Иными словами, гипертрофированное военное присутствие СССР было неадекватно реальным экономическим интересам, которые он имел в тихоокеанском бассейне в предшествующие десятилетия. Скорее наоборот, интересы экономики чаще всего приносились в жертву задачам военно-политического присутствия.

Еще одним осложняющим фактором является тяжелое социально-экономическое положение и отсталость дальневосточных районов России.

Все эти обстоятельства привели в итоге к тому, что некоторые страны региона рассматривают Россию прежде всего как европейскую державу, в результате чего в некоторых зарубежных проектах совместного освоения тихоокеанского бассейна ей либо отводится второстепенная роль, либо вообще игнорируется ее существование как региональной державы.

На симпозиуме было отмечено, что в настоящее время наметился процесс "сдвига на Восток", но в основном на уровне представлений и задач, но отнюдь не реальной политики. Кроме того, существует ряд структурных перекосов в отношениях России со странами региона.

Во-первых, эти отношения в основном ограничиваются рамками связей с двумя-тремя странами - Китаем, Японией, а в последнее время и Южной Кореей. Во-вторых, сами формы отношений сводятся главным образом к внешнеторговым связям, при дефиците прочих - инвестиционных, кредитно-банковских и др. Было высказано также мнение о нерациональном в последнее время построении отношений с традиционными партнерами - Вьетнамом, Монголией, Северной Кореей, что способствовало уменьшению и без того незначительных экономических позиций России в Восточной Азии.

Выступавшие на симпозиуме отмечали, что помимо экономического и военно-политического аспектов присутствия России в АТР существует также и чрезвычайно важный внутренний аспект. В настоящее время положение приморских (тихоокеанских) районов России можно определить как бедственное. В то же время, согласно некоторым оценкам, до 90% экономики Дальнего Востока работает на оборонку. Каких-либо шагов, направленных на изменение ситуации в лучшую сторону, нет. Если политика центра по отношению к дальневосточным и сибирским районам не претерпит изменения, то это может стимулировать сепаратистские тенденции на местах и привести к дальнейшему дроблению государства.

Помимо этого, отсутствие стабильности, элементарного порядка в районах, которые могли бы стать авангардом вхождения России в Азиатско-тихоокеанский регион, тормозит возможности этих районов для развития экономических связей с зарубежными партнерами. Нестабильность в центре детонирует нестабильность на территориальном уровне.

В то же время огромный потенциал, которым обладает Российская Федерация, ни в коей степени не соответствует тому скромному положению, которое сегодня Россия занимает в структуре региональных связей.

Многие выступавшие на симпозиуме ученые подчеркивали, что перспективы изменения положения России на Дальнем Востоке нельзя рассматривать в отрыве от анализа многовекового исторического фона развития роли России во взаимоотношениях западной и восточной мировых цивилизаций. Цивилизационные факторы не уходят с исторической арены и сегодня, хотя государства и представляют иную картину. Исторический контекст подтверждает наличие объективных факторов, предопределяющих сохранение влияния России в регионе. Иными словами, Россия, возможно даже независимо от своей воли, является одним из факторов, уравнивающих общерегиональный баланс сил. Уже этот факт объективно сближает позиции России с позициями значительного числа стран региона.

Главным партнером России на Дальнем Востоке является Китайская Народная Республика. Такая точка зрения, высказанная в ряде сообщений, не вызвала никаких возражений участников симпозиума. В интересах каждой из стран поддержание дружеских и стабильных двусторонних отношений. Нынешняя динамика мировых процессов не позволяет с полной определенностью делать вывод о том, какой путь дальнейшего развития изберут Китай или Россия, однако весь предыдущий опыт свидетельствует о том, что выбор при определении взаимной политики должен в минимальной степени зависеть от влияния конъюнктурных обстоятельств. Естественно, и сегодня в отношениях двух стран есть противоречия или несовпадения интересов. Существуют расхождения идеологического порядка, по определенным вопросам стороны могут выступать конкурентами (например, в области получения иностранных кредитов и привлечения капиталовложений), отдельные проблемы в области двусторонних отношений (как, например, пограничная) остаются неурегулированными. Наконец, негативный отпечаток

могут наложить отдельные аспекты отношений с некоторыми третьими странами.

Однако, по мнению большинства выступавших, более важное значение имеют факторы, предопределяющие близость позиций двух стран и заинтересованность китайской стороны в сохранении и развитии роли России в региональной политике и экономике.

В чем же причина поворота в политике КНР, на протяжении десятилетий активно борющейся за сокращение влияния России в АТР? Во-первых, прежде речь шла о военном присутствии Советского Союза как сверхдержавы. В изменившихся же условиях, как отметил один из докладчиков, Китай пытается изменить невыгодное геополитическое положение, в котором он оказался после распада СССР. Это, в частности, относится к взаимоотношениям Китая с Соединенными Штатами. Россия, лишившись статуса сверхдержавы, перестала отвлекать на себя основную идеологическую и военно-политическую мощь США. В то же время после распада СССР появилась вероятность того, что образовавшийся вакуум военно-политического доминирования в Северо-Восточной Азии может попытаться заполнить Япония, к чему в Китае традиционно относятся с большой настороженностью.

Еще одна группа факторов, которая стимулирует заинтересованность китайской стороны в сохранении сильной и стабильной России - это опасения, что нынешние дезинтеграционные и сепаратистские процессы в нашей стране могут вызвать нежелательный резонанс в Китае. Как было отмечено в одном из выступлений, и Россия в период попыток раздела Китая колониальными державами последовательно выступала за его целостность, руководствуясь при этом собственными национальными интересами. В данном случае существует определенная взаимозависимость двух государств. Обе страны должны учитывать в своей политике факт существования дуги нестабильности, наличие панисламистских, панмонголистских настроений. В связи с этим Россия и Китай - две крупнейшие державы региона - могли бы выступать гарантами стабильности в обширном районе от Средней Азии до Тихого океана.

В области экономического сотрудничества две страны могли бы оказывать взаимное содействие по проблеме более активного вхождения в экономическую структуру Азиатско-тихоокеанского региона. В этом направлении существует немало неиспользованных возможностей создания двух- и многосторонних форм регионального сотрудничества.

Одним из основных факторов, сдерживающих экономическое вхождение России в АТР, по мнению большинства выступавших, является характер российско-японских отношений, который нельзя признать удовлетворительным. Согласно экспертной оценке, представленной в одном из докладов, степень заинтересованности России в развитии отношений с Японией гораздо выше степени заинтересованности японской стороны. В настоящее время нет сколько-нибудь сильнодействующих стимулов,

побуждавших бы Токио стремиться к сотрудничеству с Россией, равно как нет и лобби, способного оказывать давление на правительство в данном вопросе. Японская сторона считает своей национальной целью решение в пользу Японии известной проблемы "северных территорий". С учетом подобной патовой ситуации представляется целесообразным в отношениях с Японией признать, что решение территориальной проблемы должно осуществляться на основе взаимных уступок и компромиссов; территориальный вопрос следует рассматривать не обособленно, а в общей системе российско-японских отношений; необходимо учитывать внутреннюю обстановку и общественные настроения внутри каждой из двух стран, а также международное значение проблемы; российско-японские отношения должны быть обращены в XXI век и не подвержены политической конъюнктуре; необходимо отказаться от попыток разрубить узел одним махом, придерживаться принципа постепенности и идти от решения менее сложных проблем к более сложным. Такие методы, по мнению одного из выступавших, наиболее адекватно отражают состояние современных российско-японских отношений и позволят избежать перекосов в общей дальневосточной политике России. Было отмечено также, что политика Токио направлена не только на замораживание развития собственно двусторонних российско-японских отношений, но и ориентирована на воздействие на позиции ряда других стран региона в вопросах их взаимоотношений с Россией.

В ряде выступлений отмечалось растущее у ряда стран региона беспокойство по поводу повышения военных расходов Японии и перспектив ее превращения в крупную региональную военную державу.

В последние годы определенным импульс получили отношения России с Южной Кореей, отражением чего послужило установление двусторонних отношений. Российско-южнокорейские отношения можно отнести к разряду перспективных. Корейская сторона выражает готовность к расширению сотрудничества, хотя, возможно, и не в такой степени заинтересованности как прежде. Вопрос упирается главным образом в возможности России. Недавний визит в Республику Корея Президента Российской Федерации Б.Н.Ельцина, давший, согласно оценкам выступавших, позитивные результаты, способен сыграть стимулирующую роль для дальнейшего развития двусторонних отношений. Российским же политикам следует исходить из долгосрочных перспектив своей "корейской" политики. Например, уже сегодня, возможно, следует определить принципы взаимоотношений с объединенной Кореей.

В целом ряде выступлений неоднократно подчеркивалось, что при формировании региональной политики России ни в коем случае нельзя упускать из виду развитие отношений с так называемыми малыми странами АТР, некоторые из которых в последние годы добились впечатляющих экономических успехов.

К числу государств, "незаслуженно отодвинутых на второй план" в системе внешнеполитических приоритетов России, в ряде докладов была отнесена Монголия. В этой стране, имеющей общую с Россией границу в 2000 км и длительную, неоднозначную историю взаимоотношений, в настоящий момент происходят сложные внутренние процессы. Согласно прозвучавшей на симпозиуме оценке, в современных отношениях между нашими странами были практически упущены 2-3 года, составившие период стагнации двусторонних связей. В то же время монгольское направление представляет собой большой резерв во внешней политике России. Заинтересованность в развитии двусторонних отношений существует и с монгольской стороны. Согласно приведенным в одном из докладов цифрам, Монголия "привязана" на 80% в торгово-экономической области к России. Кроме того, монгольская сторона заинтересована в решении проблемы "выхода" к Тихому океану. Участники симпозиума высказались за активизацию российско-монгольских отношений, проведение двусторонних контактов на высшем уровне.

Важное значение для позиций России в АТР, по мнению выступивших на симпозиуме ученых, имеют отношения с Индией и рядом неазиатских стран тихоокеанского бассейна.

Различные точки зрения были высказаны относительно характера и перспектив отношений Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки. Согласно одному подходу, США представляют собой главную угрозу на международной арене. Оставаясь единственной сверхдержавой и избавившись от препятствия, которое являл собой социалистический лагерь, Соединенные Штаты имеют возможность реализовывать свои концепции, диктовать и навязывать свою волю, включая использование агрессии. Согласно другому подходу, совпадающему с концептуальными положениями МИД Российской Федерации, Россию и США связывают союзнические отношения. Однако большинство ученых, выступивших на симпозиуме, придерживались более осторожных оценок. Так, подчеркивалось, что термин "союзные отношения" предполагает наличие совместного объекта противоборства, поэтому более уместно говорить о сотрудничестве, партнерстве, но отнюдь не о "союзничестве". Отмечалось также, что в настоящее время по меньшей мере преждевременно говорить о Соединенных Штатах как о союзнике России в связи с тем, что американская сторона еще не определилась до конца в том, какую политику проводить в отношении России - направленную на дальнейшее ослабление бывшего соперника или же его стратегическую поддержку. Подобная неопределенность выявилась еще более очевидно в период смены американской администрации и связанной с этим ротацией советников по вопросам внешней политики, а также выработкой новых ориентиров на международной арене. Учитывая приведенные доводы, большинство затронувших данный вопрос специалистов сошлись во мнении, что более целесообразно говорить не о союзничестве, а о двустороннем партнерстве - термине, в большей степени отвечающем реалиям двусторонних отношений и определяющим появление нового акцента

- "взаимодействие не против кого-то, а ради чего-то". Объективные факторы для такого взаимодействия существуют и в Азиатско-тихоокеанском регионе.

Участники симпозиума отмечали, что в основу политики России в АТР, в основу взаимоотношений с каждым государством региона должны быть положены национальные интересы нашей страны. В этой связи были высказаны неоднозначные оценки концепции внешней политики России, в отдельных выступлениях критиковался "непрофессионализм", проявившийся в некоторых шагах российской дипломатии, прозвучало беспокойство по поводу "непредсказуемости" действий России в АТР. В то же время позитивную оценку получило признание российским руководством того факта, что тихоокеанское направление является приоритетным не только в азиатской, но и в глобальной политике России. России следует активизировать свою политику вхождения в АТР, причем эта политика должна ориентироваться на долгосрочную перспективу и, может быть, на столетия. Это, по крайней мере, соответствовало бы методологии наших соседей в этом районе, которые руководствуются в своей внешнеполитической деятельности долгосрочными программами, уходящими в XXI век.

В настоящее время в стадии разработки находятся грандиозные проекты экономической интеграции в регионе, такие, как "экономическая зона Японского моря", "Большой Китай", Тумыньцзянский проект, в которые предполагается вовлечь целые группы стран и огромные капиталовложения. Обсуждается проблема создания зоны свободной торговли в северо-западной части Тихого океана и объединения ее в дальнейшем с североамериканской зоной свободной торговли, охватывающей США, Канаду и Мексику. России также следует присоединяться к различным формам международной кооперации, преследуя прежде всего свои национальные интересы. В этой связи в ряде выступлений прозвучали слова беспокойства о том, что реализация Тумыньцзянского проекта в его нынешнем варианте способна нанести существенный ущерб интересам России возможностью исключения из активной экономической деятельности крупнейших российских портов на Дальнем Востоке - Владивостока и Находки.

В ходе работы симпозиума участники остановились также на проблеме ответственности российской науки за теоретическое обеспечение деятельности практических внешнеполитических органов России как на глобальном уровне, так и на собственно дальневосточном направлении. Было подчеркнуто, что изменения, происходящие на международной арене, приводят к появлению в различных странах или районах мира новых внешнеполитических разработок и доктрин в области теории международных отношений. Нуждаются в корректировке и внешнеполитические концепции Российской Федерации. Аналитической научной работе по современной внешнеполитической проблематике должна сопутствовать деятельность по подготовке фундаментальных работ в данной области, документальному обеспечению деятельности российской дипломатии.

В целом итоги симпозиума показали, что расширение сотрудничества России со странами региона, активное ее вхождение в АТР как полноправного партнера является одним из наиболее приоритетных направлений внешнеполитической деятельности нашей страны как в ближайшие годы, так и на более отдаленную перспективу.

МОСКВА - ТАЙБЭЙ: КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ И КУЛЬТУРНЫМ СВЯЗЯМ

А.Ларин

18-19 марта 1993 г. в Москве состоялась научно-практическая конференция "Проблемы и перспективы развития неправительственных связей между Россией и Тайванем", организованная Дипломатической академией МИД РФ и Московско-Тайбэйской координационной комиссией по экономическому и культурному сотрудничеству. В конференции приняли участие руководители и сотрудники общественных и научных организаций, деловых структур обеих сторон.

Как показали в своих выступлениях председатель Московско-Тайбэйской комиссии О.И.Лобов, ректор Дипакадемии О.Г.Пересыпкин, проректор Е.П.Бажанов и другие участники конференции, отношения между Россией и Тайванем постепенно наполняются все более весомым содержанием. Развивается торговля (в 1992 г. - свыше 500 млн.долл; за год рост примерно вдвое), а с нею и судоходство, на очереди установление прямого авиационного сообщения. Тайваньской стороне предложено инвестировать капитальное строительство, сферу обслуживания и другие отрасли производства России. Изучается возможность размещения тайваньских капиталовложений в нефтехимию. Хорошей базой для сотрудничества может послужить 6-летний План национального развития Тайваня: в его рамках возможно участие России в строительстве мостов, туннелей, каналов, метро и т.д.

Другим перспективным направлением взаимодействия является соединение российских высоких технологий, в частности возможностей, открывшихся в результате конверсии, с тайваньским опытом организации производства. Здесь весьма интересным может оказаться соединение отечественных технологий с тайваньским капиталом для производства экспортной продукции в страны, где могут быть размещены, в частном случае, и сами совместные предприятия (проф. А.К.Субботин, Дипакадемия МИД).

Однако, как неоднократно отмечалось на конференции (Генеральный секретарь Совета развития внешней торговли Лю Тинцзу и др.), состояние отношений между Россией и Тайванем в настоящее время еще нельзя считать удовлетворительным. Объем двусторонней торговли в 1992 г. составил лишь 0,33% от общего внешнеторгового оборота Тайваня, многочисленные визиты ответственных лиц пока не приносят конкретных результатов.

Между тем как экономические партнеры Тайвань и Россия во многом могли бы дополнять друг друга, что подтверждается сравнением структуры их взаимного экспорта и импорта. В связи с этим тайваньская сторона готова предпринять ряд шагов: предоставить свою товаропроводящую сеть для поставки продукции из России и в Россию, поделиться с российскими коллегами своими "ноу-хау" и опытом развития малого и среднего бизнеса, создать специальный механизм для осуществления бартерной торговли с Россией и т.д.

Как отмечали многие из выступавших, любые усилия окажутся тщетными, если под "содержательные отношения" сторон (термин, принятый в тайваньской политологии для обозначения неполитических взаимоотношений) не будет подведена соответствующая организационно-правовая база. Тайваньские участники конференции подчеркивали, что в эту базу в какой-то мере должны быть включены и государственные органы. Создание ее не должно исчерпываться общим упорядочением российского законодательства в торгово-экономической сфере: здесь требуется заключение целой системы двусторонних соглашений и создание специальных организационных структур. Выступавшими был предложен широкий спектр таких структур - от представительств, наделенных широкими правами и привилегиями (директор Института международных отношений Университета Чжэнчжи Линь Бичжао), до информационно-консультационных центров по вопросам технологического обмена.

По мнению тайваньских ученых, при формировании указанных механизмов полезно использовать опыт сотрудничества Тайваня в отношениях с другими странами, в первую очередь США и Японией; Об этом опыте подробно говорилось в докладах зам.директора ИМО Су Ци, Генерального секретаря Ассоциации развития международной торговли Хань Суньлиня., профессора Национального университета Тайваня Гэ Юнгуана.

Много внимания участники конференции уделили состоянию и перспективам развития гуманитарных связей. Здесь была произведена тщательная инвентаризация пока еще не слишком многочисленных, но разнообразных по форме контактов (директор Института русских и славянских исследований университета Тамкан Дай Ваньцин, директор Института русского языка того же университета профессор Мин Ци). Отчетливой тенденцией в этой области является увеличение объема и видов связей. На будущее специалисты предлагают многообещающие совместные проекты. В этой связи следует отметить решение министерства просвещения

Тайваня о выделении стипендий студентам России и стран Восточной Европы для учебы на Тайване.

Часть выступлений участников конференции, главным образом тайваньских, была посвящена анализу проблемы объединения Китая и особенностей внешней политики Тайваня на современном этапе. Подчеркивалось, что Тайвань ни в коем случае не ставит своей целью нанесение ущерба отношениям России с КНР (зам.председателя Тайбэйско-московской координационной комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству Лэн Жошуй).

При всем разнообразии подходов участники конференции были единодушны в том, что для дальнейшего развития экономических и культурных отношений России и Тайваня на взаимовыгодной основе даже при отсутствии дипломатических отношений имеются большие возможности.

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

ИЗ ИСТОРИИ КОРЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (20-Е ГОДЫ)

С. Нам

Процесс переселения корейцев на российский Дальний Восток начался еще до 1917 г. и проходил с ведома и разрешения царского правительства, заинтересованного в освоении малонаселенных уголков региона. Начиная с 20-х годов, переселенцы оказались в достаточно сложной ситуации, повлиять на развитие которой они были практически не в состоянии. Во-первых, волею судеб они оказались на стыке русско-японского противоборства или, как позже стали говорить, в одном из центров нараставшего геополитического противостояния двух мировых систем.

Во-вторых, корейское население Приморья, значительную прослойку которого, начиная с 1911 г. составляли переселенцы, покинувшие аннексированную японцами Корею, считалось в Токио подданными императора. По существовавшим уже тогда в РСФСР понятиям они вполне могли рассматриваться как пособники иностранного государства со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Названные выше факторы стали существенно влиять на обстановку вокруг корейской общины сразу же после изгнания японцев с советского Дальнего Востока осенью 1922 г. Утверждения властей о пособничестве корейцев интервентам сопровождались заявлениями о шпионаже отдельных из них в пользу иностранного государства. Некоторые из представителей власти стали называть корейцев "классовыми врагами". В расчет не принималась даже активная борьба против интервентов в составе отрядов Красной Армии и корейских партизанских отрядах, перешедших из Маньчжурии и ставших на сторону вновь возникшей в те годы буферной Дальневосточной республики. Хотя восвали тогда корейцы, как свидетельствуют очевидцы и документы, самоотверженно, защищая вновь обретенную на российской земле родину.

Чтобы оставаться на позициях реализма и объективно оценивать историческое прошлое, следует помнить не только героические, но и темные

Нам Светлана Георгиевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН.

стороны в истории каждого народа. Попытаемся в аналогичном плане проанализировать ситуацию, сложившуюся в рассматриваемый период на Дальнем Востоке.

Из имеющихся материалов следует, что после апреля 1918 г. вслед за японскими войсками в российское Приморье пришли их разведывательные и жандармские службы, а затем появились завербованные ими агенты из числа отдельных корейцев. Естественно, что с изгнанием интервентов сведения об этих случаях, зачастую намеренно, стали распространяться среди населения края. Положение осложнялось тем, что подавляющее большинство корейских семей имели родственников в аннексированной японцами Корее, что в те времена считалось большим криминалом.

Приложили свою руку к усугублению ситуации в Приморье и правящие круги Токио. В свое время, аннексировав Корею, они широко распространяли на Дальнем Востоке заявления об обязанности корейцев-эмигрантов быть законопослушными японской империи. Намеренно или нет, но тем самым японцы подогревали настроения подозрительности и неприязни вокруг корейцев-беженцев и партизан, по разным причинам оказавшихся в пределах российского Приморья.

Как развивались события дальше и были ли найдены пути для нормализации обстановки?

На этот счет в архивах имеются документы, которые проливают свет на последующий ход событий. Интересна в этом плане служебно-личная переписка Хан Менсе, одного из бесспорных лидеров корейской общины в Приморье, участника IV Конгресса Коминтерна, на котором была принята специальная резолюция по корейскому вопросу. Входя в состав корейского бюро (Корбюро), учрежденного этим же конгрессом, Хан Менсе в середине января 1923 г. обратился с письмом в Москву в Наркомат по делам национальностей. В письме он с тревогой сообщал об обстановке, сложившейся вокруг корейской общины. Хан Менсе отмечал, в частности, следующее:

"Дальбюро ЦК РКП¹ постановило выселить всех корейцев из Приморья. Это абсурд². Мотивы: распространение в края японского влияния через корейцев. Мы знаем это хорошо и первыми подняли вопрос по борьбе с этим явлением, но для этого необходима организованная и целесообразная борьба, а не "выселение" всей массы корейцев из Приморья. Тут нужна не политика открещивания, какую давно заняло Дальбюро по отношению к нам, а совместная братская работа по разрешению нашего вопроса, который все же является национальным вопросом".

И далее: "Здесь необходимо авторитетное вмешательство Центра. А потому очень просил бы вас поставить вопрос о национальной политике на Дальнем Востоке и, в частности, постановлении Дальбюро перед ЦК РКП и осадить ура-коммунистов из Дальбюро... Основательно переговорите с тов. Сталиным³ по нашему вопросу, иначе мы не сможем "мирно" разрешить его".

Следует пояснить, что цитируемое письмо - второе по счету, с которым Хан Менсе обратился в Наркомнац. В первом, отправленном в Москву неделей ранее, он предложил создать в Приморье "национально-культурную, автономно управляемую единицу", которая могла бы положительно решать все сложные национальные проблемы живущих там корейцев. Тревожное развитие событий и сообщения о надвигающемся тотальном выселении соотечественников из Приморья заставило Хан Менсе обратиться к Наркомнацу с новыми предложениями и стучаться в двери этого ведомства с удвоенной силой.

В наше время содержание второго письма наводит на мысль о том, что идея массового насильственного переселения отдельных национальных меньшинств - если иметь в виду в качестве примера российских корейцев - зародилась вскоре после окончания гражданской войны в Сибири и иностранной интервенции на Дальнем Востоке. Как видно, пальма первенства в этом вопросе принадлежала не Сталину, как предполагалось до сих пор, а деятелям из уже упоминавшегося здесь Дальбюро. Но сам по себе этот способ разрешения национального вопроса не был им навсегда отвергнут и был оставлен на вооружении для использования в будущем.

Наряду с Наркомнацем сообщения о событиях в Приморье поступили и в Исполком Коминтерна. По решению Конгресса Коминтерна корейское население на Дальнем Востоке в приграничных с Китаем районах считалось эмигрантским и потому партийная и советская работа с ним включалась в сферу деятельности Восточного отдела и Корейского бюро Исполкома Коминтерна. Свою деятельность эти структуры должны были осуществлять, согласовав предварительно с официальными властями РСФСР. По оценке коминтерновских представителей, полученные сведения о событиях на Дальнем Востоке были более, чем тревожными. Видимо поэтому, на неделю раньше, чем Хан Менсе обратился с письмом в Наркомнац, во Владивосток, даже без обязательного мандата от Наркомнаца, уполномочивающего коминтерновского представителя работать среди корейского населения Приморья, был спешно направлен заместитель председателя Корбюро Исполкома Г.Войтинский.

Пробыв в Приморье месяц с небольшим и ознакомившись с ситуацией, Г.Войтинский изложил краевым властям свои соображения по локализации конфликта. Затем он направил в Наркомнац письмо-отчет. Из него следовало, что для урегулирования назревавшей в крае межнациональной напряженности им уже предприняты первые шаги организационно-политического порядка. Имелось ввиду учреждение специального института уполномоченных по корейским делам, который позволял корейцам, особенно так называемым антияпонским партизанам, уравнивать свои права со всеми жителями края и выступить в качестве консультантов по вопросам их взаимоотношений с другими национальностями. Выделенные для этих целей представители корейской общины должны были работать при губернском и уездных революционных комитетах. Г.Войтинский и местные власти

рассчитывали, что этот институт "благотворно отразится на взаимоотношениях с корейским населением, в первую очередь, сгладит острые углы отношений к корпартизанам", отношение к которым со стороны русских властей, по утверждению того же Г.Войтинского, было "ненормальным".

Одобряя, в основном, эту позицию, Корбюро Коминтерна со своей стороны предложило еще ряд мер организационного порядка, которые могли бы оказаться полезными в то время и которые в конечном итоге были поддержаны и реализованы центральными властями Приморья. Был, в частности, решен вопрос о документировании корейского населения, выдаче видов на жительство бывшим партизанам и тем, кто не имел местных документов. Выделены средства для оказания материальной помощи демобилизованным из партизанских отрядов и Красной Армии ит.п.

По существу, многое из проделанного, было направлено на регулирование отношений с вооруженной частью корейского населения в лице партизанских формирований, бойцы, по всей видимости, готовы сразу переключиться на мирное бесконфликтное существование и на переподчинение местным гражданским властям. В свою очередь власти на местах по своему оценивали действия и намерения корейских партизан. И часто оценки были не в пользу последних. Возникали в тот период серьезные трения и соперничество на местнической основе и в самой партизанской среде, особенно среди командного состава.

В некоторых случаях следовали аресты отдельных корейцев и их депортация через госграницу, чем пользовались японцы, широко оповещая об этом население аннексированной ими Кореи.

Как отмечалось выше, в числе первых, кто осознал полноту надвигающейся опасности, оказались представители Коминтерна. Они, проявив необходимую политическую гибкость, сумели локализовать действия Читинского Дальбюро ЦК РКП, представители которого заявили себя яркими сторонниками чисто силовых методов.

Для дальнейших событий было важно, что оппонировавшие читинцам коминтерновцы убедили в обоснованности своей позиции Наркома по делам национальностей и совместно с Приморскими властями, в состав которых входил влиятельный Губернский Ревком, сумели осуществить и другие политические, социальные и правовые мероприятия, уменьшив за счет этого межнациональную напряженность и обеспечив стабилизацию общей обстановки не только в Приморье, но и в целом на Дальнем Востоке.

Подводя итог, можно подчеркнуть, что в не столь уж далеком прошлом, представители отдельных властных амбициозных структур, подчас не задумываясь о грядущих последствиях, пытались опробировать силовые методы решения судеб небольших народов, этнических и социальных групп.

Но, наряду с этим, из прошлого известны и другие примеры умелого, спокойного и своевременного разрешения национальных проблем, какими бы сложными на первый взгляд они не казались. Тем, кто руководствовался

этим принципом было ясно и другое, а именно: последствия любой национальной розни тяжелым бременем ложатся на все население. А для простых людей, в конечном итоге, не имеет значения, какие властные структуры, партийные или государственные, центральные или местные, устраняют дискриминационные меры и предотвращают межнациональные столкновения. По крайней мере в 1922-1923 гг. многонациональный Дальневосточный край, благодаря помощи здравомыслящих политических деятелей, помощи, разумной по сути и форме, не стал ареной межнациональных столкновений и раздоров на этнической и иной почве.

Можно надеяться, что положительный опыт прошлого заинтересованно воспринимается теми, кто, отложив в сторону политические пристрастия, хотел бы и в наше время приостановить межнациональные распри и тем более вооруженные противоборства между народами, еще совсем недавно жившими в едином межнациональном государстве.

¹ Дальбюро - региональный орган ЦК РКП(б). В рассматриваемый период находился в Чите.

Ведал вопросами Сибири и Дальнего Востока.

² Здесь и далее стиль изложения и пунктуация - по подлиннику.

³ В начале 20-х годов И. Сталин был наркомом по делам национальностей.

40-Е ГОДЫ: ДЕПОРТИРОВАННЫЕ И МОБИЛИЗОВАННЫЕ НЕМЦЫ

Н. Бугай

Сегодня приоткрываются архивы ведомств, которые занимались принудительным переселением народов в 40-е годы как с Дальнего Востока, так и на его территорию, что позволило в известной степени восстановить картину событий того времени. Особую ценность представляют в связи с этим документы НКВД-НКГБ СССР, а также МВД-МГБ СССР, Верховного Совета СССР, СНК СССР и документы, содержащиеся в "Особой папке

Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Российской истории РАН.

Сталина", которая хранилась в Секретариате НКВД-МВД СССР. Каждый год формировались 1-2 дела, в которых концентрировалась переписка ведомств с И.В.Сталиным, информации, направленные в ЦК ВКП(б), Государственный Комитет Обороны, Совет Министров СССР, имевшие гриф "совершенно секретно". Характерно наличие в этих папках копий документов, адресованных Берии, а также его докладных записок на имя Сталина, в том числе и относительно краев и областей Дальнего Востока.

Меры по переселению особенно активно предпринимались в отношении немецкого населения. С конца августа 1941 г., когда было выселено все немецкое население из АССР Немцев Поволжья, усиливается приток немцев в регионы Дальневосточного края. Увеличение численности немецкого населения происходило и за счет депортаций немецкого контингента из других регионов страны, где оно проживало дисперсно.

Необходимо учитывать также и тот факт, что в некоторых союзных республиках, краях и областях Российской Федерации проживали и немцы, которые не подлежали депортации. Это относится к немцам, проживавшим в районах Восточной и Западной Сибири, Казахстана, республик Средней Азии, Дальнего Востока. Но и их судьба складывалась таким образом, что им пришлось претерпеть все те же "прелести" сталинского режима, испытать на себе действие системы спецкомендатур.

В условиях острой нехватки рабочих кадров практически во всех сферах народного хозяйства СССР в 40-е годы получили широкое распространение трудовые мобилизации через создание специальных трудовых армий, рабочих колонн, батальонов, бригад.

Трудовые армии как социальное явление в условиях социалистического эксперимента уже были известными. К их созданию прибегали еще в начале 20-х годов. Они были сформированы на Украине, на Северном Кавказе, на Урале, в Азербайджане. Однако в отличие от 40-х годов их организация и цели были совершенно иными. Сразу же после окончания Гражданской войны демобилизованные красноармейцы были направлены на восстановление народного хозяйства страны. Они были заняты в основном на нефтепромыслах, в сельском хозяйстве. По мере упрочения советской власти надобность в трудовых армиях отпадала.

Однако в 40-е годы идея создания подобных армий в уродливом виде была привнесена в гражданскую сферу. Исключительно из гражданского населения началась организация трудармий, рабочих колонн, батальонов и бригад. Формировались они, как правило, из репрессированных народов, что, конечно, дает возможность рассматривать подобную акцию как еще одну изощренную форму их преследования.

Принудительным методом формирования трудовых армий соответствовали и формы режима проживания трудоармейцев, мало чем отличавшиеся от гугаговских или от условий проживания спецпереселенцев. Более того, в последующем многие из батальонов, бригад, колонн были переведены в статус "спецпереселенцы".

Законотворческая работа по трудовому использованию граждан немецкой национальности была начата уже в 1941 году. Среди первых актов - приказ НКВД СССР N 001398 от 26 сентября 1941 г., в котором в соответствии с постановлением ГКО N 660 "совершенно секретно" от 11 сентября 1941 г., местные органы обязаны были "все строительные батальоны, работавшие в системе НКВД, реорганизовать в рабочие колонны, снять с интендантского снабжения и содержать их состав как строительных рабочих"¹.

30 октября 1941 г. последовало распоряжение СНК Союза ССР N 57-К "О расселении лиц немецкой национальности из промышленных районов в сельскохозяйственные".

В связи с названными нормативными актами особое значение приобретает и предписание заместителя начальника ГУЛАГа НКВД СССР Г.Завгороднего, направленного на места 20 ноября 1941 г., в котором давалось разъяснение правовой стороны положения батальонов, колонн. В частности в п.1-2 указывалось: "Стройбаты работают как трудовые колонны. Мобилизованные в эти колонны являются военнообязанными и уйти из колонн самовольно не могут"².

10 января 1942 г. ГКО принял постановление N 1123 "совершенно секретно" "О порядке использования немцев-спецпереселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет". В нем давалось указание "к мобилизации приступить немедленно и закончить 30 января 1942 года". Неявка, уклонение карались применением высшей меры наказания. Получали толкование в документе и правила переезда мобилизованных, их поведения, обязанностей. Что касается продовольственного обеспечения, то указывалось, что нормы его соответствуют "нормам установленным ГУЛАГом НКВД СССР"³.

Постановлением ГКО N 2281 "совершенно секретно" от 14 февраля 1942 г. контингент немцев, подлежащих использованию на трудовом фронте, был расширен. Он пополнялся за счет немцев-мужчин призывного возраста от 17 до 50 лет "постоянно проживающих в областях, краях, автономных и союзных республиках". Среди регионов назывались Хабаровский и Приморский края⁴. 7 октября 1942 г. ГКО принял новое постановление "О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства".

14 октября 1942 г. названные постановления были распространены ГКО и на граждан других национальностей, в частности румын, венгров, итальянцев, финнов⁵.

В конце октября 1942 г. появились и постановления СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) N 1732 "О развитии прибрежного лова рыбы в Белом и Баренцевом морях", "О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке". В связи с этим, как замечал заместитель наркома внутренних дел Союза ССР Василий Чернышов, предполагалось направить контингенты (в первую очередь немцев) на Лену, Енисей, Яну, и в районы Колымы.

Еще в начале октября 1942 г. начальник Отдела спецпоселений НКВД СССР майор госбезопасности Иванов, опираясь на сведения НКВД СССР-УНКВД и Центрального управления народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) при СНК Союза ССР, подготовил справку о наличии граждан немецкой национальности на территории СССР "подлежащих переселению в отдаленные области в первую очередь".

В Министерство внутренних дел Союза ССР, НКВД СССР сразу же стали поступать запросы разъяснить: кто из немцев подлежит мобилизации. НКВД Приморского края запрашивал "подлежат ли мобилизации имеющие детей старше 3-х лет и бездетные женщины-немки, мужья которых - русские, часть из них находится в Красной Армии, некоторые ответственные работники, члены ВКП(б)". На что было дано указание - "освободить, их немного".

Уже к осени 1942 г. была полностью подготовлена юридическая основа для проведения мер по мобилизации немцев.

В рекомендациях НКВД СССР (а они, как правило, были обязательными для исполнения) о порядке образования трудовых объединений из немцев указывалось, что немцы-мужчины в возрасте от 17-18 до 50 лет призываются через военкоматы в рабочие колонны. Явка, работа обязательны. Призванные на работы организуются в отряды до 1500 человек, во главе с чекистом, лагерным работником. Отряды делятся на колонны (по 250-300 чел.) и бригады по 50-75 человек. Дисциплина - по уставам Красной Армии, пашк - лагерный, повышенный на 10-15% нормы. Все мобилизованные немцы должны были являться в своей зимней одежде, белье, имея с собой постельные принадлежности, кружку, ложку. За отказ от работы предусматривалось наказание - 10 лет лагерей, за дезертирство - расстрел⁶.

НКВД СССР втягивал в эту орбиту все больше регионов. В августе 1943 г. зам.наркома Василий Чернышов направил предписание ЦК КП(б) Казахстана Скворцову и НКВД республики Богданову, в котором указал на проведение "мобилизации трудпоселенцев и немцев в угольную промышленность и на строительство N 500 на Дальнем Востоке в следующих количествах: первое - по постановлению ГКО N 3857 от 2 августа на строительство N 500 - 2300 человек, второе по постановлению ГКО N 3960 от 19 августа в угольную промышленность - 8500 человек⁷.

Что касается первых двух постановлений, то специально разъяснялось: "НКВД не возражает при затруднениях с мобилизацией пополнить недостающее число за счет немцев".

Численность граждан немецкой национальности на Дальнем Востоке постепенно возрастала. Это было связано прежде всего и с прибытием в Хабаровский край немцев-репатриантов. В 1946 г. их прибыло в край 18420 чел., в Нижне-Амурскую обл. - 1000 чел., в Амурскую обл. - 1628 чел., в Сахалинскую обл. - 1220 чел. Этот контингент прибывавших привлекался на

работу в объединениях "Приморзолото", "Райчихауголь", "Сахалинуголь", "Хабаровсклес" и др.⁸.

В системе "Дальстроя" немецкие батальоны насчитывали 581 чел. Директивой Министерства внутренних дел Союза ССР N 63 от 24 марта 1946г. немцы переводились из трудмобилизованных на положение спецпереселенцев.

Мобилизованным немцам, пребывавшим на Дальнем Востоке, приходилось добывать железо, руду, редкие металлы, плавить сталь. Заместитель начальника отдела спецпоселений МВД СССР полковник Лютый в одной из сводок сообщал, что на работах "Главцветмет золото" из числа занятых 29930 чел. немцев было 9001 человек. Начальник Отдела спецпоселений МВД СССР В.В.Шиян, представляя сведения о выселенцах, спецпоселенцах, подлежащих выселению в Западные и Восточные районы Сибири, районы Казахской, Узбекской ССР и Коми АССР (решение было принято еще в конце 1948 г.), сообщал также в 1950 году о том, что контингенты рабочей силы должны пополниться переселяемыми в Амурскую область - 17870 чел., Сахалинскую обл. - 3952 чел., Дальневостстрой - 28786 чел., т.е. на Дальний Восток направлялись на втором этапе переселений более 50 тыс. человек, среди которых находились и граждане немецкой национальности.

Всего же, по данным НКВД СССР, на различных работах немцев-спецпереселенцев использовалось 695955 чел.; мобилизованных немцев было занято 113341 чел.⁹.

Ликвидация рабочих колонн, батальонов заняла продолжительное время. В декабре 1942 г. лагерям и строительствам НКВД СССР разрешалось освободить из рабочих колонн мобилизованных немцев - инвалидов и больных, восстановление трудоспособности которых было невозможным. При этом заместитель наркома внутренних дел Союза ССР С.Круглов предписывал "строго соблюдать направление их (немцев. - Н.Б.) к местам расселения"¹⁰.

Освобождение остальных мобилизованных проводилось уже в следующем десятилетии.

Таким образом на протяжении многих лет советские немцы на Дальнем Востоке составляли армию дешевой рабочей силы, "пожарные трудовые отряды", которые можно было перебрасывать по указующему персту "вождя народов" и его сподручных в любой район великой державы, не прилагая особых усилий к созданию хотя бы минимальных условий для человеческого обитания.

¹ ГААРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1157. Л. 5а.

- 2 Там же. Л. 19.
- 3 РІХИДНИ. Ф. 664. Оп. 1. Д. 19. Л. 49-50.
- 4 Там же. Д. 21. Л. 51.
- 5 Там же. Д. 64. Л. 24.
- 6 ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1157. Л. 1-2.
- 7 Там же. Д. 110. Л. 129.
- 8 Там же. Л. 248. Л. 41-43.
- 9 Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 257. Л. 107.
- 10 Там же. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 12. Д. 129; Ф. 9479. Оп. 1. Д. 112. Л. 89.

”Личность в традиционном Китае”.

*Редакционная коллегия: Л.П.Делюсин, Л.Н.Борох, Е.Б.Поршнева. М.:
Восточная литература, 1992. 325 с.*

Эта книга продолжает издаваемую сотрудниками Института востоковедения РАН серию сборников статей, посвященных различным аспектам традиционной китайской идеологии. Ранее вышли в свет сборники по проблемам этики и ритуала, истории буддизма, утопической мысли в Китае. Новое издание касается темы как нельзя более разветвленной и сложной: концепция личности в идеологии и культуре Китая.

Попытка определить понятие личности наталкивается прежде всего на трудности увязывания единства человеческого ”я” с изменчивыми и преходящими состояниями человеческой индивидуальности. Возможно, по этой причине проблеме личности суждено иметь привилегированный статус в сравнительно-культурологических исследованиях. Своеобразие культурной традиции, вероятно, ни в чем не проявляется так ярко, как в признаваемом данной традицией способе соотнесенности (в сущности, неизбежно догматической) логического средоточия и временной модальности личностного мира. В Европе классическим ответом на эту дилемму стало утверждение предметности личностного ядра, будь то индивидуальная душа или трансцендентальный субъект немецкого идеализма. Что касается китайской идеи личности, то ключ к ее расшифровке дает, на мой взгляд, понятие символического типа, которым обеспечивается внутренняя связь социальности и самобытности индивида. В качестве символического типа человек есть только общественная функция, именно - лицо. Но как функциональность всех функций, он есть ”великий человек”, вместивший в себя полноту бытия и, по слову Чжуан-цзы, ”прозревший Одинокое” в себе. Впрочем, эта внутри прозреваемая единичность самосознающего ”я” не носила в китайской традиции формально-логического характера; она была растворена в стихии телесной интуиции и представала, как сама динамическая реальность дао, ”пресуществлением по ту сторону всех превращений”, темным двойником, тенью жизненной конкретности.

К сожалению, эта онтология ”внутреннего”, или, как еще говорили в Китае, ”небесного” человека, осталась почти незамеченной авторами сборника, а без тщательного ее анализа невозможно составить правильное представление о личности в китайской культуре. Тем не менее во всех статьях сборника успешно отстаивается тезис о наличии в Китае оригинального и плодотворного понятия личности. Наибольшее теоретическое

значение среди них имеют работы А.С.Мартынова "Проблема личности в императорском Китае" и А.И.Кобзева "Личность, природа и судьба человека в конфуцианстве".

В своей статье, насыщенной богатейшим и новым для нашего читателя материалом, А.С.Мартынов противопоставляет послеренессансной концепции личности в Европе китайскую идею личности, выступающей носителем не индивидуалистического начала, а, скорее, "воли к гармонизации" мира и общества. А.С.Мартынов приходит к выводу о существовании в китайской культуре сильно выраженного "личностного параметра человеческого бытия", который, впрочем, искал для себя выражения прежде всего в политике, т.е. в публичной области (с. 110). Этот вывод уместно дополнить замечанием Е.И.Кычанова в его статье "Право и личность в старом Китае" о том, что "чем выше /в Китае. - В.М./ статус лица, тем больше у него возможность проявить себя как личность" (с. 138). В свою очередь А.И.Кобзев раскрывает важное значение телесного аспекта в китайских представлениях о личности. Идею разнообразия душ, свойственной западному индивидуализму, как отмечает А.И.Кобзев, "в Китае противостоит принцип материалистического коллективизма (единство тел)" (с. 149). Глубокое и верное замечание, многое проясняющее в китайском непонимании. Но если наследие китайской культуры открывает нам новые и неизвестные измерения человеческой личности и в этом смысле обладает неоспоримой гуманистической ценностью, то нужно еще определить, как согласуются между собой западная и восточная концепции личности. Прав ли Т.Метцгер, утверждающий, что китайская и европейская модели личности являются друг для друга только образцом "психической патологии"?¹

Статьи Чэнь Чуаньси и Е.В.Завадской "Прорастание "я" - творческий путь Чэнь Хуншоу" и С.А.Серовой "Творческая личность в театре XVI-XVII вв." знакомят с новыми гранями личностного самосознания китайцев в тревожное, зыбкое время разложения китайской традиционной культуры - разложения, которое так и не привело к рождению в Китае нового, посттрадиционного культурного синтеза. Авторы приводят немало свидетельств резко обострившегося сознания творческой индивидуальности человека в Китае XVI-XVII вв, в том числе и культура эксцентризма как проявление нового личностного самосознания. Но открытие неповторимости личности сопровождалось в Китае стремлением представлять в своем лице всю традицию. Поэтому новый индивидуализм породил в тогдашнем китайском обществе неизвестный в Европе тип неконформистского консерватора. (ср. модный в ту эпоху идеал "древнего и причудливого" человека). Оттого же не все так просто и с оценкой тогдашних художников-индивидуалистов. Например, в статье о Чэнь Хуншоу отмечается, что этот оригинальный живописец "не хотел связывать себя никаким образцом" и не считал обязательной "принадлежность к той или иной живописной школе" (с. 175). Между тем в качестве критерия живописи Чэнь Хуншоу считал главным критерием оценки художника именно его принадлежность к определенной

школе. К сожалению, Чэнь Чуаньси и Е.В.Завадская не упоминают об этом важнейшем тексте великого новатора живописи XVII в. Как бы там ни было, личность в китайской культуре так и не вышла за рамки классификации символических типов, хотя бы и очень уточненной. Аутентичной формой бытования такой личности осталась школа как воплощение непреходящей личности-типа, возобновляемой в каждом новом поколении учеников. Эта личность-тип занимала промежуточное положение между индивидуальным физическим лицом и архетипическим "небесным" человеком, воплощавшим полноту присутствия бытия и потому столь же всеобъемлющим, сколь и сокровенным.

Ряд статей сборника посвящен концепциям личности в реформистской и революционной идеологии XXв.: таковы работы Л.Н.Борох и Н.М.Калюжной об идее личности у Лян Цицао и Чжан Бинлиня, статья В.С.Аджимаудовой "Принцип личности в литературе "4 мая".

Как показывает Л.Н.Борох, Лян Цицао одним из первых в Китае ввел фундаментальное для либеральной мысли понятие индивидуальной свободы личности, которое Лян Цицао передал по-китайски довольно громоздким словосочетанием: "управление самим собой". В условиях Китая, отмечает Л.Н.Борох, "представление об индивиде, независимом от какой бы то ни было группы и не включенном в какую-либо структуру, признание его субъектом, самостоятельно "собой управляющим", нарушало конфуцианскую концепцию "самости", согласно которой в отношениях между индивидом и группой приоритетными считались интересы группы, общее (гун) ставилось выше "частного" (сы)..." (с. 212). Конкретно человеческий идеал для Лян Цицао воплощался в образе "героической личности", реализующей себя как в личном совершенствовании (овладении своей природой), так и в переустройстве общественной жизни. В этом пункте прославление индивидуальных прав личности довольно неожиданно оборачивалось у Лян Цицао прославлением элитарных "героев", противостоящих пассивной и темной "толпе".

Ярко выраженный моральный пафос свойствен, как показано в статье Н.М.Калюжной, и взглядам на личность Чжан Бинлиня, с особенной настойчивостью подчеркивавшего преемственность (отсутствовавшую в традиционном Китае) между частной и общественной моралью. (с.253). Любопытен перечень четырех качеств революционной морали у Чжан Бинлиня. Среди них мы встречаем "стыд", "достоинство", "лояльность" и "непреклонность", которая, кстати сказать, предполагала демонстративно эксцентричное поведение и даже признаки "нервного расстройства" (с. 259). Набор черт вполне традиционный, включая и эксцентризм, смахивающий на безумство, каковой и был наиболее аутентичной формой выражения индивидуализма в старом китайском обществе.

В статье В.С.Аджимаудовой рассматривается главным образом влияние творчества Ибсена на общественное сознание китайской интеллигенции в период движения "4 мая". Наибольший интерес в ней

представляет оппозиция между новым идеалом общественной свободы личности (по-разному защищаемым Ху Ши и Лу Синем) и традиционалистскими воззрениями писателя Чжоу Цзожэня, унаследовавшего, как справедливо отмечает автор, свойственное традиционной культуре обостренное внимание к внутренней субъективности.

В целом новый образ личности предстает глубоко двойственным и даже противоречивым. Как социальная величина он, безусловно, не имеет precedентов в традиционной китайской мысли. И все же эта "революционная личность" очень традиционна в самих движущих силах своего общественного служения (на чем особенно настаивает Т.Метцгер) и еще, пожалуй, в своей психологической композиции. Мы имеем дело все с той же типизацией личности, оправдываемой моральным пафосом.

Замыкают сборник выдержки из дневников покойного В.А.Рубина: частные заметки-размышления на темы классической китайской философии. Впервые изданные в Израиле в 1988 г. эти, несомненно, интересные, зовущие к диалогу записи нашли теперь дорогу к отечественным читателям.

В.Малявин

¹ T.A.Metzger. *Escape from Predikament. Neo-Confucianism and China's Evolving Political Culture.* N.Y., 1997, p.67.

А.Переломов "Слово Конфуция"
М., ТПО "Фабула", 1992, 190 с.

Эта небольшая по академическим меркам книга, без сомнения, привлечет внимание как специалистов-китаеведов, так и широкие круги читателей. Посвященная великому мыслителю Востока и "учителю китайской нации" Конфуцию, новая работа известного российского китаеведа-историка Л.С.Переломова позволяет глубже понять истоки и содержание "китайской мудрости", ее научной и этической конструкции - конфуцианства и его значение в становлении национальной культуры Китая, а затем - и других регионов Восточной Азии. Можно согласиться с автором и в том, что конфуцианская культура, конфуцианские этические ценности сыграли существенную роль в экономическом прогрессе новых индустриальных стран этого региона (с. 5). Есть и еще одно важное обстоятельство, делающее монографию Л.С.Переломова научно и политически актуальной - это стремительно возросший интерес в мире к Востоку, к Китаю, в частности, обусловленный резко обострившейся в последние годы проблемой

взаимоотношений между технологическим прогрессом мировой цивилизации и состоянием ее духовной культуры. Вновь становятся актуальными точка зрения выдающегося немецкого философа Освальда Шпенглера на гибель культуры и перерождение ее во враждебную ей технократическую и политическую цивилизацию, высказанная им в работе "Закат Европы" (1922), а также его концепция локальных культур, отрицающая единую общечеловеческую культуру и ее сквозной поступательный прогресс¹. В объективных условиях современного мира проблема духовных ценностей, духовной культуры как мерила общественного прогресса и ее отношение к понятию "цивилизация" вообще приобретает особое значение и в научном, и в политическом смысле. И поскольку Восток в целом и Китай - в особенности - являются носителями древнейшей духовной цивилизации, интерес к их культуре вполне оправдан. Более того, несмотря на огромную заслугу западной культуры в развитии духовной истории человечества, последнее столетие выявило все же известный приоритет духовного начала именно в культуре Востока. Таким образом, проблема "Восток-Запад" вновь оказалась в центре внимания историков и культурологов. И книгу Л.С.Переломова можно рассматривать в русле новой интеллектуальной волны современной социологии и философии культуры.

О Конфуции и конфуцианстве написано множество книг - и в Китае, и в Европе, и в США, и в России. Личность Конфуция, его жизнь и учение не перестают волновать исследователей и в наши дни. Продолжаются споры о сути его учения, появляются новые версии перевода основного памятника, где изложены взгляды мыслителя - "Лунь юя". Личность Конфуция при этом приобрела в известной степени легендарный, порой мифологический характер. Не случайно крупнейший американский исследователь китайской философии Х.Крил назвал свое исследование "Конфуций. Человек и Миф."². Неоднозначны и оценки этического и социально-политического содержания взглядов Конфуция - от защитника народных интересов (Го Можо) до реакционера и ретрограда, служившего родовой аристократии (Ян Юнго). И причина столь резких расхождений кроется не только в разных идеологических ориентациях китайских ученых, но и в том, что отделенный от наших дней двумя с половиной тысячелетиями текст "Бесед и рассуждений" Конфуция ("Лунь юй") - равно, как жизнь философа, - оказывается труднейшей загадкой, решить которую полностью нынешним исследователям вряд ли возможно. Для этого необходим сугубо специальный анализ как текстов (записей) высказываний самого Конфуция, так и всей огромной комментаторской литературы, которой оброс памятник "Лунь юй" за минувшие века. И безусловным достижением автора рецензируемой книги как раз и является такое стремление, которое он проявляет на протяжении двух последних десятилетий.

Кому адресована книга Л.С.Переломова? Каков ее жанр? От ответа на эти вопросы зависит и ее оценка. Сам автор пишет, что она рассчитана на массового читателя. В то же время в примечании от редакции указывается,

что это - сокращенный вариант готовящейся в издательстве "Восточная литература" академической монографии "Конфуций: жизнь, учение, судьба" (с.6). Эта двойственность задач, которые, видимо, ставил перед собой автор, перерабатывая монографию в популярную книгу, доступную массовому читателю, - наложила на книгу свособразный отпечаток: она действительно с интересом может быть прочитана неподготовленным в китаеведении читателем и китаеведом-специалистом, поскольку в ней сохранены научный контекст, научная проблематика и подчас оригинальность ее разработки. Однако переработка (или только сокращение?) монографии в популярное издание обусловила и неизбежные в таких случаях потери: известная скороговорка при анализе серьезных научных проблем (роль Конфуция и конфуцианства в становлении китайской цивилизации, этапы развития конфуцианства после Конфуция и реинтерпретация его учения и т.п.), облегченность аргументации при дешифровке спорных с точки зрения перевода текстов "Лунь юя", неполный круг проблем, затрагиваемых в своих беседах Конфуцием, необъясненность многих реалий современного ему Китая, слишком легкое решение вопроса об авторстве канонического "пятикнижия", которое целиком отдается Конфуцию, и т.п. Я сознательно перечислил все эти недостатки работы Л.С.Переломова вначале, чтобы больше к ним не возвращаться. Право, не хочется заострять на них внимание, ибо они - лишь досадные и, очевидно, неизбежные издержки популярного издания фундаментальной монографии. Главное же, что хотелось отметить - это новаторский характер книги Л.С.Переломова. Новаторский в том смысле, что в ней объединены две школы, две методологии историко-философских исследований: традиционно-китайская (текстуально-комментаторская, так называемая "сяо сюэ") и европейская, логико-аналитическая. Поскольку значительное место в книге занимает текстуальный разбор суждений Конфуция, его бесед с учениками и сановниками, то в ней превалирует первая (китайская) традиция. И это, представляется, важная заслуга автора, ибо работы европейских синологов, посвященные Конфуцию, в значительной степени носят сугубо логический характер. Это - обоснованно и вполне научно, но только при тщательном филологическом анализе текста памятника, который должен предшествовать логическим (содержательным) заключениям. Филологический (текстологический и источниковедческий) анализ - важное и необходимое условие изучения китайской классической философии, его основа. И работа Л.С.Переломова убедительно подтверждает это.

Книга "Слово Конфуция" интересна прежде всего скрупулезным исследованием тех материалов о жизни Конфуция, которые нам сохранила история. Их немного, и они достаточно подробно и критически использованы в работе Л.С.Переломова. Факты биографии Конфуция в общем-то известны науке - и каких-либо новых событий рецензируемая книга не добавляет. Ее достоинство в другом: биография Конфуция дается автором не только в событийном, но и в мировоззренческом аспектах. Перед нами, таким

образом, проходит не просто жизнь, но и процесс формирования личности философа, его взглядов и мироощущений. При этом автор наряду с жизнеописанием Конфуция дает анализ отдельных его идей, относящихся к тому или иному периоду его деятельности. К тому же взгляды мыслителя включаются в исторический и политический контекст, что позволяет автору в большинстве случаев убедительно аргументировать свою интерпретацию трудных для понимания мест из текста "Лунь юя". Единственный упрек, который можно бросить здесь, - это достаточно прозрачно прослеживаемое стремление изобразить Конфуция во все периоды его деятельности непогрешимым, справедливым, истинным "совершенным мужем". Как это ни покажется странным, но во всей книге Л.С.Переломова читатель не встретит ни одной отрицательной характеристики Конфуция. И объясняется это, думаю, тем, что, сравнив в начале работы Конфуция с Иисусом Христом (а также Буддой и Мохаммедом), автор стремился впоследствии следовать этой изначально заданной характеристике. При всей допустимости сравнения личности Конфуция с образом Христа, это не освобождает исследователя от необходимости объективно оценить такого реально существовавшего и достаточно противоречивого человека, каким был Конфуций. А о том, что Конфуций был противоречивой, метушейся личностью свидетельствуют и сами его беседы, и другие источники ("Цзо чжуань", "Ши цзи", "Кунцзы цзяюй" и др.). О противоречивости личности Конфуция, в частности, говорит его неоднозначные высказывания о велениях Неба (в книге Л.С.Переломова термин "мин" - "веления", "судьба", - иногда переводится как "воля", в то время как для обозначения этого понятия в конфуцианской литературе, в частности, в книге "Мэнцзы", чаще употреблялся иной иероглиф - "чжи", т.е. "воля"), о духах, о жизни и смерти и т.п. Не так проста для понимания личности Конфуция и история казни им Шаочжэн Мао, и тем более - отношение к "простому народу", к людям физического труда. Давая свою, оригинальную трактовку этих аспектов деятельности и взглядов Конфуция, Л.С.Переломов во всех случаях как бы пытается вывести Конфуция из под критики, в чем, собственно, Конфуций не нуждается.

Большой, несомненной заслугой Л.С.Переломова можно считать анализ самих взглядов Конфуция, трех сторон его учения - о человеке, об обществе и о государстве. Этическая доктрина (учение о благородном, совершенном муже) Конфуция предстает в книге цельной, систематизированной (усилиями автора, конечно) концепцией, в которой каждый компонент показан во взаимодействии с другими элементами. Убедительно, на наш взгляд, и новаторски выглядит включение Л.С.Переломовым в учение Конфуция о человеке двух принципов - "хэ", ("единение", "гармония", "слияние противоположностей") и "гун" ("слияние единообразного"). Анализ этих принципов, их трактовки Конфуцием (с.83-90) дан в книге достаточно аргументированно: он серьезно расширяет наше представление об этическом учении Конфуция, о его понимании путей достижения общественной гармонии и согласия между

людьми благодаря "свободному волеизлиянию", "единение" достигается через "разномыслие" (с.90).

Достаточно полно представлен в работе Л.С.Переломова и социальный аспект учения Конфуция - его взгляды на общество и государство. Автор раскрывает главный социальный смысл учения Конфуция - обоснование необходимости правления "благородных мужей", познавших "веления Неба" и "путь" (учение) самого Конфуция (с.146). Л.С.Переломов вполне справедливо отмечает то огромное значение, которое имела эта часть учения Конфуция для последующего укрепления бюрократической системы императорского Китая (с.148). При этом он убедительно (но с известной долей осторожности) соглашается с тезисом о сословно-иерархическом характере идеального, с точки зрения Конфуция, государства, заложившего основу будущей императорской системы (с.159). Интересно и свежо при этом выглядит и анализ роли старейшин патронимий и общин в воспитании народа в духе идеалов Конфуция (с.166) - это помогает понять механизм распространения и живучести конфуцианских традиций в последующие после Конфуция столетия. Менее убедительно выглядит попытка Л.С.Переломова переосмыслить традиционное толкование известной фразы из "Лунь юя", которая - с несущественными различиями - дословно звучит так: "Учитель сказал: "Народ можно заставить повиноваться (толкование Чжу Си: "выполнять долг"), но нельзя заставить понять (почему это необходимо)". На этом толковании европейская синология строила вывод о теории "оглупления народа", которой якобы придерживался Конфуций. Признавая "адекватной" трактовку европейских сиологов (с.151), автор затем соглашается и с другим, по сути противоположным прочтением этого же текста, появившимся в последнее время (с.153). Согласно этой версии, изменив пунктуацию, можно и должно получить иной смысл фразы: "Когда народ согласен- принуждай его следовать (этому); когда же он не согласен - принуждай осознать это" (с.153). Не оспаривая возможности (с точки зрения чисто грамматической) и такого прочтения текста, все же хотелось бы видеть в данном случае более определенное мнение автора книги.

В заключительном разделе книги, посвященном толкованию "Лунь юя", кратко показывается дальнейшая судьба "Слова Конфуция", его интерпретация и превращение в официальную ортодоксию. К сожалению, автор слишком бегло и потому неполно описал этапы, которые прошло учение Конфуция. Став каноническим, оно в то же время серьезно менялось не только в эпоху Сун (появление неоконфуцианства), но в эпохи Мин, Цин, а также в середине XX века, когда оно вылилось в конечном итоге в довольно мощное современное течение "постконфуцианства" (или "нового неоконфуцианства"), главным образом на Тайване и в США. Но это, повторяю, издержки популярного издания, которое призвано ввести нас в круг проблем фундаментального исследования о Конфуции, подготовленного Л.С.Переломовым. А пока - настоятельно рекомендую прочесть "Слово Конфуция" всем, кто

интересуется богатейшей сокровищницей мудрости китайского народа - древнейшим истоком восточной духовной культуры.

В.Феокистов

¹ См. Spengler. Der Untergang des Abendlandes. Bd.1, Munch. 1936, s. 27-28.

² Creel H.G. Confucius. The Man and the Myth. N.Y., 1949.

СПИСОК КНИГ, ПОДГОТОВЛЕННЫХ ИДВ РАН И НАМЕЧАЕМЫХ К ИЗДАНИЮ В 1993 Г.

1. "Китайская философия. Энциклопедический словарь". - М., Мысль - 60 л.

Энциклопедический словарь представляет собой первый изданный на европейском языке комплексный труд по истории философии Китая. Включает в себя следующие группы статей: 1) термины (понятия); 2) произведения; 3) философские темы и направления; 4) персоналии; 5) исследователи китайской философии. В целом книга содержит свыше 1,5 тысячи статей, авторами которых наряду с российскими учеными-китаеводами, являются и ученые КНР. Словарь снабжен алфавитным и иероглифическим указателями терминов, имен и названий.

Словарь адресован как специалистам-китаеведам, так и не владеющим китайским языком обществоведам и, наконец, широкому кругу читателей, интересующихся духовной культурой Китая.

2. Кривцов В.А. "Эстетика даоизма" - М., Фабула - 10 л.

Монография часть многолетней работы доктора исторических наук, профессора Кривцова В.А. На большом фактическом материале с привлечением оригинальных текстов рассматривается философия даоизма - самого, пожалуй, глубокого, но и таинственно-мистического направления древнекитайской философской мысли.

Книга адресована всем интересующимся духовной культурой Китая.

3. Китайская Народная Республика в 1991 году: Политика, экономика, культура: Ежегодник. - М.: Наука. Издательская фирма "Восточная литература", объем - 25 л.

В очередном выпуске ежегодника систематизируются сведения о внутренней и внешней политике, экономике, культуре Китайской Народной Республики за 1991 г. Подробно освещаются важнейшие изменения и анализируются основные процессы в государственной и общественной жизни страны. В ежегоднике постоянно ведутся разделы "Хроника" и "Персоналии".

Для специалистов-китаеведов и всех интересующихся современным положением в КНР.

4. Торопцев С.А. Китайское кино в контексте китайского общества (1949-1989). - М.: Наука. Издательская фирма "Восточная литература", объем - 10 л.

Перед читателем социально-политический очерк кино КНР, начиная с 1949 г.; причем кино рассматривается не с искусствоведческой точки зрения, а как элемент тоталитарной партийно-государственной машины.

Прослежен процесс постепенного вызревания общечеловеческих ценностей в кинематографическом сознании в 80-е годы.

Для широкого круга специалистов.

5. Традиции в общественно-политической жизни и политической культуре КНР: Ч.1 - М.: Наука. Издательская фирма "Восточная литература", объем - 20 л.

В коллективной монографии обстоятельно рассмотрено значение традиций в духовной и политической культуре Китая с глубокой древности до наших дней. Вскрыты социально-политические и идеологические предпосылки живучести традиций во всех сферах их проявления (в экономике, политике, системе управления, идеологии, религии), а также их объективная роль в процессе модернизации страны, ибо именно традиции и составляют суть социализма с китайской спецификой.

Для востоковедов, обществоведов, культурологов широкого профиля.

6. Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Этническая история китайцев XIX-XX вв. - М.: Наука. Издательская фирма "Восточная литература", - объем " 20 л.

Шестая книга коллективного исследования, посвященного этногенезу и этнической истории китайцев, охватывает период с середины XIX в. до 1949 г. Рассматриваются проблемы трансформации этнического самосознания, культуры и языка китайцев в условиях интенсивных контактов Китая со странами Запада.

Для специалистов-китаеведов и всех интересующихся историей Китая.

7. Мугрузин А.С. Аграрно-крестьянская проблема в Китае в первой половине XX века. - М.: Наука. Издательская фирма "Восточная литература", объем - 20 л.

В монографии прослеживается сущность спонтанного социально-экономического развития традиционного Китая, рассматривается состояние производительных сил и производственных отношений в первой половине XX века. Особое внимание уделено производительности труда в хозяйствах различного размера и проблеме земельной ренты. Поставлена проблема типов крестьянства, обосновывается вывод, что большая его часть относилась к традиционному типу. Показано, что по своей сущности аграрно-крестьянская проблема в Китае носит более сложный характер, чем в России, и объективно требует длительного периода для решения, что осложняет социально-экономическое развитие КНР.

Для востоковедов, историков - специалистов по новейшей истории, экономистов-аграрников.

8. Наумов И.Н. Проблемы формирования и подъема уровня жизни населения КНР. - М.: Наука. Издательская фирма "Восточная литература", объем - 20 л.

В работе вскрывается своеобразие процесса накопления в КНР и его противоречивое воздействие на структуру общественного продукта и формирование фонда личного потребления. Анализируются закономерности и особенности "взрыва" личных потребностей, вызванного социально-экономическими преобразованиями, научно-техническим прогрессом, информационной революцией. Исследуются отношения и формы распределения в условиях значительного недопроизводства жизненных благ,

формирование семейных доходов в городе и деревне, отрицательное воздействие низкого уровня и отсталой структуры личного потребления на воспроизводство населения. Рассматриваются объективные и субъективные трудности подъема народного благосостояния, связанные со стихийным ростом населения.

Для экономистов, обществоведов, пропагандистов, занимающихся проблемами Востока.

9. Экономическая реформа в КНР: Преобразования в городе. 1979-1984 гг.: Документы. - М.: Наука. Издательская фирма "Восточная литература", объем - 20 л.

В сборнике содержатся важнейшие документы ЦК КПК, Госсовета КНР и экономических ведомств по проведению экономической реформы, охватывающей промышленность, строительство, снабжение и сбыт, финансово-банковскую систему и другие отрасли народного хозяйства. Эти материалы относятся к начальному этапу (1979-1984 гг.) проведения реформы в КНР и во многом имеют экспериментальный характер, отражая сложный процесс поиска и внедрения новых хозяйственных форм. Значительная часть документов посвящена организационному, хозяйственному и правовому положению государственного предприятия, а также перестройке его отношений с другими звеньями экономической системы.

Для научных и практических работников, преподавателей, экономистов-международников, интересующихся опытом хозяйственных реформ в странах дальневосточного региона.

10. Экономическая реформа в КНР. Преобразования в городе. 1985-1988 гг.: Документы. - М.: Наука. Издательская фирма "Восточная литература", объем - 18 л.

В сборнике отражен период в развитии экономической системы в КНР, начавшийся после Ш пленума ЦК КПК 12-го созыва (октябрь 1984 г.). В книге содержатся важнейшие, действующие донныне документы ЦК КПК, Госсовета КНР и экономических ведомств, направленные на дальнейшее расширение и углубление реформы. Освещаются правовые и финансово-кредитные аспекты деятельности хозяйственных объединений, совершенствование системы налогообложения, распространение новых хозяйственных отношений на сферу науки и культуры, развитие кооперативных, арендных, подрядных и других новых форм хозяйствования.

Для научных и практических работников, аспирантов, преподавателей, экономистов-международников, интересующихся опытом хозяйственных реформ в странах дальневосточного региона.

11. Экономическая реформа в КНР: Преобразования в деревне. 1978-1988 гг.: Документы. - М.: Наука. Издательская фирма "Восточная литература", объем - 15 л.

В сборнике представлены принятые ЦК КПК, Госсоветом КНР и другими государственными органами основные законодательные акты и нормативные документы, которые составляют правовую основу экономической реформы в китайской деревне. В документах подробно освещается первый этап реформы (развитие различных типов производственной ответственности и становление семейного подряда; специализация сельской экономки; качественное преобразование сельской промышленности, торговли, сферы услуг, подсобных промыслов), раскрывается основное направление второго этапа, центральным звеном которого стала реорганизация системы закупок сельскохозяйственной продукции, стимулирующая дальнейшее развитие товарно-денежных отношений.

Для научных и практических работников, аспирантов, преподавателей, экономистов-международников, интересующихся опытом экономических реформ в странах дальневосточного региона.

* * *

Вышла в свет монография Б.Н.Славинского "Советская оккупация Курильских островов (август-сентябрь 1945 года). Документальное исследование". М., 1993, 144 с. Книгу можно приобрести в помещении редакции журнала "Проблемы Дальнего Востока" по адресу: Москва, 117218, ул.Красикова, 27, м.Профсоюзная, тел. 124-09-04 или по почте наложенным платежом.

В монографии впервые на основе ранее засекреченных документов из советских архивов дается истинная картина оккупации советскими войсками в августе-сентябре 1945 года всех островов Курильской гряды, включая "северные территории". Приводятся шифрограммы, приказы и донесения советского командования, имевшие ранее гриф "Секретно" или "Совершенно секретно". Впервые освещаются планы оккупации северной части острова Хоккайдо. События рассматриваются в хронологическом порядке не только по дням, но и по часам.

Книга предназначена для военных специалистов, историков, политологов, а также для всех тех, кто интересуется историей российско-японских отношений.

Вниманию читателей:

Институт Дальнего Востока РАН и научно-информационное объединение "Лотос" готовят по заказам читателей ксерокопии статей, документов и материалов, опубликованных в журнале "Проблемы Дальнего Востока" и его английском издании "Far Eastern Affairs". Число копий - не ограничено. Оплата - по договоренности. Возможна доставка заказов наложенным платежом.

Контактный телефон: 124-09-04.

Адрес: 117218, Москва, ул. Красикова 27.

Редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока".

**6-8 ОКТЯБРЯ 1993 Г. В ИДВ РАН СОСТОИТСЯ
МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
"КИТАЙ, КИТАЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И МИР.
ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ".**

*Заявки на участие направлять по адресу:
117218, Москва, ул. Красикова 27, ОРГКОМИТЕТ.
Тел. 129-12-66, Факс: (7-095) 310-7056.*

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Сдано в набор 14.05.93 г. Подписано к печати 14.07.93 г. Формат бумаги 70x100 1/16.
Офсетная печать. Усл.печ.л. 15,6. Усл.кр.-отт. 84.1тыс. Уч.-изд.л. 16,5 Бум. л. 6,0
Тираж 5283 экз. Зак.53.

Отпечатано в Московской типографии N2 ВО "Наука", 121099 Москва Г-99, Шубинский пер., 6.